ТРУДЫ

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum miserisque succurrere disco.

1822 ГОДЪ.

ЧАСТЬ XVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома.
1822 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, одинъ для Императорской Академіи Наукъ и одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи. Санктпетербургъ. Генваря 1 дня, 1822 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав.

Алек. Бируковъ.

НАУКИ.

РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ.

ЛѢТОПИСЬ О СИБИРСТѢЙ СТРАНѢ И О ВЗЯТІИ СИБИРИ (*).

ГЛАВА 1.

Гдѣ находится Сибирская страна, и какіе въ ней народы и произведенія?

Въ первой главѣ говоритъ Сочинитель, что Сибирская полуночная страна

(*) Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета поручилъ мнѣ въ 1820 году преобразовать нѣкоторыя малыя народныя училища Пермской Губерніи въ уѣздныя, между которыми было къ тому назначено и Екатеринбургское. По торжественномъ открытіи сего Училища, Августа 30 дня, сообщилъ мнѣ одинъ изъ почтеннѣйшихъ г. Екатеринбурга духовныхъ книгу, писанную разными руками, различнымъ стариннымъ почеркомъ и безъ наблюденія правописанія, въ кото-

отстоитъ отъ царствующаго града Мо-

рой, кромѣ относящихся до церкви и нравственности статей, помѣщено и повѣствованіе о *Сибирстѣй странѣ и о взятіц Сибири*. Сіи послѣднія слова написаны полу-уставомъ, киноварнаго цвѣта краскою такъ, какъ и всѣ оглавленія и первыя въ каждой главѣ буквы. Занимаясь по одной склонности къ Историческимъ предметамъ разборомъ сей рукописи, весьма трудной для чтенія, и преложеніемъ оной на употребляемой нынѣ языкъ, извѣщенъ я въ то самое время, что ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Санктпетербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности удостоило меня избрать своимъ Членомъ — Корреспондентомъ: по чему, въ ознаменованіе моей признательности къ толь знаменитому Сословію, взыскавшему меня своимъ благоволеніемъ, рѣшился я на первой случай представить на его усмотрѣніе сіи мои труды съ тѣмъ, чтобъ, показавъ содержаніе и объясненіе рукописи о покореніи Сибири, сдѣлать оную извѣстною Любителямъ отечественной Исторіи и узнать ихъ мнѣніе, заслуживаетъ ли она быть изданною для дополненія или поправки другихъ Сибирскихъ лѣтопи-

*

сквы почти на 2400 поприщъ (верстъ);

сей? Она сходствуетъ съ изданною г. Спаскимъ 1 Генваря 1821 года Сибирскою Лѣтописью, но довольно отличается въ собственныхъ имянахъ, годахъ и самомъ повѣствованіи, что означено и въ моихъ примѣчаніяхъ. Въ лѣтописи г. Спаскаго прибавлено изъ грамотъ, пожалованныхъ Гг. Владѣльцамъ Строгановымъ, о построеніи въ Пермской Губерніи нѣкоторыхъ городковъ на рѣкахъ Камѣ, Яйвѣ, Чусовой и Сылвѣ. Но я обязанностію почелъ держаться во всемъ подлинника, выпуская только то, что не принадлежитъ къ Сибирской исторіи.

Она начинается описаніемъ местоположенія Сибири, съ показаніемъ нѣкоторыхъ ея произведеній и обитающихъ въ ней народовъ; а чтобы точнѣе означить время ея сочиненія и узнать автора, то за нужное поставляю помѣстить здѣсь собственное его объясненіе о семъ предметѣ: „Изложена бысть сія „лѣтопись *Сибирское царство и княже-* „*ніе и о взятіи Сибири* въ Тобольскѣ гра„дѣ, въ лѣто 7145 отъ созданія міра „(1637 отъ Рождества Христова), „Сентября въ 1 день. Слагаше сію лѣ„топись человѣкъ грѣшенъ; имя его по-

отдѣляетъ оную отъ Россійскаго Государства превысочайшій камень, коего

„знается отъ четырехъ буквъ: сторица „сугубая (с) со единемъ (а) и вторица „(в) со единемъ (а). Отчина жъ его повѣстся от шла (отъ шти, или шести) „буквъ: первая буква грубая, еже есть е. „Прочаяжъ пять: сторица сугубая (с) съ „сугубою четверицею (и), осмочисленная „десятерица (п) съ седмичною десяте„рицею (о), единоже сугубая (в), еръ (ъ, „безгласная буква) скончаваетъ.“ Изъ чего явствуетъ, что писалъ оную *Сава Есиповъ или Осиповъ* Далѣе продолжаетъ авторъ: „Ино же написахъ съ писанія, „прежде мене списавшаго нѣчто, и стѣ„сняемо нѣчто бѣ рѣчью; азъ же разпро„странихъ, бесѣдую къ вашей любви, иже „будетъ изволивый прочитати лѣтописи „сія. Ино же отъ достовѣрныхъ мужей ис„пытахъ, иже очима своима видѣша и бы„ша въ та лѣта, и о семъ словеса моя въ „конецъ пріидоша. Упразднимся, братіе, на „Божія чудеса, еже содѣятася во дни „и роды наша въ новопросвѣщенныхъ мѣ„стѣхъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, „Емуже Слава со Отцемъ и Святымъ „Духомъ, яко благословенъ еси во вѣки. „Аминь.“ — Симъ оканчиваетъ, сочини-

верхи досягаютъ до облаковъ (1). На семъ камнѣ растутъ различныя древа: кедры и другія, въ которыхъ обитаютъ звѣри, служащіе частію въ пищу, частію на украшеніе и одѣяніе; снѣдные суть: олень, лось, заяцъ; для одѣянія и украшенія употребляемые: лисица, соболь, бобръ, росо-

тель лѣтопись свою о взятіи Сибири; за нею слѣдуетъ повѣсть о произшествіяхъ въ г. Тобольскѣ и во всей Сибири, разположенная по годамъ, начиная съ 7151 (1643) до 1714 года, писанная разными руками и касающаяся особливо до Сибирскихъ Преосвященныхъ Архіереевъ, Тобольскихъ Воеводъ, строенія церквей и разныхъ разпоряженій высшаго Начальства, и весьма полезна быть можетъ для топографіи сихъ мѣстъ.

Изложеніе сей лѣтописи на обыкновенномъ нарѣчіи можетъ послужить изъясненіемъ самаго подлинника, если позволятъ обстоятельства издать оной въ такомъ видѣ, въ какомъ содержится въ рукописи. — *Никита Поповъ.*

(1) Хотя слишкомъ увеличена высота Уральскихъ горъ, но то справедливо, что начинающіеся при высочайшихъ изъ нихъ туманы, всегда предвѣщающіе дождь или

мака (2), бѣлка и другіе имъ подобные; много тамъ сладкопѣвныхъ птицъ, но несравненно больше различныхъ травъ и цвѣтовъ. Изъ того же камня многія изтекаютъ рѣки, изъ которыхъ нѣкоторыя идутъ въ Россійское Государство, другія въ Сибирскую землю. — При чемъ удивляется Историкъ, какими судьбами вода разкопала твердый камень и составила весьма пространныя и прекрасныя рѣки, имѣющія сладчайшую воду и множество различныхъ рыбъ. При устьяхъ сихъ рѣкъ, между дебрями (дикими лѣсами), находятся весьма пространныя и способныя къ земледѣлію, къ плодоносной жатвѣ и паствѣ мѣста.

Изъ рѣкъ, входящихъ въ Сибирскую землю, первая есть Тура, при которой о-

снѣгъ, представляются въдали облаками. Таковы, на прим: Косвинской, Золотой, Полюдовъ Камень и другія высочайшія части Уральскаго Хребта.

(2) Изъ числа звѣрей, упомянутая авторомъ *Росомака* называется нынѣ Россомагою; но не правильнѣе ли называть сего звѣря Росомахою, потому, что она нападаетъ на другихъ животныхъ по росѣ, или рано поутру?

битаетъ народъ, Вогуличами называемый, говорящій особливымъ своимъ нарѣчіемъ и покланяющійся идоламъ. — Р. Тура, принявъ Тагилъ, впадаетъ въ р. Тоболъ, текущую въ Иртышь, которая соединяется съ великою рѣкою Обью. На р. Турѣ обитаютъ также Татары, а по рѣкамъ Иртышу и Оби различные народы, какъ то: Татары, Калмыки, Мунгалы, Пѣгая Орда, Остяки, Самоядь и другіе. Изъ сихъ Татары слѣдуютъ Магометанскому закону; Калмыки, какой имѣютъ законъ, или преданія отцовъ своихъ, автору не извѣстно, потому, что писменъ о нихъ не нашелъ, ни изпыталъ; Пѣгая же Орда, Остяки и Самоядь закона не имѣютъ, но покланяются идоламъ и жертвы имъ приносятъ яко Богу, волшебною хитростію правя свои домы. — Они ѣдятъ звѣрей и гадовъ, траву и коренья, и пьютъ кровь животныхъ, какъ воду. — Остяки имѣютъ одежду отъ рыбъ, Самоядъ отъ оленей. Первые изъ нихъ ѣздятъ на собакахъ, послѣдніе на оленяхъ. Рѣка Обь впала въ Мангазейскую Губу (3),

(3) Такъ называетъ оную авторъ, смѣшивая

которая составляетъ часть Сѣвернаго Океана, гдѣ вѣчные льды не таютъ отъ солнечнаго зноя.

ГЛАВА 2.

О Сибирскихъ Царяхъ и Князьяхъ.

На рѣкѣ Ишимѣ, впадающей въ р. Иртышъ, имѣлъ пребываніе царь Магометова закона, имянемъ *Онъ* (4); противъ него возсталъ нѣкто *Чингій*, изъ простыхъ людей его державы, и какъ разбойникъ, напавшій съ другими на сего царя, убилъ и овладѣлъ его царствомъ. Но одинъ изъ слугъ царя Она соблюлъ его сына Тайбугу отъ убійства похитителя Чингія. По прошествіи же нѣкоторыхъ лѣтъ дошло до свѣденія Чингія, что Тайбуга есть сынъ Она; почему, принявъ его съ великою честью, онъ даровалъ ему княженіе и власть надъ людьми. Послѣ чего

съ Енисейскимъ заливомъ, а нынѣ извѣстна подъ имянемъ Обской.

(4) Лѣтопись г. Спаскаго имянуетъ его Иваномъ, а Чингія, Чингисомъ.

князь Тайбуга просилъ у царя Чингія позволенія, чтобы отпустилъ его съ воинствомъ, куда онъ пожелаетъ. Чингій, собравъ воинство и вооруживъ оное, отпустилъ съ нимъ Тайбугу по р. Иртышу, гдѣ обитала Чуть (Чудь). Князь Тайбуга, покоривъ для царя съ симъ воинствомъ многія по рѣкѣ Иртышу и великой Оби народа того племяна, возвратился оттуда съ радостію къ царю Чингію, которой, увѣрившись лично отъ Тайбуги о сихъ завоеваніяхъ, почтилъ его тѣмъ большею честію. Но князь Тайбуга опять просилъ царя отпустить его для пребыванія, гдѣ онъ самъ пожелаетъ. Получивъ позволеніе, переселился онъ со всѣмъ домомъ своимъ на рѣку Туру, построилъ тамъ городъ и назвалъ его *Чингидинъ* (5), гдѣ нынѣ находится г. Тюмень. Тайбуга жилъ здѣсь многіе годы и умеръ въ семъ мѣстѣ. По немъ княжилъ сынъ его Ходжа; потомъ сынъ Ходжи Маръ, у котораго были дѣти Адеръ и Ябалакъ. Князь Маръ женатъ былъ на сестрѣ Ка-

---

(5) Въ той же Лѣтописи названъ сей городъ Чингій.

занскаго царя Упака, которой, убивъ зятя своего Мара, овладѣлъ его градомъ и много лѣтъ владѣлъ онымъ. Маровы дѣти Апдеръ и Ябалакъ умерли своею смертію. Но Андеровъ сынъ Маметъ (6) убилъ Казанскаго царя Упака и, разрушивъ градъ свой Чингидинъ, удалился оттуда во внутренность Сибирскія страны и, построивъ для себя городъ на р. Иртышѣ, называлъ его Сибирью, гдѣ, поживъ многіе годы скончался. Съ сего то времяни пресѣклось царство на р. Ишимѣ.

~~~~~~~~~~~~

ГЛАВА 3.

Для чего названа вся сія страна Сибирью?

Когда Маметъ, побѣдивъ Казанскаго царя, построилъ на р. Иртышѣ новый городъ, то повелѣлъ, въ ознаменованіе своей побѣды и храбрости, называть оной *Начальнымъ, или Сибирью;* отъ сего и вся принадлежащая ему страна названа Си-

(6) Андеровъ сынъ Маметъ названъ тамъ же Адеровъ.
~~~~~~~~~~~~

бирскою, или древним и общим названіем *Сибирь* именуется, а находящіеся въ ней города называемъ Сибирскими, удерживая впрочемъ при каждомъ данное ему названіе, подобно тому, какъ всѣ вечернія (западныя) страны названы Иракліею и Италіею, отъ нѣкоего Итала обладавшаго оными, какъ свидѣтельствуетъ, говоритъ авторъ, Латинская Хроника, хотя каждой городъ всей Римской страны имѣлъ собственное названіе. — (Изъ сего видно, что сочинитель Лѣтописи зналъ Латинской языкъ и имѣлъ понятіе о древней Исторіи). — Но, какое прежде имѣла Сибирская страна названіе, повѣствователь отзывается незнаніемъ, потому, говоритъ онъ, что много ли прошло лѣтъ и съ того времяни, какъ созданъ градъ Сибирь, не могъ онъ узнать; но прежде жила Чудь по всей Сибирской землѣ, а, какъ прежде называлась, никто не помнитъ, и онъ никакихъ писменныхъ извѣстій о томъ не нашелъ.

ГЛАВА 4.

О Княженіи прочихъ Сибирскихъ Князей.

Послѣ Князя Мамета княжилъ въ Сибири Ябалаковъ сынъ *Агишъ* (7), по немъ *Казымя*, сынъ Маметовъ, послѣ сего Казыевы дѣти *Этигеръ и Бекбулатъ*, у Бекбулата былъ сынъ *Сейдякъ* (8).

ГЛАВА 5.

О Царѣ Кучумѣ.

Царь Кучумъ (9), сынъ Муртазы, пришедъ степью изъ Козачей Орды со многими воинскими людьми къ г. Сибири, взялъ оной, и, убивъ Князей Этигера и Бекбулата, сталъ называться Сибирскимъ Царемъ, и, приведши подъ власть свою многіе языки (народовъ), сдѣлался

(7) Ябалаковъ сынъ Агишъ имянуется въ тойж Лѣтописи Яболаковъ сынъ Агашъ. —

(8) Сейдякъ называется тамъ Сейдекъ.

(9) У Кучума, кромѣ Меткуля, былъ сынъ Алій, чего нѣтъ въ моей рукописи. Кучумъ Мурша, Заліевъ сынъ, долженъ называться сыномъ Муртазы.

весьма гордъ (и превознесяся мыслію своею). Но сынъ Бекбулатовъ Сейдякъ спасенъ былъ отъ убійства и препровожденъ въ Бухарскую землю. Царь же Кучумъ царствовалъ въ Сибири довольное время (лѣта довольна) во изобиліи, радости и веселіи, взимая дани и оброки со многихъ народовъ даже до лѣта Господня повелѣнія, когда Богъ восхотѣлъ царство его разрушить и предать православнымъ Христіанамъ; Господь гордымъ противится, говоритъ авторъ, смиреннымъ же даетъ благодать.

ГЛАВА 6.

О Вѣрѣ Царя Кучума.

Законъ царя Кучума и состоящихъ подъ его властію народовъ былъ частію Магометанской и частію идолопоклонническої; при чемъ повѣствователь входитъ въ свойственное ему разсужденіе о сихъ предметахъ, обличая Магометанскій законъ и идолопоклонство священнымъ писаніемъ и особливо книгами Моисея, но я

за нужное поставляю продолжать его повѣсть о покореніи Россіянами Сибири.

ГЛАВА 7 и 8.

О пришествіи Ермаковъ и прочихъ въ Сибирь.

Очистить сіе мѣсто, побѣдить бусурманскаго царя Кучума и раззорить богомерскія и нечестивыя капища — послалъ Богъ избраннаго не отъ славныхъ мужей, ниже отъ знаменитыхъ воеводъ; но вооружилъ славою и ратоборствомъ Атамана Ермака, Тимоѳеева сына, и съ нимъ 540 человѣкъ: въ лѣто отъ сотворенія міра 7089 (1581 по Р. Х.), въ царствованіе Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Россіи Самодержца, пришли сіи воины съ р. Волги въ Сибирь, проходили въ оную рѣкою Чусовою (10) на р. Тагилъ, потомъ плыли

---

(10) Путь Ермака Тимоѳеева подробнѣе описанъ въ § 174 Хозяйственнаго Описанія Пермской Губерніи, мною сочиненнаго и

сею рѣкою и Турою и дошли до р. Тавды. На устьѣ сей рѣки взяли въ плѣнъ Татарина Таузина, служащаго при дворѣ царя Кучума. Плѣнникъ сей увѣдомилъ ихъ о всемъ, до Кучума относящемся. Услышавъ царь Кучумъ о пришествіи Русскихъ воиновъ, о мужествѣ ихъ и о храбрости, весьма оскорбился, но, паки размысля, вскорѣ посылаетъ во всю свою державу съ повелѣніемъ, чтобъ ѣхали къ нему

напечатаннаго въ Перми 1804, и потомъ изданнаго въ 1811 и 1813 годахъ отъ Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества: „можно привести много мѣстъ, гдѣ, по видимому, оное (водное сообщеніе) возможно, какъ то: во первыхъ путь Ермака Тимоѳеева, проложенный имъ для завоеванія Сибири. Онъ, нагрузивши взятыми отъ Гг. Строгановыхъ припасами малыя суда, поднимался на нихъ вверхъ по Чусовой съ 12 Іюня (1579 года), когда въ ней упадаетъ уже вода до настоящей своей межени. Препятствій въ семъ пути невидно; но когда вошелъ онъ въ рѣчку Серебрянку, то мѣлководіе ея принуждало его проводить свои суда, спруживая воду посредствомъ парусовъ

воинскіе люди въ городъ Сибирь и ополчились противъ Рускихъ въ скоромъ времяни (въ малѣ времяни); почему собралось къ нему множество Татаръ, Остяковъ, Вогуличь и другихъ народовъ (языковъ), бывшихъ подъ его властію. Пославъ царь сына своего Маметкуля со множествомъ воиновъ, повелѣлъ мужественно (мужески) ополчиться противъ нашедшихъ; самъ же разпорядилъ устроить засѣку подлѣ р. Иртыша подъ Чувашемъ, засынать землею и многими утвердить крѣпостями, какъ требовали обстоятельства сего ук-

какъ нынѣ поступаютъ Чердынцы при путешествіяхъ своихъ на рѣку Печеру, по чему не могъ дойти далѣе рѣчки Кокуя, текущей въ Серебрянку. Перезимовавъ здѣсь и перешедъ въ 1580 году хребетъ Уральскихъ горъ (составляющій между нею и рѣкою Баранчею 9-ти верстный волокъ), а плылъ рѣчкою Жаравлею на плотахъ до Баранчи, при которой, построивъ суда, спустился по ней въ р. Тагилъ и потомъ въ Туру." Съ симъ почти согласна и Лѣтопись Сибирская, изданная г. Спасскимъ. Она же Татарина Таузина имянуетъ Таузакомъ.

рѣшенія (яко же достойно утвержденія). Между тѣмъ Маметкуль дошелъ съ своими воинами до мѣста (урочища), которое называется Бабасаны. Козаки, видя такое множество (собраніе) Поганыхъ, нимало того не устрашились, но храбро съ ними сразились (и бысть съ Погаными брань велія), и побили ихъ множество такъ, что обратили ихъ въ бѣгство. Почему Козаки паки поплыли въ стругахъ своихъ по рѣкѣ Тоболу. Татара хотя стрѣляли на струга ихъ изъ за горы, но они проплыли то мѣсто безъ всякаго вреда.

ГЛАВА 9.

О взятіи улуса Корачи.

Карача, Думной царя Кучума, имѣлъ свой особливой улусъ, до котораго дошедшие Козаки, начали съ нимъ сраженіе, взявъ его улусъ, пріобрѣли тамъ множество богатства и, погрузивъ царской медъ въ свои струга, пошли далѣе и доплыли до р. Иртыша. Когда непріятели собра-

лись на берегу, нѣкоторые на коняхъ, другіе пѣшіе; то Козаки, вышедши со струговъ своихъ на берегъ, мужественно на нихъ напали и убійственное сдѣлали между ними пораженіе такъ, что разстроенные ихъ враги невозвратному предались бѣгству.

ГЛАВА 10.

О взятіи городка Атика-Мурзы.

Царь Кучумъ, видя паденіе войскъ своихъ, удалился со многими людьми на высокое мѣсто на горѣ Чувашѣ, а у засѣки остался сынъ его Маметкуль также со многими военными людьми; Козаки же, поднявшись вверхъ по Иртышу, взяли городокъ Атика-Мурзы и въ немъ засѣли, а, по наступленіи ночи, стали размышлять съ боязнію и страхомъ, видѣвши такое враговъ своихъ множество, что одному надобно будетъ сражаться съ десятью и даже двадцатью невѣрныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ рѣшились было сейже ночи бѣжать, но другіе того не хо-

тѣли, потому, что уже настала осень, и, что они уповаютъ на Божію помощь; почему склонили и первыхъ къ нападенію на своихъ непріятелей въ сей на Бога надеждѣ.

ГЛАВА II.

О пораженіи Маметкуля и его войска при засѣкѣ.

И такъ въ 23 день Октября всѣ другіе воины вышли изъ городка на сраженіе (на бой), и съ словами: *съ нами Богъ*, и прибавя паки: *Боже, помози рабомъ своимъ!* начали приступать къ засѣкѣ, гдѣ великое произошло сраженіе: ибо и самые Татара, будучи злоратные воины, показывали въ сей убійственной брани свирѣподушную дерзость такъ, что, имѣя копѣйныя острія (су ицы) въ своемъ чревѣ (въ утробахъ своихъ), еще вооружались тѣломъ своимъ крѣпко, всѣ дыщали гнѣвомъ и яростію, одѣяны будучи желѣзомъ, покрыты мѣдными щитами, вооружены

копьями и желѣзострѣльными оружіями (вси, дыхающе гнѣвомъ и яростію, одѣяни желѣзомъ и мѣднощитницы и копіеносцы и желѣзострѣльницы) (11). Съ обѣихъ сторонъ произошло ужасное пораженіе; Поганые пустили тысячечисленныя стрѣлы, а Козаки били ихъ изъ огнестрѣльныхъ пищалей; но вскорѣ злая настала сѣча такъ, что, схватываясь руками, поражали мечами другъ друга. Но Божіею помощіею невѣрные начали по малу оскудѣвать и слабѣть, а Козаки, гоня, побивая въ преслѣдованіи и попирая уязвляемыхъ ногами, толикое учинили пораженіе, „что очервленишася тогда кровми поля, омочая ту, и постилашася трупіемъ мертвыхъ, и въ блата обратишася тогда отъ истекшихъ кровей, якоже древле отъ тѣлесъ ко граду близь Скомандры,

---

(11) Подъ желѣзострѣльницами разумѣются, по видимому, употребляемыя Татарами, Остяками и Вогуличами луки и стрѣлы; изъ коихъ первые, можетъ быть, были желѣзные, или стальные, а стрѣлы съ желѣзными копѣйцами.

пленующу Ахиллесу (12)" говоритъ повѣствователь, сравнивая сіе пораженіе Поганыхъ отъ Ермака Тимоѳеева и Козаковъ его съ подвигами храбраго Ахиллеса подъ Троянскими стѣнами. „Тако бо побѣдиша окаянныхъ бусурманъ! Божій бо гнѣвъ пріиде на нихъ за беззаконіе ихъ и кумиропоклоненіе, яко не вѣдяще Бога, сотворшаго ихъ." Въ семъ сраженіи, раненный отъ Рускихъ воиновъ, царевичь Маметкуль былъ бы, вѣроятно, взятъ въ плѣнъ, если бы свои не перевезли его на другую сторону р. Иртыша.

ГЛАВА 12.

О бѣгствѣ Кучума царя изъ города Сибири.

Въ сіе время царь Кучумъ стоялъ на высокой горѣ, вышеупомянутой, и, видя паденіе своихъ войскъ, повелѣлъ Мула-

---

(12) Рѣка Скомандра, или Стамкусъ, протекала по самой срединѣ города Трои. Сіе обстоятельство вновь доказываетъ, что Сава Осиповъ зналъ довольно древнюю

дамъ своимъ читать громко свою молитву и призывать своихъ боговъ на помощь; но не бысть имъ отъ нихъ ни помощи, ни поспѣшенія.

Остяцкіе князьцы въ тоже время отошли въ свои земли, а царь Кучумъ, предусматривая паденіе своего царства, сказалъ къ находящимся при немъ: побѣжимъ не медливше, сами видимъ всего лишеніе, сильніи изнемогоша, храбріи избіени быша! „О горе, о люте мнѣ! Увы, увы! Что сотворю, како побѣжу, покры срамота лице мое! Кто мя побѣди? Напрасно мя изъ царствія изгна! Отъ простыхъ людей Ермакъ, не со многими вои пришедъ, и толико зла сотвори; вся моя изби и посрами!" — А то беззакониче не вѣсть, говоритъ авторъ, яко и чада родителей своихъ ради страждутъ, ово гладомъ и наготою, ово пожаромъ — ово отъ звѣрь скоту снѣдаему; за твою беззакон-

---

Исторію, а, можетъ быть, читалъ и Омерову Иліаду на Эллинскомъ языкѣ, потому, что въ то время не было еще таковыхъ книгъ на Рускомъ.

никъ скверну, Богъ, вся видя, тебя уничижилъ — и обратися болѣзнь чужая на главу твою, неправда же твоя на тя сниде! Такожъ и онъ самъ на ся рекъ, къ сему же глагола: азъ побѣдихъ во градѣ Сибири князей Эпигера и Бекбулата и многое богатство пріобрѣтохъ; пріидохъ и побѣдихъ, ни отъ кого же посланъ, корысти ради и величія!" Потомъ прибѣжалъ царь Кучумъ въ городъ Сибирь и, взявши нѣсколько изъ своихъ сокровищъ, предался невозвратному бѣгству со всѣми своими воинами, оставя свой городъ пустъ.

ГЛАВА 13.

О вшествіи Ермака съ товорищами въ г. Сибирь.

Когда умолкло бранное ополченіе подъ Чувашемъ; тогда утружденные отъ сраженія воины, пришедшей нощи, оставили мѣсто побоища и перешли на другое для укрѣпленія своихъ силъ; но при семъ не забыли осторожности, поставивши къ

рѣкѣ стражу отъ Поганыхъ, дабы сіи коварные враги не сдѣлали спящимъ вреда (да не ужалятъ окаянные, яко зміи). Поутру же на другой день всѣ воинскіе люди, принесши молитву ко Всещедрому Богу и Пречистой Его Матери, пошли ко граду Сибири безъ боязни. Но, приближившись къ оному, не слышали въ немъ ни гласа, ни послушанія; почему думали сначала, что враги ихъ скрылись въ городѣ; однакожъ, не взирая на сіе, въ упованіи на Бога, вошелъ Ермакъ со своими товарищами въ городъ Сибирь въ лѣто отъ с. міра 7089 (1581 по Р. Х.), Октября въ 26 день, на память святаго великомученика Димитрія Селунскаго; и всѣ воинскіе люди прославили Бога, давшаго имъ таковую побѣду на окаянныхъ Агарянъ — идолопоклонниковъ, изъявляя великую радость. Воистинну достойно воспоминать сію побѣду и въ предыдущіе роды потому, что не многими воинами, но Божіею помощію покорено царство!

ГЛАВА 14.

О прибытіи въ г. Сибирь князца Бояра и возвращеніи Татаръ въ свои домы.

Въ четвертый день по взятіи Сибири, пришелъ въ сей городъ Остяцкій князецъ, имянуемый Бояръ, со многими Остяками, принесши Ермаку съ товарищами многіе дары и припасы для пищи (на потребу). Послѣ чего начали приходить многіе Татара съ женами и дѣтьми и стали жить въ прежнихъ своихъ домахъ, видя, что Богъ покорилъ ихъ чрезъ храброе воинство православнымъ Христіанамъ.

ГЛАВА 15.

О побіеніи Козаковъ на рыбной ловлѣ подъ Ябаланомъ.

Въ томъ же году, Декабря въ 5 день, Ермакова дружина безъ опасенія отправилась на рыбную ловлю къ нѣкоторому мѣсту (урочищу), называемому Ябалакъ, гдѣ, поставивши станъ свой, предалась

сну безъ стражи. Царевичь Маметкуль, напавши на сихъ столько неосторожныхъ Козаковъ со многими людьми, побилъ всѣхъ. Когда услышали въ городѣ о семъ убійствѣ, то Ермакъ съ дружиною погнался за Погаными въ слѣдъ и достигъ ихъ близъ поля, гдѣ произошло великое сраженіе чрезъ многіе часы. Они устремились къ бѣгству, а Ермакъ съ товарищами возвратился въ г. Сибирь.

ГЛАВА 16.

О представленіи къ царю Ивану Васильевичу ясака чрезъ посланныхъ отъ Ермака Козаковъ.

Когда, по изволенію Божію, Христіане овладѣли г. Сибирью и всею зависящею отъ него страною; то Ермакъ послалъ въ Москву Атамана изъ Козаковъ съ собраннымъ ясакомъ и съ донесеніемъ Благочестивому Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, всея Россіи Само-

держцу, что изволеніемъ Всемилостиваго, въ Троицѣ славимаго, Бога и пречистыя Его Богоматери и молитвами Великихъ всея Россіи Чудотворцовъ, также праведною Его Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи ко Всещедрому Богу молитвою и счастіемъ, онъ съ товарищами покорилъ Сибирское царство, побѣдилъ царя Кучума съ его войсками и привелъ подъ царскую Его высокую руку многихъ живущихъ тамъ иноземцевъ: Татаръ, Остяковъ Вогуличь и прочихъ народовъ, и къ шерствованію (присягѣ) по ихъ вѣрѣ привелъ многихъ, чтобы имъ быть подъ его Государскою высокою рукою до вѣка, доколѣ (по кахъ мѣстъ) Богъ изволитъ вселенней стояти, и ясакъ имъ давати Государю всегда, во всѣ годы и лѣта безпереводно и Рускимъ людямъ никакаго зла не творить. Если которые изъ нихъ пожелаютъ вступить въ государскую службу, тѣмъ служить сію службу прямо, недругамъ Его Государскимъ не спускать, сколько Богъ подастъ помощи, и самимъ имъ не измѣнить: ни къ царю Кучуму, ниже въ дру-

тіе орды и улусы не отъѣзжать, и зла на всякихъ Рускихъ людей никакаго не мыслить и не думать, и во всемъ (всяконъ) правомъ востоятельствѣ (обстоятельствѣ) стоять.

Когда Атаманъ и Козаки пріѣхали въ Москву, то доведено сіе до свѣденія Государя. Благочестивый же Государь Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Россіи, узнавъ о томъ, повелѣлъ доношеніе (отписку) у нихъ принять и прочитать (вычесть) предъ своимъ царскимъ лицемъ; и, услышавъ Государь Божію помощь и силу, что снабдилъ его Господь таковымъ царствомъ и пространствомъ (земли), даруетъ и покоряетъ непокорныхъ и повинными творитъ враговъ его и подручными супостатовъ, тогда же прославилъ Бога и пречистую Его Богоматерь, что явилъ свою таковую пребогатую и великую милость, и что не отъ многихъ воиновъ таковая одержана побѣда (не отъ многихъ вои такова побѣда бысть); Ермака же своимъ царскимъ жалованьемъ и заочнымъ словомъ пожаловалъ, а Козаковъ своимъ

государскимъ жалованьемъ, деньгами и сукнами — и паки отпустилъ ихъ къ Ермаку въ Сибирь. Ермаку же и прочимъ Атаманамъ и Козакамъ послалъ Государь свое жалованье многое за ихъ службу ему Государю и за пролитіе крови.

ГЛАВА 17.

О взятіи въ плѣнъ Маметкуля.

Послѣ сего пришедшій къ Ермаку въ городъ Сибирь Татаринъ Сенбахта (13) объявилъ ему, что царевичь Маметкуль, сынъ царя Кучума, стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ, почти на сто верстъ отъ г. Сибири. Почему Ермакъ избралъ изъ полка своего нѣкоторыхъ юныхъ и искусныхъ въ военномъ (ратномъ) дѣлѣ мужей, послалъ ихъ въ сіе мѣсто. Сіи воины, дошедши до стана его, попали на оной ночью, когда нѣкоторые изъ стражей Ма-

---

(13) Въ Сибирской лѣтописи г. Спаскаго: *Сейбохта.*

меткуля спали, другіе же бодрствовали, многихъ изъ нихъ побили и потомъ, дошедши до шатра царевича Маметкуля и окруживъ оной, взяли его въ плѣнъ живаго со всѣмъ богатствомъ и привели въ г. Сибирь. — Ермакъ принялъ его съ уваженіемъ, объявивъ ему великую царскую милость (жалованье) и ублажалъ его ласковыми словами (ласкосердными словесы).

Царь Кучумъ много времяни ожидалъ сына своего Маметкуля, но пришедшіе къ нему вѣстники объявили, что сынъ его Маметкуль взятъ въ плѣнъ. Узнавъ о семъ своемъ несчастіи, предался онъ на долгое время плачу и рыданію со всѣмъ своимъ дворомъ.

(Окончаніе впредь)

КРИТИКА.

Общество, принимая новую статью въ Журналъ свой — *Критику*, желаетъ доставить мѣсто сужденіямъ своихъ Членовъ, или постороннихъ особъ о произведеніяхъ, преимущественно оцѣниваемыхъ вкусомъ. Словесность наша богата хорошими сочиненіями, даже превосходными; но мы не можемъ похвалиться избыткомъ основательныхъ разборовъ. По сему Критика въ Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія не будетъ ограничиваться *новостями*, изъ которыхъ многія безъ шуму могутъ умереть въ самый день своего рожденія, хотя случается, что усердные Журналисты, вопреки судьбѣ и вкусу, спорами

своими поддерживаютъ ихъ слабое существованіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ.

Критика, подобно врачебному искуству, наиболѣе должна заботиться о сохраненіи бытія такихъ прозведеній, которыя подаютъ видимую надежду къ продолжительной жизни, а отчаянныя, часомъ позже, или часомъ ранѣе — должны умереть при всѣхъ ея попеченіяхъ. Конечно есть Критика положительная и отрицательная: первая ищетъ совершенствъ, а вторая показываетъ одни недостатки. Не будемъ спрашивать — которая легче, но — которая полезнѣе? Отрицательная Критика похожа на дурную загадку, въ которой, описывая предметъ, говорятъ: онъ не черный, не бѣлый, не красной, не голубой и проч. и проч., а не опредѣляютъ имянно, какаго цвѣта этотъ предметъ. Кажется, лучше бы прямо сказать: онъ такой-то. Одно указанное совершенство даетъ образецъ, хотя одинъ, но все полезный, а двадцать выставленныхъ ошибокъ (безъ

замѣны ихъ лучшимъ) не сообщаюшъ ни одной исшины вкусу.

Основываясь на сихъ замѣчаніяхъ, Общесшво рѣшилось держашься въ разсужденіи Кришики слѣдующихъ правилъ: разбирашь шакія произведенія, кошорыя имѣюшъ въ себѣ больше хорошаго, нежели дурнаго; удовлешворяшь любопышсшву чишашелей больше изложеніемъ совершенсшвъ, нежели недосшашковъ; говоришь о слабыхъ мѣсшахъ съ умѣренносшію, чшобы ни въ какомъ случаѣ Кришика не могла унизишься до брани.

Саширы, Посланія и другія мѣлкія Сшихошворенія

Михайла Милонова.

Исшинное одушевленіе Поэша ничего не имѣешъ общаго съ холоднымъ жаромъ къ авшорсшву. Первое ко всему возбуждаешъ сильное учасшіе въ чишашелѣ, согрѣваешъ душу и двигаешъ но

волѣ своей всѣ ея способности; а послѣдній далѣе слуха нашего не знаетъ дороги — и всѣ звуки его въ немъ умираютъ. Кто, читая стихи Милонова, не скажетъ, что онъ былъ истинный Поэтъ? Мысли, чувства, картины — все изливалось у него изъ сердца, изъ сего единственнаго источника Поэзіи. Разсудокъ можетъ быть прекраснымъ наставникомъ стихотворца, но не замѣнитъ чувствительности и воображенія.

Милонова, какъ многихъ, самыхъ лучшихъ, нашихъ Поэтовъ, нельзя разбирать по одному роду стихотвореній: онъ писалъ Сатиры, Посланія, Элегіи, Надписи и проч. Но въ дидактическомъ и элегическомъ родахъ онъ оставилъ болѣе совершенныхъ произведеній, которыя даже носятъ на себѣ отпечатокъ ему только свойственной поэзіи. По сему, чтобы опредѣлить характеръ его стихотвореній, мы будемъ преимущественно разбирать его Сатиры и Элегіи. Съ перваго взгляда странно покажется, что у одного человѣка столь противоположные роды доведены до со-

вершенства; но это легко понять, если мы не потеряемъ изъ вида ходу страстей нашихъ. Сатира раждается отъ благороднаго негодованія, которое пороки, заблужденія и дурныя правила возбуждаютъ въ чувствительномъ сердцѣ. Оно сообщаетъ писателю силу и вооружаетъ его мстительнымъ перомъ. За гнѣвомъ почти никогда не слѣдуетъ хладнокровіе. Сердце, растерзанное досадою, невольно ищетъ предмета, который бы вытѣснилъ изъ него оскорбительныя воспоминанія и наполнилъ оное пріятными чувствованіями. Человѣкъ, равнодушный къ оскорбленіямъ, не способенъ къ нѣжности. Чувствительный долженъ быть или бичемъ, или жертвою.

Сатиры раздѣляются на важныя и веселыя, смотря по тому, прямо ли стихотворецъ нападаетъ на пороки, изображая ихъ въ самомъ презрительномъ видѣ, или только, подъ видомъ шутки, рисуетъ ихъ смѣшныя стороны. Часто въ одной и той же Сатирѣ смѣшиваются сіи роды. У Милонова шесть Сатиръ, кои по большой части суть подражанія

вали Латинским, или Французским. Важныя у него Сатиры: *Къ Рубеллію* и *Отрывокъ изъ Луцилліевой Сатиры противъ его вѣка.* Въ остальныхъ четырехъ смѣшивается часто важная Сатира веселою. Къ числу Сатиръ надобно отнести еще два его Посланія: *Къ И. М. Ф — у* и *Н. Ѳ. Г — у.* Перечитывая всѣ сіи стихотворенія, находимъ, что Милоновъ чаще приходилъ въ пылкое негодованіе, нежели въ затѣйливый смѣхъ. Онъ самыми рѣзкими чертами изображалъ пороки. Часто даже, во время шутки, у него вырываются прямыя мысли и сильныя выраженія. Все показываетъ, что гнѣвъ его не могъ прикрываться личиною одной насмѣшки. Въ важныхъ Сатирахъ слогъ его особенно отрывистъ и силенъ, періоды коротки и теченіе мыслей, какъ въ лирическихъ піесахъ, стремительно. Въ веселыхъ онъ увлекается подробностями описаній, наборомъ картинъ и періоды становятся слишкомъ длинными. По расположенію и полнотѣ мыслей лучшими его Сатирами можно почесть: *На женитьбу въ большомъ свѣтѣ* и *Къ Лу-*

казію, а по силѣ и отдѣлкѣ стиховъ: *Къ Рубеллію*. Мы приведемъ здѣсь по нѣскольку стиховъ изъ каждой:

„Положимъ, что тобой избранная супруга
Въ ученіи добра *не вѣдала досуга*,
Какъ ангелъ, дышитъ *лишь* невинностью одной;
Но кто увѣренъ въ томъ, чтобъ, съ пылкою душой,
Начавъ съ тобою жить средь нѣгъ и обольщеній,
Невинность *бы* ея спаслась отъ преткновеній?
Явившись въ этотъ свѣтъ, на сей театръ чудесъ,
Съ какими взорами твой ангелъ *сей* небесъ —
Со всею нѣжностью и непорочнымъ чувствомъ
Плѣнившись зрѣлища волшебнаго искусствомъ —
Узритъ героевъ сихъ, которыхъ нѣжный гласъ
О сладостяхъ любви твердитъ *намъ цѣлый часъ*,
Роландовъ яростныхъ, Ренальдовъ сихъ прелестныхъ;
Услышитъ о *вещахъ*, еще ей неизвѣстныхъ,

Услышитъ, что любви все то, что свято *есть*,
Какъ *вышню* божеству на жертву должно
несть,
Всѣ скромны правила, столь въ операхъ *зна-
комы*,
Которы разожгутъ оркестра *звучны* громы...
Какимъ движеніемъ, въ душѣ воспалена,
Ты думаешь тогда исполнится она?
Ручаться можно ли, что, возвратясь, сму-
щенна,
Армидъ и Ангеликъ въ слѣдъ славный *устре-
мленна*,
Отважно не начнетъ твердить уроки ихъ?
Къ разврату женщины одинъ потребенъ мигъ.
Но пусть въ семъ случаѣ она не измѣнится
И робкій стыдъ ея соблазномъ оскорбится —
Одинъ ли страхъ? Вступя въ блестящій свѣ-
та кругъ,
Куда ее введетъ гордящійся супругъ,
Гдѣ окружатъ ее ласкатели *болтливы*,
Прельстители сердецъ, въ успѣхахъ *столь
счастливы*,
Безмолвна и тверда, подобяся скалѣ,
Она ль безчувственна къ ихъ будетъ похвалѣ?
Сперва изподтишка то взоромъ, то словами
Ихъ отличитъ, назвавъ домашними друзьями;
А тамъ, Дамонъ, а тамъ?... Жоконда ужъ не
разъ,
Краснѣяся скажу, мы видѣли у насъ!"

На жен. въ бол. св.

Сей отрывокъ, при всѣхъ недостаткахъ слога (о чемъ говорить мы намѣрены послѣ), исполненъ первокласныхъ красотъ Сатиры. Счастливое стеченіе мыслей представляетъ и слабости женщинъ и еще болѣе развратъ вѣка, отравляющій и домашнія и общественныя удовольствія. Столь обширный, столь быстрый и столь вѣрный взглядъ на предметъ есть истинное достоинство Сатиры.

„И ты, хоть не богатъ своимъ природнымъ даромъ,
Старайся замѣнить его отвагой, жаромъ!
Найдутся многіе, которые простятъ
Безсмыслицѣ твоей за то, что въ ней узрятъ
И цѣль полезную, и рвеніе благое,
Которы облечешь ты въ рубище худое,
Что добрый гражданинъ, что въ службѣ ты давно:
Какъ будто гражданинъ и авторъ все равно—
Какъ будто стыдъ тому, кто всѣхъ изъ насъ честнѣе,
Быть въ мысляхъ правильнѣй и въ связи ихъ яснѣе!
Пусть Фабій нѣжный другъ, пусть добрый онъ отецъ,
Пусть мужа вѣрнаго онъ будетъ образецъ;
Всѣ качества сіи достойно уважаю,
Но слушая его трагедіи — зѣваю —

И еслибъ кто дерзнулъ, въ присутствіи моемъ,
Сказать, что онъ рожденъ эротическимъ пѣвцомъ —
И мнѣ бы отвѣчать на то не можно было;
Молчаніе мое льстеца бы облегчило."

Къ Лукая.

Нельзя дать лучшаго урока судьямъ дарованій? Изчисленіе причинъ, коими стараются часто возвысить дурное произведеніе *Заслуженаго* поэта, удивительно вѣрно. Все это мѣсто особенно замѣтно по отдѣлкѣ стиховъ, изъ коихъ послѣдній такъ изображаетъ духъ Милонова, что мы осмѣливаемся его назвать *Милоновскимъ*. Прочитавъ его, кажется, видишь поэта, который въ торжественномъ негодованіи отвращаетъ взоръ свой отъ окружающей его черни.

„Царь коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!
Почтуль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?

Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я!
Что твой минутный блескъ? Что санъ твой горделивой?
Стыдъ смертнымъ и укоръ судьбѣ несправедливой!

. . . .

Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гублю,
Но честію твоихъ сокровищъ не куплю!
Мнѣль думать, мнѣль скрывать для *обща* посмѣянья
Убожество души богатствомъ одѣянья?
Мнѣль ползать предъ тобой въ толпѣ твоихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзелай — но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра:
Въ мракъ гроба? Но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,
Рубеллій, трепещи: есть Персій и Сатира!"

Къ Рубел.

Вотъ стихи, достойные разгнѣваннаго Римлянина! Эта Сатира отличается отъ прочихъ какимъ то лирическимъ духомъ. Въ каждомъ стихѣ необыкновенная сила, а въ періодахъ сжатость.

мыслей. Любопытно здѣсь замѣтить, что Милоновъ особенно любилъ въ сей сатирѣ два стиха, которые не рѣдко повторялъ въ минуты піитическаго восторга:

„Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой неравенъ я!"

Если бы мы писали не для Журнала (котораго границы очень тѣсны); то привели бы еще нѣсколько мѣстъ изъ Сатиръ Милонова для доказательства, что онъ долженъ занять почетное мѣсто между поэтами въ семъ родѣ: предоставляемъ читателямъ удовольствіе пересмотрѣть ихъ въ полномъ собраніи его сочиненій.

Элегіи Милонова (мы въ этотъ разрядъ помѣщаемъ большую часть и Посланій его) совершенно отличны отъ сочиненій другихъ нашихъ поэтовъ въ въ семъ же родѣ. Мы знаемъ элегіи Жуковскаго и Батюшкова. Первый есть живописецъ природы и своего воображенія, а другой живописецъ сердца. Въ Элегіяхъ Милонова говоритъ душевная боль.

Онъ не мечтаетъ, не страдаетъ отъ любви, а, кажется, отъ жизни, въ которой нѣтъ того, чего онъ искалъ. Утраты его не возвратимы: потому что онъ лишился раздѣленія благородныхъ, высокихъ чувствованій и потерялъ вѣру въ идеальныхъ людей, которыхъ безпрестанно ищутъ всѣ поэты. Отъ сего въ Элегіяхъ Милонова встрѣчаются невольные упреки человѣчеству. Этотъ родъ тѣмъ ближе былъ къ нему, что онъ предавался изліянію нѣжныхъ своихъ чувствованій послѣ Сатирическаго негодованія. Голосъ унылой души, особенно въ лучшихъ мѣстахъ его Элегій такъ силенъ и трогателенъ, что невольное возбуждаетъ участіе къ автору. Лучшія изъ нихъ: *Паденіе Листьевъ* (переводъ изъ Мильвуа), *Къ Юности*, *Договоръ со смертію* (подражаніе Французскому), *Уныніе* (подражаніе Томсону), *Къ сестрѣ моей*, *Выздоровленіе*, *Монастырь*, *Бѣдный Поэтъ* (изъ Жильбера), *къ Жуковскому* и *Счастливецъ* (подражаніе Леонару).

Первая изъ сихъ Элегій, не смотря, что мы имѣемъ подобную и совершен-

лучшую въ своемъ родѣ у Батюшкова, все остается въ числѣ лучшихъ на Рускомъ языкѣ и отличается какими-то истинно элегическими звуками.

„Осенни вѣтры возшумѣли
И дышутъ хладомъ средь полей;
Какъ призракъ легкій улетѣли
Златые дни весны моей!
Вались, валися листъ мгновенный —
И скорбной матери моей
Мой завтра гробъ уединенный
Сокрой отъ слезныхъ ты очей!
Когда жъ къ нему, съ тоской, слезами
И съ распущенными придетъ
Вокругъ лилейныхъ плечь власами,
Моихъ подруга юныхъ лѣтъ,
Въ безмолвной осени угрюмомъ
Какъ станетъ помрачаться день;
Тогда буди ты легкимъ шумомъ
Мою утѣшенную тѣнь!“

Послѣдніе два стиха (по крайней мѣрѣ такъ намъ показалось) болѣе заключаютъ въ себѣ элегической красоты, нежели у Батюшкова:

„*И томнымъ листьевъ трепетаньемъ*
Мой сладко очаруйте сонъ!“

„Сказалъ — и въ путь свой устремился,
Назадъ уже не приходилъ;
Послѣдній съ древа листъ сронился,

Послѣдній часъ его пробилъ.
Близь дуба юноши могила;
Но, съ скорбію въ душѣ своей,
Подруга къ ней не приходила:
Лишь пастырь, гость нагихъ полей,
Порой вечернія зарницы,
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокій миръ его гробницы
Тревожитъ шорохомъ шаговъ."

Паден. Лист.

Довольно было бы сего мѣста для увѣренія, какъ Милоновъ чувствовалъ и выражалъ красоты элегическаго рода; но мы приведемъ еще одно изъ собственной его элегіи: *Къ сестрѣ моей.*

„ Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужъ много лѣтъ прошло разлуки,
Давно твой другъ осиротѣлъ,
Неуслажденны сердца муки
Ни чей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь
Ты мой нечаянный приходъ,
И на лицѣ моемъ примѣтишь
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужъ много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ,

Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ!

. . . . ,

. . . .

Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ во душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней,
Какъ я съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ. . .
И — услажденъ твоей слезою —
Навѣкъ изглажу память ихъ.
О другъ мой, счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой!
Уже, въ пріятномъ чувствъ обманѣ,
Тебя я вижу предъ собой:
То, мнится мнѣ, обвороженный,
Съ тобой по рощамъ я брожу;

. . . .

То, въ блѣдномъ вечера мерцаньи,
Ведомый дружбой и тобой,
Иду, въ задумчивомъ молчаньи,
На брегъ высокій и крутой,
Гдѣ Донъ, вспоившій насъ, свѣтлѣетъ,
Разстлавъ далеко зыби водъ,
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ! . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Но что! — Твой призракъ удалился;
За нимъ мечтаній рѣзвыхъ рой:
Къ землѣ печальный взоръ склонился;
И я опять одинъ съ тоской!
Томлюсь, фортуны рабъ слѣпыя,
Безъ наслажденья трачу дни.

. . . .

Мой другъ! счастливаго возврата
Когда на родину дождусь,
И предъ домашняго Пената
Съ смиренной жертвою явлюсь?

Начало этой Элегіи по всѣмъ отношеніямъ превосходно. Лучше сихъ стиховъ нѣтъ у него нигдѣ. Чувства самыя вѣрныя и гармонія періодовъ совершеннѣйшая.

Въ число, собственно называемыхъ, Посланій надобно отнести у него два: *Къ земледѣльцамъ* и *Къ А. П. Б—ой.* Оба сіи стихотворенія прекрасны. Картины сельскихъ занятій, образъ жизни поселянъ, ихъ невинныя забавы, ихъ добродѣтели, желаніе сочинителя подобной жизни — все плѣняетъ воображеніе и сердце въ первомъ изъ нихъ. Второе стихотвореніе написано въ сильномъ одуше-

вленіи. Оно, въ отношеніи къ полнотѣ мыслей, стремительности выраженій и обдуманности хода всего сочиненія, едва ли не лучшее изъ всѣхъ дидактическихъ новѣйшихъ посланій. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не выписать изъ него хотя одного мѣста:

„ Въ чьихъ болѣе устахъ красуется даръ слова?
Наука скучная не столько въ нихъ (*) сурова,
Имъ всѣхъ приличнѣе ученіе сердецъ:
Имъ путь до нихъ знакомъ, въ нихъ сердце — образецъ!
Иль дѣва юная, съ свободою безцѣнной,
Съ счастливою душой, къ страстямъ неприлѣпленной,
Не вѣдая тоски семейственныхъ заботъ,
Ни сердцу тягостныхъ неволею работъ,
Вступая сверсницъ въ кругъ, весельемъ оживленныхъ,
Чему отдастъ часы *временъ* своихъ блаженныхъ?
Пусть, нѣжный гласъ сліявъ съ цѣвницею златой,
Поетъ своей души и радость и покой;
Пускай счастливая она обворожаетъ
И ту, что въ цвѣтѣ дней, и ту, что отцвѣтаетъ,

(*) Здѣсь говорится о женщинахъ.

Поетъ незлобіе и прелесть юныхъ лѣтъ,
И въ свой подругъ своихъ влечетъ завидный слѣдъ!
Поэзія души и органъ и зерцало.
Пусть снимутъ съ красоты невинной покрывало;
Пусть блещетъ — и разитъ страстямъ подвластный міръ!
Пусть юношей плѣнятъ своихъ игрою лиръ,
Изъ сердца гонятъ ядъ наклонности порочной
И вѣчный блескъ дадутъ красѣ своей непрочной!
А та, чей помраченъ любовью свѣтлый взоръ,
Въ которой изрѣкло свой сердце приговоръ,
Пускай съ подругою ея, уединеньемъ,
Плѣняетъ насъ души таинственнымъ бореньемъ,
Блаженствомъ полнитъ грудь, поетъ счастливу страсть,
И милаго зоветъ къ стопамъ ея упасть,
Или, всю волю давъ душѣ своей прельщенной,
Намъ славитъ поцѣлуй, впервые полученный:
Любовь, сама любовь таиться будетъ тамъ
И съ дланію летать по пламеннымъ струнамъ!"

До сихъ поръ мы разсматривали Милонова, какъ поэта. Если нельзя назвать его *Геніемъ*, въ высшемъ значеніи сего слова (извѣстно, что Геній есть на

землѣ вѣковое явленіе); что по крайней мѣрѣ онъ долго будетъ занимать у насъ блистательное мѣсто въ кругу отличныхъ поэтовъ. Не извѣстно, чѣмъ бы онъ кончилъ прекрасное поприще поэзіи, если бы у насъ судьба не похитила его въ раннихъ лѣтахъ. Онъ умеръ только около тридцати лѣтъ отъ роду. Мужество его дарованій ручалось, что онъ могъ бы со времянемъ произвести что нибудь важнѣе первыхъ своихъ стихотвореній. Но . . . любителямъ талантовъ осталось только почтить его воспоминаніемъ — этою скудною данію, которая между тѣмъ составляетъ единственную и самую сладостную надежду дѣтей Аполлона. Надобно теперь сказать о немъ, какъ о писателѣ. Къ сожалѣнію мы уже замѣтили во многихъ, приведенныхъ выше, мѣстахъ, что онъ былъ въ семъ отношеніи ниже своего времяни. Почитатель и любимецъ Дмитріева, современникъ и почти сверсникъ Жуковскаго и Батюшкова, онъ далеко отсталъ отъ нихъ въ слогѣ. Знавшіе хорошко Милонова говорятъ, что онъ

очень легко писалъ стихи: это, можетъ быть, болѣе всего ему вредило. Чтобы сдѣлать стихи легкими, надобно ихъ написать съ большимъ трудомъ. Всякое произведеніе искусства требуетъ для совершенной своей отдѣлки необыкновеннаго терпѣнія: а поэзія стоитъ выше всѣхъ искусствъ, и слѣдственно ея произведенія съ большимъ трудомъ противъ прочихъ надобно обработывать. Правда, что Милоновъ самою небрежностію слога съ нѣкоторой стороны выигралъ: онъ ею показалъ, что не принадлежитъ къ толпѣ словесныхъ подражателей, которыхъ, на бѣду образцовымъ нашимъ поэтамъ, такъ много въ нынѣшнее время — и которые, кромѣ словъ, ничего не умѣютъ занять отъ своихъ примѣровъ. Между тѣмъ, не простительно отличному писателю стоять по языку назади отъ своего времяни. Не предлагая вопроса: какой поэтъ выше — одаренный большимъ талантомъ и не умѣющій хорошо писать, или при меньшемъ талантѣ совершенно владѣющій языкомъ — мы замѣтимъ только, что я-

зыкъ есть собраніе понятій, облеченныхъ въ условные звуки. Слѣдственно, кто пренебрегаетъ тайнами языка, тотъ, сочиняя, противорѣчитъ своему намѣренію, т. е., выраженію мыслей. Главные недостатки стиховъ Милонова суть: стеченіе въ одномъ мѣстѣ многихъ согласныхъ, а часто и гласныхъ, затрудняющихъ выговоръ, неумѣстныя усѣченія словъ (это чаще всего встрѣчается) и запутанная ихъ разстановка. Сверхъ того, встрѣчаются у него періоды столь длинные, что вниманіе, будучи утомлено наборомъ подлежащихъ, или сказуемыхъ, теряетъ изъ виду связь мыслей. Сравнивъ дарованія его съ выраженіемъ мыслей словами, скажемъ, что никто справедливѣе Милонова не выбиралъ эпиграфа для своей книги:

„Меня переживутъ мои сердечны чувства.“

Плетневъ.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

ПРОЗА.

РАЗБОРЪ СИНОНИМЪ.

(Въ памятную книгу А. Е. Измайлова.)

Вы *желали*, почтенный другъ, чтобъ я написалъ въ вашу памятную книгу какой нибудь разборъ синонимъ. *Хочу* исполнить теперь данное мною объщаніе.

Какъ кстати! Мнѣ не надобно даже затрудняться выборомъ для того словъ. Въ написанныхъ мною строкахъ столкнулись уже два, которыхъ значеніе одинаково: *хотѣть* и *желать*. Попытаюсь разобрать ихъ; но прежде, нежели

приступлю къ тому, *хочу* сдѣлать съ вами уговоръ, чтобы, если я, при всемъ *желаніи* моемъ показать настоящее между ними различіе, впаду въ ошибки, вашъ разборчивый, опытами изощренный вкусъ не оставилъ мнѣ замѣтить ихъ съ сроднымъ вамъ чистосердечіемъ. *Желать* незаслуженныхъ похвалъ чуждо меня; я *хочу* просвѣщаться, а просвѣщаетъ одна истина.

Теперь къ дѣлу. Оба глагола: *желать* и *хотѣть* выражаютъ дѣйствіе нашей воли. Предметомъ оной могутъ быть или такія вещи, кои возможны и совершенно отъ насъ зависятъ, или такія, кои невозможны, сопряжены съ великими трудностями, и нисколько, или весьма мало отъ насъ зависятъ. Для изъявленія воли нашей въ первомъ случаѣ, мы обыкновенно употребляемъ слово *хотѣть*, во второмъ *желать*.

Такъ, когда я говорю: я *хочу* чего, необходимо должно, чтобы то, чего я хочу, было для меня возможно, не сопряжено ни съ какими препятствіями и совершенно отъ меня зависѣло. *Я хочу*

писать къ вамъ по Французски можно сказать только тогда, когда я знаю Французскій языкъ такъ хорошо, что могу на немъ писать. *Желаютъ* или невозможнаго, или того, въ чемъ предвидятъ много трудностей, или того, что не въ нашей власти. Сказавъ: *я желаю писать по Французски*, даю чувствовать, что еще не весьма силенъ въ этомъ языкѣ.

Посему *хотѣть* не имѣетъ повелительнаго наклоненія; ибо иногда, могли бы приказать *хотѣть* чего нибудь такаго, чего не возможно *хотѣть*. На противу того *желать* имѣетъ, ибо *желать* можно всего.

Хотѣть невозможнаго есть уже глупость; *желать* одинъ капризъ. *Я* не могу *хотѣть* слетать на луну, но *желалъ бы* побывать на ней, чтобъ узнать обитаема она или нѣтъ.

Вотъ главнѣйшее различіе между сими словами. Далѣе:

Хотѣть болѣе настоятельно, нежели *желать*. *Я хочу взять тебя съ собою*, могу я сказать тому, кто послѣ этаго долженъ уже непремѣнно ѣхать со мною.

Я желаю взять тебя съ собою тому, отъ чьего согласія зависитъ ѣхать со мною или нѣтъ.

Хотѣть относится болѣе къ дѣйствію, *желать* къ предмету (*).

Хотѣть можно только для себя; *желать* и для другихъ.

Хотѣть чего отъ другаго значитъ требовать; *желать* — просить.

Хотѣть предполагаетъ уже средства, употребленныя къ приведенію въ исполненіе воли; *желать* одно желаніе.

Но довольно. Пояснимъ только это примѣрами.

Клитъ ѣдетъ путешествовать. *Хочу*, говорилъ онъ мнѣ, пробраться въ Швейцарію, пожить тамъ съ годъ, потомъ поѣду года на два въ Парижъ, *и т. д.* — Счастливъ тотъ, думалъ я, кто можетъ разполагать по волѣ. Какъ охотно *желалъ* бы я сопутствовать Клиту, но . . . . .

Мой Ванюша будетъ славной гусаръ, сказалъ пожилой Князь Ф. . . . . молодой

(*) См. Опытъ Словаря Рускихъ Синонимъ стр. 109.

супругъ. — Да, отвѣчала она, если, только онъ будетъ гусаромъ. Но я намѣрена записать его въ егери. — Онъ *желаетъ*, другъ мой, служить въ конницѣ, и мнѣ бы это было пріятно. — А я *хочу*, чтобъ вашъ Ванюша служилъ въ пѣхотѣ. — Какъ тебѣ угодно, другъ мой, отвѣчалъ Князь на такое сильное возраженіе.

Трагедія Ариса была играна и освистана. Арисъ въ отчаяніи. Знаю, говоритъ онъ, кому обязанъ я упадкомъ моей пьесы. Я открылъ всѣ слѣды бывшаго противъ меня заговора. Но *хочу* оправдаться передъ публикою. Завтра же напечатаю мое сочиненіе и пусть она судитъ меня. *Желаю* тебѣ успѣха, другъ Арисъ, хотя и не предвижу его.

Ты *желаешь* быть всѣми любимъ, говаривалъ мнѣ почтенный наставникъ мой. Это желаніе свойственно всякому, но чтобъ быть истинно добрымъ человѣкомъ, надобно *хотѣть*, чтобъ тебя всѣ любили. — Вотъ еще одно изъ его изрѣченій, которыхъ не забуду до конца моей жизни: *желать* исправиться отъ какаго нибудь порока есть уже доброе

намѣреніе, но кто *хочетъ* исправиться, тотъ уже въ половину исправился.

Хотѣть и *повелѣвать*, казалось бы, по всѣмъ правамъ, дарованнымъ природою, принадлежало намъ мущинамъ, но мы сами отказались отъ сего въ пользу прелестнѣйшей половины рода человѣческаго, и оставили себѣ: *желать* и *повиноваться*. Какъ часто одно: *не хочу! не хочу!* прекрасной женщины, разрушаетъ любезнѣйшіе намъ планы и надежды. Мы молчимъ и покаряемся.

Мнѣ случилось видѣть письмо одного знакомаго къ его другу. Онъ писалъ: *я хотѣлъ бы пожелать* тебѣ къ новому году всѣхъ благъ земныхъ; но, зная, что ты доволенъ участью, *желаю* тебѣ одного здоровья. Тотъ отвѣчалъ ему: да будетъ и къ тебѣ судьба столько благосклонна, чтобъ тебѣ никогда не нужно было говорить *желаю*, но всегда *хочу*.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій другъ мнѣніе мое о различіи сихъ словъ, подтвержденное примѣрами. *Хотѣвъ* исполполнить вашу волю, я *желалъ* вмѣстѣ съ тѣмъ снискать ваше одобреніе, но те-

перь опасаюсь, не ошибсяли я въ своемъ расчетѣ; ибо, *хотѣвши* написать нѣсколько словъ, я написалъ нѣсколько страницъ, чего вѣроятно вы и не *желали*. Простите моему многорѣчію. Сей часъ окончу.

Желаю, чтобы строки сіи напоминали вамъ того, чье почтеніе, любовь, дружба и признательность къ вамъ останутся вѣчно неизмѣнны, но чтобы вы не почли сего за пустыя слова, *хочу*, чтобы вся жизнь моя служила доказательствомъ тому, умѣю ли я *желать* вамъ добра и *хотѣть* заслужить ваше благоразположеніе.

К — ж — ь.

СТРАНСТВОВАНІЯ ПОЭЗІИ И ГАРМОНІИ.

Аллегорическая сказка.

Въ первобытныя времяна міра, когда еще Геніи управляли землею, или, говоря другимъ образомъ, когда правители земли были еще Геніи, явилась цвѣтущая Поэзія. Никто не зналъ ея происхожденія. Одни полагали, что отцемъ ея былъ Аполлонъ, а матерью Мнемозина; другіе, напротивъ, утверждали, что Аполлонъ и Мнемозина были ея современники. По словамъ первыхъ, отецъ, какъ часто случается, совсѣмъ о ней не заботился; а мать, не въ состояніи будучи дать ей *совершеннаго* воспитанія, поручила ее Критикѣ, пожилой, но остроумной и проницательной женщинѣ. Критика воспитывала ее вмѣстѣ съ прекрасной

Гармоніей (произхожденіе которой также неизвѣстно) и требовала, чтобы онѣ никогда неразлучались.

Первыя лѣта свои провели юныя красавицы въ совершенномъ согласіи и взаимныхъ угожденіяхъ. Онѣ выходили на зеленые луга и въ тѣнистыя рощицы, рвали цвѣты на берегу прозрачныхъ источниковъ и мѣшались въ хороводы веселыхъ пастуховъ и пастушекъ. Когда Поэзія сочиняла пѣсни (которыя совсѣмъ не походили на нынѣшнія), Гармонія учила ее находить звуки, согласные съ содержаніемъ. Простота и откровенность были душею ихъ тайныхъ разговоровъ; удовольствіе одной доставляло удовольствіе другой; суетность и тщеславіе, чуждыя ихъ сердцу, не смѣли къ нимъ приближиться; зависть и недоброжелательство скрывались отъ нихъ въ непроходимыхъ дебряхъ и глубокихъ пещерахъ.

Такъ протекли ихъ дѣтскія лѣта. Настало время ввести ихъ въ свѣтъ — и мудрая (*) Критика представила ми-

(*) Бѣдная Критика, что ты теперь?

лыхъ своихъ воспитанницъ двору тогдашняго Государя. Но Государь и дворъ его, занимаясь дѣлами *важными,* не имѣли времяни заниматься Поэзіей и Гармоніей. Они не удостоили ихъ своего вниманія — и огорченныя красавицы удалились.

Долго странствовали онѣ изъ одной страны въ другую — и вездѣ находили звѣрство и невѣжество. Наконецъ онѣ пришли въ счастливую Іонію — счастливую по своему положенію и климату, а не по нравамъ жителей, еще необразованныхъ. Тамъ нашли онѣ Омера, который казался имъ достойнымъ видѣть неувядаемыя ихъ прелести. Присутствіе безсмертныхъ воспламеняетъ Іонянина: онъ беретъ лиру — и поетъ съ неслыханною пріятностію *Гнѣвъ Ахилла и страданія Одиссея.* Изумленная Іонія и Эллада внемлютъ ему съ восхищеніемъ. Онъ поетъ — и нравы людей смягчаются: начинаютъ чувствовать плѣнительность *согласныхъ звуковъ*, красоту добродѣтели и безобразіе порока. Личность уступаетъ мѣсто любви къ отечеству; грубое владычество одного пола надъ дру-

тимъ нѣжному угожденію сильнѣйшаго слабѣйшему; своевольство и насиліе тонкой вѣжливости и снисхожденію. Человѣкъ перераждается!

Благодѣтельницы смертныхъ идутъ далѣе. Время летитъ — и по мановенію неутомимыхъ странницъ воздвигается на берегахъ Илисса великолѣпный храмъ. Является Эсхилъ — и слабый человѣкъ чувствуетъ въ себѣ силу бороться съ неизбѣжнымъ рокомъ! Софоклъ довершаетъ начатое его предшественникомъ. Эврипидъ, уступая Софоклу *въ совершенствѣ цѣлаго и мудромъ соблюденіи правилъ*, превосходитъ его *въ живописи страстей*. Раждается Витійство! Лизій и Исократъ услаждаютъ слухъ народа сладкозвучіемъ, стройностію и благородствомъ своей рѣчи; Димосѳенъ, подобно бурному потоку, увлекаетъ за собой слушателей; подобно грому оглушаетъ, подобно молніи поражаетъ ихъ. Сократъ — сама мудрость и добродѣтель въ лицѣ человѣка — перелагаетъ Эзопа въ стихи. Платонъ просвѣщаетъ умъ, возвышаетъ душу и вмѣстѣ

плѣняетъ вкусъ искуствомъ и тонкостію своего выраженія.

Возстаетъ буря войны. Грубые побѣдители Аннибала заключаютъ прелестную Элладу въ узы постыднаго рабства — и робкія подруги оставляютъ на время несчастныхъ смертныхъ. Но буря утихаетъ. Подруги любопытствуютъ видѣть гордыхъ обладателей вселенной; являются — и кровожадные варвары ѣздятъ въ Элладу заниматься Витійствомъ, посвящать себя Поэзіи. Цицеронъ гремитъ — и Димосѳенъ перестаетъ быть единственнымъ, разсуждаетъ — и божественный (*) Платонъ воскресаетъ въ его твореніяхъ! Энеида и пѣсни Венузійскаго лебедя даютъ ученикамъ право равняться съ своими наставниками.

— Протекаетъ нѣсколько столѣтій. Мужественные обитатели сѣвера, подобно волнамъ моря, выступившаго изъ своихъ предѣловъ, наводняютъ благословенную Авзонію несчетными полчищами. Свирѣпствуютъ брань и опустошеніе!

(*) Такъ называли его Древніе.

Забвенная поэзія вмѣстѣ съ своею подругою ищетъ прибѣжища въ древней Византіи. Но отворяютъ врата страны востока — и подъ мечемъ дикихъ потомковъ Османа падаетъ великолѣпный Царь Градовъ! Гонимыя красавицы оставляютъ дотолѣ цвѣтущія брега Понта Эвксинскаго, переселяются въ возродившуюся Авзонію, и вскорѣ послѣ ихъ прибытія Омеръ воскресаетъ — въ Аріостѣ, Виргилій — въ Тассѣ.

Изъ Авзоніи переѣзжаютъ странницы на берега Сены. Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ, нарядившись Французами, выходятъ на сцену — въ Корнелѣ, Расинѣ, Вольтерѣ. Эзопъ забытъ — Лафантенъ торжествуетъ. Боссюетъ и Масильонъ, Бюффонъ и Руссо, только въ другомъ родѣ словесности, спорятъ съ великими Ораторами древности о пальмѣ краснорѣчія.

Почти въ тоже время посѣщаютъ подруги и Альбіонъ. Онѣ одушевляютъ Мильтона, который поетъ сотвореніе и — паденіе человѣческаго рода; Попа, который разрѣшаетъ предъ человѣкомъ за-

гадку человѣка; и Томсона, воспѣвшаго природу чувственную во всѣхъ ея измѣненіяхъ.

Оттуда пробираются онѣ въ обитель Тевтоновъ и находятъ — народъ, не имѣющій и понятія о вкусѣ; вельможъ и царей, подражающихъ чужеземцамъ. Но присутствіе ихъ, подобно росѣ небесной, развиваетъ сѣмя дарованій — и юноша Клопштокъ озаряется божественною мыслію воспѣть — Мессію! Обширное предначертаніе, богатство изображеній, смѣлость оборотовъ, ему только свойственныхъ, въ соединеніи съ кроткими, нѣжными, печальными — возвышенными, величественными, ужасными предметами и чувствами, возбуждаютъ въ единоземцахъ удивленіе, въ чужестранцахъ зависть. Виландъ, соединивъ остроуміе Вольтера съ воображеніемъ Аріоста, получаетъ отъ Грацій вѣнокъ неувядаемый. Рамлеръ, соперникъ Флакка, равняется съ Флаккомъ — восторгами, всегда согласными съ разумомъ, и звучнымъ стопосложеніемъ.

Настаетъ переворотъ почти во всемъ подлунномъ. Тамъ, гдѣ восхищенные слу-

шатели, подъ мирною сѣнію отеческихъ Пенатовъ, наслаждались прелестію Поэзіи и Гармоніи, зазвучали цѣпи порабощенныхъ народовъ. Буйство возсѣло на престолъ царей; лицемѣріе осквернило храмы священные; корысть поселилась въ души; науки точныя изсушили сердце (*) — и Странницы возвратились къ своей наставницѣ, которая въ объятіяхъ философіи готова была уже разстаться съ міромъ.

Выслушавъ повѣствованіе ихъ приключеній, Критика сказала: „какую причину имѣете вы жаловаться на нынѣшнее разположеніе смертныхъ? Развѣ вы „не знаете, что нѣтъ подъ солнцемъ ничего постояннаго? Простодушные народы древности, плѣнялись сказками Омера, потому что — они имъ вѣрили. „Но можно ли требовать, чтобы просвѣщенное потомство вѣрило сказкѣ о безсильномъ и недальновидномъ Юпитерѣ,

(*) Смотри прекрасную пьэсу Мальте-Брюна: „О мѣстѣ наукъ и словесности въ порядкѣ нравственномъ и проч.“

„раненомъ Марсѣ, битой Венерѣ? Еслибъ „пѣвцы, вдохновенные тобою (обращаясь „къ Поэзіи) всегда слѣдовали моимъ „наставленіямъ, Омеръ не написалъ бы „столько нелѣпостей, оскорбляющихъ „умъ и столько длинныхъ рѣчей, утом„ляющихъ терпѣніе читателей; Виргилій „не избралъ бы Героемъ своей поэмы че„ловѣка, бѣжавшаго отъ Діомида; Аріостъ „не представилъ бы Героя своего съума„сшедшимъ; Тассъ не выписалъ бы цѣ„лыхъ сценъ изъ Энеиды, не заставилъ бы „женщинъ говорить языкомъ совсѣмъ не „женскимъ и играть словами въ минуту „страсти; Мильтонъ не произвелъ бы на „небѣ пальбы изъ пушекъ; Корнель не „сдѣлалъ бы изъ своихъ трагедій Герои„ческихъ романовъ и политическихъ раз„сужденій; Расинъ Элегій; Клопштокъ не „помѣстилъ бы въ піитическомъ творе„ніи столько молитвъ; Виландъ сокра„тилъ бы нѣсколько свои періоды и раз„положилъ бы ихъ искуснѣе. Но я не для „того это говорю, чтобы васъ присты„дить или опечалить: хочу только, что„бы вы были осторожнѣе и внушали

„Пѣвцамъ во время ихъ восторговъ со-
„вѣтоваться съ правилами, начертанны-
„ми мною. Скажу еще болѣе: на сѣверѣ
„занялась уже заря просвѣщенія и подъ
„скипетромъ мудраго, кроткаго Государя
„возникло уже нѣсколько цвѣтовъ, пере-
„саженныхъ съ чужаго Парнасса. Спѣши-
„те туда и познакомьте народъ съ ис-
„тинной Поэзіей; но не забудьте правилъ,
„сообщенныхъ мнѣ философіей, безъ ко-
„торой поэзія можетъ только забавлять
„дѣтей или невѣждъ."

В. Бриммеръ.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПИРШЕСТВО ПОБѢДЫ.

(Посвящено Н. И. Гнѣдичу).

Тронъ Пріамовъ сокрушенный,
Съ Троей палъ развалинъ въ прахъ;
И, побѣдой упоенны,
На высокихъ корабляхъ,
Отъ пустыхъ бреговъ Троады,
Съ златомъ вражеской земли,
Въ край плѣнительной Эллады
Греки весело текли.

Пѣсни радости проснитесь!
Къ мирнымъ родины богамъ
Путь открылся кораблямъ;
Вы къ землѣ родной стремитесь!

Горестно, возсѣвъ рядами,
Блѣдный сонмъ Троянскихъ женъ,

Съ разпущенными власами,
Воплемъ свой встрѣчаетъ плѣнъ;
Ихъ сливается рыданье
Съ грознымъ пиршествомъ побѣдъ;
Падшихъ стѣнь воспоминанье
Съ ужасомъ грядущихъ бѣдъ.

О, прости, земля родная!
Сладкій шумъ родимыхъ водъ!
Рабство насъ въ чужбинѣ ждетъ:
Часть умершихъ — часть златая!

И Калхасъ возжегъ съ денницей
Гекатомбъ изъ тучныхъ стадъ
Въ честь Палладѣ, чьей десницей
Зиждется и гибнетъ градъ;
Посейдону, что волнами
Свѣтъ, какъ поясомъ, блюдетъ;
Зевсу — мощными бровями
Неба движущему сводъ.

Ужасъ брани прекратился;
Тяжкій подвигъ совершенъ;
Кругъ исполнился временъ;
Градъ великій преклонился.

Царь Атридъ, владыка воевъ,
Обозрѣлъ число дружинъ,
Съ кѣмъ дѣлилъ онъ славу боевъ
Средь Скамандровыхъ равнинъ.

И чело царя покрылось
Грусти облакомъ густымъ;
Много съ нимъ во брань стремилось,
Возвратится мало съ нимъ!

Долженъ, долженъ веселиться,
Кто въ родимый край грядетъ,
Жизнь кому еще цвѣтетъ:
Въ домъ не всякой возвратится:

И не всѣмъ въ свой край возврата
Должно часъ благословлять:
Близь домашняго Пената
Можетъ ихъ убійство ждать.
Тотъ падетъ измѣной друга,
Кто войною пощаженъ,
Одиссей, въ предчувствіѣ духа,
Рекъ, Аѳиной вдохновенъ.

Счастливъ, кто, въ богахъ увѣренъ,
Непорочнымъ домъ свой зритъ!
Злобныхъ новость веселитъ,
Родъ Пандоры лицемѣренъ.

Но, невольницею страстный,
Обнялъ радостный Атридъ
Юной дѣвы станъ прекрасный:
Въ ней онъ верхъ блаженства зритъ!
Но погибнетъ преступленье;
За измѣной — месть во слѣдъ;

Тамъ, въ превыспреннемъ селеньи,
Правый судъ Кронида ждетъ.

Злое злой конецъ пріемлетъ;
Мщенье сходитъ отъ небесъ;
Мститъ обидящимъ Зевесъ ...
И одной лишь правдѣ внемлетъ.

Пусть безсмертныхъ прославляетъ,
Съ жизнью счастье кто пріялъ!
Пусть онъ жертвы возжигаетъ! —
Оилеевъ сынъ вѣщалъ.
Безъ разбора жребій мрачной,
Жребій свѣтлой удѣленъ;
Взятъ Патроклъ могилой алчной,
Робкій Терситъ пощаженъ!

Изъ сосуда Рокъ двойнаго
Слѣпо счастье раздаетъ;
Наслаждайся жизнью тотъ,
Жребій кто пріялъ во благо!

Лучшихъ бой пожралъ героевъ!
Вѣчно будь благословенъ,
Братъ, краса Эллинскихъ воевъ,
Страхъ враговъ, гроза ихъ стѣнъ!
Въ часъ пожара истребленья,
Смерть рука твоя несла,
Но у славы награжденья
Нагло хитрость отняла.

Миръ костямъ твоимъ во гробѣ!
Врагъ тебя не поражалъ;
Ты своей десницей палъ:
И герой безуменъ въ злобѣ!

Въ честь великому длань Пирра
Пѣнистый фіалъ вознесла:
Выше всѣхъ удѣловъ міра,
Чту твои, Ахилъ, дѣла!
Лучшій въ жизни даръ, безцѣнный,
Слава доблестныхъ побѣдъ;
Въ прахъ падетъ составъ нашъ тлѣнный,
Имя славное живетъ.

Славы блескъ твоей правдивый
Пѣснь безсмертья сохранитъ;
Жизнь земная улетитъ,
Но умершіе вѣкъ живы.

Если лиръ похвальнымъ звономъ
Побѣжденный позабытъ,
Гектора почту я стономъ,
Рекъ безстрашный Діомидъ.
Въ злой борьбѣ за градъ державной
Рокъ могучаго постигъ;
Тотъ великъ побѣдой славной,
Славной цѣлью сей великъ.

За боговъ домашнихъ лики,
За отчизну палъ Герой;

И своихъ враговъ хвалой
Будь безсмертенъ, мужъ великій!

Несторъ, другъ пировъ незлобной,
Что три вѣка созерцалъ,
Подаетъ Гекубѣ скорбной
Плющемъ обвитый фіалъ.
Пей души успокоенье
И забудь судебъ ударъ!
Въ скорби сердцу изцѣленье
Всемогущій Вакха даръ.

Пей души успокоенье
И забудь судебъ ударъ!
Всемогущій Вакха даръ
Въ скорби сердцу изцѣленье.

Такъ Ніоба, отягченна
Отъ безсмертныхъ игомъ зла,
Испытавъ плода священна,
Скорбь изъ сердца изгнала.
И доколѣ предъ устами
Жизни пѣнится волна,
Леты мрачными волнами
Будь печаль поглощена!

Такъ, доколѣ предъ устами
Жизни пѣнится волна,
Пусть печаль, какъ призракъ,
Леты скроется валами!

И пророчица воздвиглась,
Бога зрящаго полна;
Взоромъ на суда склонилась
И на жертвы дымъ она!
Все земное — дымъ летучій!
Вѣтръ столбомъ его умчитъ;
Изчезаетъ такъ могучій
И безсмертенъ лишь Кронидъ.

На конѣль, въ ладьѣ ли мчимся,
Скорбь слѣдитъ повсюду насъ;
Намъ грядущій не данъ часъ,
Настоящимъ насладимся!

(Изъ Шиллера) *Александръ Писаревъ.*

Москва.

~~~~
~~~~

КЪ ПЛЕТНЕВУ.

Винюсь, мой другъ, передъ тобой;
Ты мной не можешь быть доволенъ:
Я не ною и Геній мой
Неизлѣчимо лѣнью болѣнъ.
Въ глуши лѣсовъ я жизнь веду;
Не слава, а покой мнѣ нуженъ;
Я сталъ теперь съ весельемъ друженъ,
Но съ Музой часто не въ ладу.
Она зоветъ меня украдкой
Отъ милой сердца на Парнассъ;
Я нехотя клянусь подъ часъ
Расторгнуть узы нѣги сладкой
И снова пѣть, но на стѣнѣ
Не нахожу своей свирѣли;
Амуры, не сказавшись мнѣ,
Тихонько ею завладѣли.
Возму ль ее у нихъ изъ рукъ?
Мнѣ сладокъ ихъ напѣвъ игривой,
И тихъ свирѣли бѣглый звукъ,
Какъ нѣжный вздохъ любви счастливой.

Тебѣ, Плетневъ, другой удѣлъ!
Любовникъ славы постоянный,
Ты въ слѣдъ за нею полетѣлъ,
Вдали завидя лавръ желанный!
Ты не чуждаешься труда,
Чтобъ знатоковъ привлечь вниманье,
И къ вѣрной Музѣ никогда
Не опоздаешь на свиданье.
Ко мнѣ доносятъ пѣснь твою
Покорные пѣвцамъ зефиры,
И въ дикомъ, сѣверномъ краю
Я слышу звукъ знакомой лиры!
Но пусть вѣнцы передъ тобой:
Не въ нихъ прямое наслажденье!
Когда я кончу дней теченье,
Быть можетъ, ты, Поэтъ младой,
Наскучивъ шумною столицей,
Придешь въ страну, гдѣ другъ твой жилъ,
И надъ его простой гробницей
Прочтешь слова: онъ счастливъ былъ!

А. Крыловъ.

НѢСКОЛЬКО СЦЕНЪ ИЗЪ КОМЕДІИ:

НАСЛѢДНИКИ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ *Звонкина.* — Сынъ его *Любимъ*, влюбленъ въ *Лизу*, бѣдную сироту, живущую въ ихъ домѣ, дальную родственницу Г-жи Звонкиной. — Лизу принуждаютъ выйти за мужъ за *Ландышева*, двоюроднаго брата *Звонкина.*

ЯВЛЕНІЕ 2.

Любимъ, Лиза и Г-жа Звонкина

(входитъ изъ боковыхъ дверей).

Г-жа Звонкина.

Что вижу я? — Опять, негодные, вы вмѣстѣ!
Пристало ли тебѣ, помолвленой невѣстѣ,
Забывши мой приказъ, съ нимъ быть наединѣ?
Нѣтъ, свѣтикъ мой! Видь я живу по старинѣ
И вольностей такихъ терпѣть никакъ не буду!

Любимъ.

Да мы . . .

Г-жа Звонкина.

Прошу молчать! Я вѣкъ не позабуду,
Что эта дѣвочка свела тебя съ ума.

Лиза.

Ахъ, тетушка!

Г-жа Звонкина.

Ну, да! Я знаю и сама,
Что какъ то мы родня — по дядюшкѣ Пламенѣ;
Что тешка я тебѣ — въ двѣнадцатомъ колѣнѣ,
И что изъ милости даю лишь уголокъ.

Лиза.

Конечно я бѣдна — но бѣдность не порокъ.

Г-жа Звонкина.

А чтожъ, сударыня? — Чай, скажешь, добродѣтель,
Покойный твой отецъ — всемірный благодѣтель.
А нищій самъ — какъ ты точь въ точь же разсуждалъ:
Престрогой былъ судья и взятокъ онъ не бралъ;
Тотъ домикъ выстроилъ — другой купилъ деревню:
А онъ прямехонько попалъ бы въ богадѣльню.

Любимъ.

Честнѣйшій человѣкъ!

Г-жа Звонкина.

Скажи сударь: гордецъ!
Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй — чтожъ вышло наконецъ?
Да что и говорить! — Онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ:
Служилъ въ Палатѣ вѣкъ — а дочь съ сумой оставилъ!

Любимъ.

Все такъ — однакожъ онъ . . .

Г-жа Звонкина.

Ну, полно врать, молчи!
Пошли ко мнѣ отца. — А ты достань ключи
Отъ сахару — они въ столѣ; отдай ихъ Дунькѣ;
Да у меня смотри! Прошу ходить по стрункѣ!
Ступай! —

ЯВЛЕНІЕ 3.

Звонкина *одна.*

Нѣтъ, надобно расстаться намъ скорѣй;
Къ чему откладывать? Пора ужъ быть умнѣй!
Мнѣ кажется и такъ терпѣла я не мало —
Ждать больше не хочу: да, да! Во чтобъ ни стало.

Все дѣло приведу сего дня я къ концу,
И плачь она, иль нѣтъ, а завтра же къ вѣнцу.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Таже и Звонкинъ.

Г-нъ Звонкинъ.

Здорово, ангелъ мой! — Ты нынче рано встала.

Г-жа Звонкина.

Я что то, Ваничька, всю ночь не засыпала;
А ты, мой милой другъ, какъ чувствуешь себя?

Г-нъ Звонкинъ.

Изрядно, Катинька! — А, глядя на тебя,
Подумаетъ иной... Да что съ тобой случилось?
Ты такъ красна, мой другъ!

Г-жа Звонкина.

Я очень разсердилась.
Представь себѣ, мой другъ, сей часъ былъ здѣсь Любимъ,
И какъ ты думаешь — кого нашла я съ нимъ?

Г-нъ Звонкинъ.

Не ужто Лизаньку? —

Г-жа Звонкина.

Ее. — Дѣвчонка эта,
Которая у насъ накормлена, одѣта,
Живетъ десятый годъ, Богъ знаетъ, почему,

Рѣшилась голову совсѣмъ вскружить ему.
Нѣтъ, долженъ завтра же твой братъ на ней
жениться.

Г-нъ Звонкинъ.

А если быть за нимъ она не согласится?

Г-жа Звонкина.

Тогда... весь этотъ вздоръ окончить мнѣ
пора...
Тогда, безъ дальнихъ словъ, сгоню ее съ двора.

Г-нъ Звонкинъ.

Помилуй! Да она...

Г-жа Звонкина.

Должна повиноваться,
Я этаго хочу.

Г-нъ Звонкинъ.

А, надобно признаться,
Не кстати братецъ мой жениться захотѣлъ.

Г-жа Звонкина.

Не кстати — почему?

Г-нъ Звонкинъ.

Онъ слишкомъ устарѣлъ.

Г-жа Звонкина.

Да развѣ срокъ кому для этаго назначенъ?
Какіе пустяки! —

Г-нъ Звонкинъ.

Собой не очень взраченъ.

Г-жа Звонкина.

За что умен.

Г-нъ Звонкинъ.

Вдовецъ.

Г-жа Звонкина.

Такъ чтожъ?

Г-нъ Звонкинъ.

И дѣти есть.

Г-жа Звонкина.

Какъ будто много ихъ! Всего то на все шесть.

Г-нъ Звонкинъ.

Да стоятъ двадцати — кричи, хоть какъ изволишь?

Г-жа Звонкина.

Что это, ангелъ мой? — Мнѣ кажется, ты споришь?

Г-нъ Звонкинъ.

О нѣтъ, моя душа! — Я тотчасъ уступлю.

Г-жа Звонкина.

Ну то то, жизнь моя! — Я споровъ не терплю;
А ты всегда готовъ о всякомъ спорить вздоръ,
Не стыдно ли тебѣ? — Твой братъ въ ужасномъ горѣ,
Влюбленъ — не ѣстъ почти, не пьетъ онъ ничего,
Какъ спичка весь изсохъ, — и ты жъ противъ него!

Г-нъ Звонкинъ.

Эхъ, кѣмъ! — Да Лиза-то съ нимъ будетъ несчастлива.
Наружность у него отмѣнно не красива;
Онъ часто болѣнъ, старъ, ужасно прихотливъ . . .

Г-жа Звонкина.

Лишь былъ бы только онъ съ женой своей счастливъ.

Г-нъ Звонкинъ.

Однакожъ — и о ней подумать также должно.

Г-жа Звонкина.

Да къ мужу всякому, мой другъ, привыкнуть можно:
Я знаю по себѣ. — Да кстати вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже и Ландышевъ.

Ландышевъ.

Желаю здравія!

Г-нъ Звонкинъ.

А, здравствуй, Селадонъ!
Что скажешь новаго? — Чай все въ тоскѣ — въ кручинѣ . . . ?

Г-жа Звонкина.

Ну, милой мой, куда легокъ ты на помннѣ!
Сей часъ лишь о тебѣ у насъ былъ съ мужемъ
споръ.

Ландышевъ.

Осмѣлюсь ли спросить за что?

Звонкина.

Да такъ за вздоръ.
Со мной онъ не хотѣлъ сначала согласиться,
Что завтражъ долженъ ты на Лизанькѣ же-
ниться.
А мнѣ такъ кажется, и лучше и вѣрнѣй
Окончить это все, какъ можно, поскорѣй.

Ландышевъ.

Согласенъ съ вами я — дѣйствительно вы
правы.
Однако же, хоть ждать мнѣ вовсе нѣтъ
забавы,
На время отложить придется свадьбу намъ.

Звонкина.

Помилуй, для чего?

Ландышевъ.

Уже извѣстно вамъ,
Что въ каждый свой пріѣздъ, и лѣтомъ и
зимою,
Нашъ дядюшка, въ Москвѣ, живетъ всегда со
мною.
Ко мнѣ же вѣсть дошла, что ѣдетъ онъ сюда.

Звонкинъ.

Сюда? — Зачѣмъ? —

Звонкина.

Къ чему? Въ его ли ужъ года,
Забывши Докторовъ совѣты и угрозы,
Таскаться по зимамъ въ Крещенскіе морозы?

Звонкинъ.

За тѣмъ, чтобы въ Москвѣ обрыскать всѣ дома.

Звонкина.

Да онъ, повѣрьте мнѣ, ужъ выжилъ изъ ума.

Ландышевъ.

Я слышалъ, что на дняхъ онъ будетъ непремѣнно.

Звонкинъ.

А что, любезной мой, сказать ли откровенно:
Мнѣ кажется, могу побиться объ закладъ,
Что гостю этому не слишкомъ будешь радъ.

Ландышевъ.

Не радъ, да будь готовъ — а, въ правду та признаться,
Я такъ его люблю — что вѣкъ бы не видаться.

Звонкина.

Рѣшиться можно бы на это безъ труда.

Звонкинъ.

Да полно правда ли, что ѣдетъ онъ сюда?
Давно ли, кажется, онъ былъ опасно болѣнъ?

Ландышевъ.

Совсѣмъ ужъ умиралъ, и Докторъ былъ уво-
ленъ . . .

Звонкина.

Вотъ то то и бѣда! Онъ вѣрно бы не всталъ,
Когдабъ по прежнему лѣчиться продолжалъ.

Ландышевъ.

И, нѣтъ! — Лишь даромъ всѣ лѣкарства раз-
теряютъ,
Его и Доктора никакъ недоканаютъ.
Теперь, увидите, лѣтъ на сорокъ пойдетъ!
Не только насъ одннхъ — внучатъ пережи-
ветъ.

Звонкина.

И долженъ пережить. Мы горе испытали;
Съ семьей, съ дѣтьми, подъ часъ изсохнешь
отъ печали.
Ему жъ, скажите мнѣ, крушиться отъ чего?
Живетъ себѣ одинъ, не любитъ никого;
Привязанность къ роднымъ считаетъ за пу-
стое . . .

Ландышевъ.

Да есть ли у него хоть что нибудь святое?
Онъ сущій эгоистъ.

Звонкина.

Ханжа.

Ландышевъ.

Злословъ.

Звонкина.

Скупецъ.

Ландышевъ.

Безъ чувства.

Звонкина.

Безъ души.

Ландышевъ.

И, словомъ, наконецъ

Одно могу сказать, къ нему изъ состраданья;
Что онъ пустой старикъ, не стоющій внимманья.

Звонкинъ.

Да, стоитъ или нѣтъ, какъ хочешь, разсуждай,
А дѣлать нѣчего, хоть плачь, да угождай!

Звонкина.

Чтобъ стала угождать я этому уроду?
Да еслибъ не имѣлъ ста тысячь онъ доходу
И не былобъ у насъ съ тобой кой что въ виду—

Ландышевъ.

Когдабъ наслѣдникомъ я не былъ на бѣду,
Давно бы съ дядюшкой почтеннымъ ужъ распрощался.

Звонкина.

Визита бы отъ насъ тогда онъ не дождался.

Ландышевъ.

Тогда бы не пустилъ его на полъ-двора.

Звонкина.

Нѣтъ, гнуться передъ нимъ, я слишкомъ ужъ стара;
Я жъ лести не терплю — а подлость ненавижу;
И если чванства въ немъ хоть крошечку увижу:
Посмотрите тогда, какъ съ нимъ я обойдусь.

Ландышевъ.

Да я, невѣстушка, и самъ не очень гнусь;
Онъ будь со мной и тѣмъ на старости доволенъ,
Когда зайду узнать, здоровъ ли онъ, иль болѣнъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣже и Иванъ.

Иванъ *(запыхавшись)*

Сударыня!...

Звонкина.

Ну что?

Звонкинъ.

За чѣмъ пришелъ, Иванъ?

Иванъ.

Позвольте отдохнуть!

Звонкина.

Смотри, какой болванъ!
Пришелъ къ намъ отдыхать. — Да что ты запыхался?

Иванъ.

Въѣжалъ, сударыня!... Со мною повстрѣчался...
Отсюда въ полверстѣ... насилу обогналъ!

Звонкина.

Кого? —

Иванъ.

Слуга его Антипка мнѣ сказалъ,
Что въѣдетъ онъ сюда — и хочетъ здѣсь остаться.

Звонкинъ.

Да кто?...

Иванъ.

Вашъ дядюшка.

Ландышевъ.

Сюда? Не можетъ статься!

Звонкина.

Возможноль? — Дядюшка? —

Звонкинъ.

Ступай, бѣги скорѣй,
Пошли мнѣ повора.

Звонкина.

Зови сюда людей!

(*Иванъ уходитъ*).

Звонкинъ.

Признаться, этаго не ждалъ я посѣщенья.

Ландышевъ.

Едва опомниться могу отъ удивленья!
Онъ прямо въѣдетъ къ вамъ!

Звонкина.

Да кажется, что так.

Ландышевъ.

И будетъ жить у васъ?

Звонкинъ.

Какой ты, братъ, чудакъ!
Ну чтожъ тутъ страннаго? Я думаю, свободно
Онъ можетъ жить вездѣ.

Звонкина.

Да братцу не угодно,
Чтобъ жилъ онъ здѣсь.

Ландышевъ.

И, нѣтъ, мнѣ право все равно!
Я этой честiю ужъ пользуюсь давно;
А жаль, что домикъ вашъ не выгодно устроенъ,
И даже слишкомъ малъ.

Звонкина.

За то, сударь, покоенъ,
И лучше въ десять разъ, чѣмъ вашъ огромный домъ,
Въ которомъ тьма дѣтей и цѣлой день содомъ.

Ландышевъ.

И жить то въ тѣснотѣ не всякому охота.

Звонкина.

Да это, батюшка, не ваша ужъ забота.

Ландышевъ.

Однакожъ — дядюшка всегда любилъ просторъ.

Звонкина.

О зависть гнусная! — Все это, сударь, вздоръ.
Нашъ домъ не малъ, и я могу увѣрить смѣло,
Онъ будетъ жить у насъ.

Ландышевъ.

Да мнѣ какое дѣло?
Пускай себѣ живетъ.

(Входятъ люди).

Звонкинъ.

Всѣ люди здѣсь, мой другъ!

Звонкина.

Андрей и ты Ѳома, здѣсь будьте для услугъ;
Сего дня вы должны какъ въ праздникъ быть одѣты.

Звонкинъ *(Повару).*

Чтобъ были къ ужину подъ соусомъ котлеты;
Я помню, дядюшка до нихъ охотникъ былъ.

Звонкина.

А вафли то, мой другъ?

Звонкинъ.

Совсѣмъ было забылъ!
Видь вафли для него пирожныхъ всѣхъ вкуснѣе.

Звонкина.

Ну слышишь ли? — Пошолъ! — А ты бѣги скорѣе,
Шампанскаго купи — иль нѣтъ, ступай верхомъ.
Не правдаль, папинька, намъ надо за столомъ
Его здоровье пить?

Звонкинъ.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Ландышевъ (въ сторону).

Бѣдняжечки! Съ ума сошли отъ восхищенья!

Звонкина. (остальнымъ людямъ).

А вы всѣ дядюшку встрѣчайте у воротъ.

Ландышевъ (въ сторону).

О подлая душа! Давноль онъ былъ уродъ!

Звонкина.

Смотрите у меня! Услуживать старайтесь!

Звонкинъ.

Почаще кланяйтесь, и ниже нагибайтесь!
(Люди уходятъ).

Ландышевъ (въ сторону).

Видалъ ли кто нибудь безстыднѣе льстеца!

Звонкина.

А мы съ тобой пойдемъ, дождемся у крыльца!

Звонкинъ.

Замерзнешь, матушка, — видь градусовъ чай двадцать!

Звонкина.

Пустое, сударь, вздоръ, — едва ли есть двѣнадцать.

Ландышевъ.

Я слышу шумъ: пойдемъ!

Звонкина. (*Мужу*).

Ну чтоже ты не йдешь!

(Встрѣчаются въ дверяхъ съ Ландышевымъ).

Помилуй, батюшка, проходу не даешь!

Загоскинъ.

ОТРЫВОКЪ

Изъ 5 части Малороссійской Энеиды (*).

(Эней посѣщаетъ Эвандра, царя Аркадіи, и приглашаетъ его къ союзу противу Латинцевъ).

Чи довго плывъ Эней, не знаю,
А до Эвандра винъ доплывъ.
Эвандръ, по давнёму звычаю,
Тогда для праздника куривъ;
Съ Аркадянами веселився,
Надъ варенухою (1) трудився,

(*) Доставленъ въ Общество извѣстнымъ сочинителемъ оной И. П. Котляревскимъ. Сообщаемъ его читателямъ Журнала, надѣясь, что доставимъ удовольствіе любителямъ сего произведенія, исполненнаго необыкновенной веселости, остроумія и во многихъ отношеніяхъ весьма оригинальнаго. Они вѣрно порадуются, узнавъ, что I. Котляревскій вновь написанными двумя пѣснями совсѣмъ кончилъ Малорос: Энеиду и въ скоромъ времени намѣренъ издать ее полную.

(1) Малороссійской хмѣльной напитокъ.

И хмѣль въ ихъ головахъ бродивъ.
И тилько що човны уздрѣли,
То всѣ злякалися (2) безъ мѣры;
Одинъ, къ Троянцамъ пидступивъ,
„Чи по неволѣ, чи по волѣ?
Кричитъ Аркадскій имъ горлань:
„Родились въ небѣ вы — чи долѣ?
„Чи миръ намъ везете, чи брань?"
„Троянецъ я, Эней одважный,
„Латинцивъ ворогъ я присяжный,
Эней такъ съ човна закричавъ:
„Иду къ Эвандру погостити,
„На перепутьи одпочити;
„Эвандръ царь добрый, я чувавъ."

* * *

Эвандра сынъ, Паллантъ вродливый,
Къ Энею заразъ пидступивъ;
Отдавъ поклонъ дружелюбивый,
До батька въ гости попросивъ.
Эней съ Паллантомъ обнимався
И въ іого пріязнь заставлявся;
Потимъ до лѣсу почвалавъ (3),
Гдѣ гардовавъ Эвандръ съ попами,
Со старшиною и панами.
Эней Эвандрови сказавъ:
„Хоть ты и Грекъ, та царь правдивый,
„Тобѣ Латинцы вороги;
„Я твій товаришъ буду щирый (4).

(2) Испугалися. (3) Побѣжалъ. (4) Искренней.

,,Латинцы и минѣ враги.
,,Теперь тебѣ я супплікую
,,Мою уважить долю злую
,,И постояти за Троянъ.
,,Я кошовый, Эней Троянецъ,
,,Скитаюсь по міру мовъ ланецъ (5),
,,По всѣмъ товчуся берегамъ.

* * *

,,Прійшовъ до тебе на одвагу,
,,Не думавши, якъ прійметъ ты;
,,Чи буду пити медъ, чи брагу?
,,Чи будемъ мы собѣ браты?
,,Скажи, и руку на взадатокъ,
,,Котора, бачь, не трусить схватокъ
,,И самыхъ злѣйшихъ намъ врагивъ.
,,Я маю храбрую дружину,
,,Терпѣвшихъ горькую годину
,,Отъ злыхъ людей и отъ богивъ.
,,Минѣ найбилше доѣдае
,,Рутульскій Турнъ, собачій сынъ;
,,И лишъ гляди, то и влучае,
,,Щобъ згамкати (6) мене, якъ блинъ.
,,Такъ лучше въ сажавцѣ (7) втоплюся,
,,И лучше очкуромъ (8) вдавлюся,
,,Якъ Турнови я покорюсь.
,,Фортуна не въ іого кишенѣ (9);
,,Турнъ побува у мене въ жменѣ (10);

(5) Бездѣльникъ, бродяга. (6) Съѣсть (7) Въ сажалкѣ прудѣ (8) Снуркомъ изъ бѣлья. (9) Карманѣ (10) Въ горсти.

„Дай помощь — я зъ нимъ потягнусь.“
Эвандръ мовчавъ и прислухався,
Слова Энеевы ковтавъ (11);
То усъ крутывъ, то осмѣхався,
Энееви отвѣтъ сей давъ:
„Эней Анхизовичь, сѣдайте;
„Турбаціи не заживайте,
„Богъ милостивъ для грѣшныхъ всѣхъ!
„Дамо вамъ виська въ пидпомогу,
„И провіянту на дорогу,
„И грошиняток зъ якійсь мѣхъ.
„Не поцурайтесь хлѣба, соли,
„Борщу скоштуйте, галушокъ;
„Годуйтесь, кушайте до воли,
„А тамъ съ труда, до подушокъ:
„А завтра, якъ начне свѣтати,
„Готово висько выступати,
„Куда вы скажете, въ походъ.
„За мной не буде остановки;
„Я зъ вами не роблю умовки;
„Люблю я дуже вашъ народъ!

* * *

Готова справа вся стояла,
Спѣшили всѣ за стилъ сѣдать;
Хоть деяка позастывала,
Шо мусили пидогрѣвать.
Просилне зъ ушками, съ гринками
И юшка съ хлякали, съ кишками,

(11) Глоталъ.

Телячій лызене тутъ лежавъ,
Ягнвы и до софорку куры,
Печени ризнои три гуры,
Багацько ласыхъ (12) тожъ потравъ.
Где ѣстся смачно, тамъ и пьется;
Отъ землякивъ я такъ чувавъ:
На ласее кутокъ найдется;
Эней съ своими не дремавъ.
И правда, гости доказали,
Що жить воны на свѣтѣ знали;
Пили за жизнь — за упокой;
Пили здоровье батька съ сыномъ,
И голь, голь, голь, мовъ клынъ за клыномъ,
Кричать заставивъ на розстрой.

~~~~~

(12) Лакомыхъ.
~~~~~

СМѢСЬ.

ИЗВѢСТІЕ О ЖИЗНИ

ИВАНА АѲАНАСЬЕВИЧА ДМИТРЕВСКАГО.

Знаменитый Россійскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Театра первый Актеръ Иванъ Аѳанасьевичь Дмитревскій скончался 1821 года Октября 27 дня и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ при церкви Спаса нерукотвореннаго. Онъ былъ сынъ Протоіерея Дьяконова, родился въ Ярославлѣ 1734 года Февраля 28 дня, обучался въ тамошней Семинаріи, а Нѣмецкому языку особенно у одного Пастора, находившагося въ то время при Курляндскомъ Герцогѣ Биронѣ.

Г-нъ Дмитревскій въ самой молодости присвоенъ Театру. Извѣстно, что Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, первый основатель

Театральныхъ представленій въ Россіи, завелъ маленькое общество въ Ярославлѣ, которое, не имѣя женщинъ, пригласило молодаго Дьяконова для представленія женскихъ ролей въ трагедіяхъ и комедіяхъ.

Услуга, которую Г. Волковъ оказалъ любителямъ Россійскаго Театра и словесности, описана во многихъ сочиненіяхъ. Мы скажемъ только, что слава о Ярославскомъ Театрѣ Г-на Волкова скоро всюду разпространилась, и дошла до ИМПЕРАТРИЦЫ Елисаветы Петровны. Она повелѣла Гофъ-Маршалу Князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому потребовать Волкова со всѣми Актерами. Они были привезены на ИМПЕРАТОРСКОМЪ иждивеніи, нарочно посланнымъ, Сенатской роты Капитаномъ Дашковымъ въ С. П. бургъ; и по прибытіи ихъ, Ея Величество, узнавъ, что молодой Дьяконовъ играетъ въ трагедіяхъ женскія роли, приказала его съ прочими привезти въ Царское село, для представленія *Оснельды* въ трагедіи Хоревѣ. Желая ободрить возникающее въ Россіи искуство, при всѣхъ придворныхъ сама изволила надѣвать на Оснельду бриліанты и другія драгоцѣнности; при томъ замѣтя, что молодый Дьяконовъ походитъ лицемъ на одного изъ ея придворныхъ служителей Дмитревскаго, приказать соизволила Оснельдѣ называться Дмитрев-

скимъ. Всѣ сія Ярославскаго театра Актеры отданы были для обученія наукамъ и языкамъ въ Сухопутный Кадетскій корпусъ, и въ свободные часы представляли на тамошнемъ театрѣ подъ присмотромъ Г. Мелисино. Братъ родной сего Актера Николай Аѳанасьевичъ продолжалъ гражданскую службу, былъ Совѣтникомъ Палаты, имѣлъ чинъ Коллежскаго Совѣтника, писался и прозывался Дьяконовымъ.

Описавъ колыбель славы Г. Дмитревскаго, приступимъ къ описанію его поприща въ чертогахъ сѣверной Мельпомены. Онъ современникъ существованію Рускаго театра при ИМПЕРАТОРСКОМЪ дворѣ. 1756 года Августа 30 дня повелѣно учредить оный съ положеніемъ каждогодно суммы по 5000 рублей на содержаніе. Главнымъ Директоромъ опредѣленъ былъ творецъ Семиры, извѣстный Александръ Петровичь Сумароковъ, а Дмитревскій въ тоже время получилъ званіе придворнаго Россійскаго Актера съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ.

ЕКАТЕРИНА II 1765 года ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволила отправить его въ чужіе краи для усовершенствованія въ театральномъ искуствѣ. Онъ былъ въ Парижѣ и Лондонѣ, пріобрѣлъ въ обѣихъ сихъ столицахъ вниманіе, похвалу и пріязнь славныхъ

шого времяни на Сейнѣ и на Темзѣ Акшеровъ — Лекеня и Гаррика, особливо послѣдняго, съ кошорымъ онъ игралъ вмѣстѣ у Дюшессы *** на привашномъ шеашрѣ въ Вольшеровой шрагедіи Заирѣ. Безсмершный Гаррикъ однажды шакъ углубленъ былъ въ игру нашего Акшера, что, не примѣшя близь себя свѣчи, сжегъ маншешу. Не Оснельда уже, а Хоревъ нашъ послѣ двухгодичнаго пушешесшвованія возврашился въ Россію; но вскорѣ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію отправленъ былъ вшорично въ Парижъ съ порученіемъ привезши оттуда хорошую шруппу Французскихъ Акшеровъ, и снова по возврашѣ засшупилъ вмѣсшо скончавшагося Ѳедора Григорьевича Волкова, и наимянованъ былъ *первымъ* придворнымъ Россійскимъ Акшеромъ и всей шеашральной Россійской ИМПЕРАТОРСКОЙ шруппы Инспекшоромъ.

Дмишревскій, не взирая на превосходные шаланшы Г. Волкова, шакъ въ пушешесшвіяхъ усовершенсшвовалъ свои способносши, что успѣлъ вознаградишь раждающемуся шеашру нашему пошерю сего ошличнаго Аршисша. Всѣ видавшіе его, раздѣляя шѣ чувсшва, кои онъ въ нихъ хошѣлъ вселишь, съ восшоргомъ выходили изъ шеашра. Онъ въ шрагедіяхъ превосходно игралъ Синава, Оскольда, Дмишрія Самозванца; въ Дидонѣ Ярба и

другія; въ Драммахъ Беверлея; въ Евгеніи Кларендона; въ Комедіяхъ Мизантропа, Тщеславнаго и Раздумчиваго. Иные знатоки полагаютъ, что онъ лучше игралъ Комедію, нежели трагедію: можетъ быть, что Природа не надѣлила его громкимъ голосомъ, сильною грудью, лишила средствъ стать на ряду съ Гаррикомъ и Лекенемъ; но при всемъ томъ онъ былъ Актеръ отличный, и роли Ярба и Дмитрія Самозванца доказываютъ, что умѣлъ возбуждать сильныя дѣйствія въ своихъ зрителяхъ, и подражать страстямъ и чувствамъ представляемыхъ имъ лицъ.

Дмитревскій не только Актеръ съ большими достоинствами, но вмѣстѣ и сочинитель. Онъ былъ членъ Россійской Академіи, обществъ: Библейскаго, Вольнаго Экономическаго и бесѣды Любителей Россійскаго слова. Онъ упражнялся въ сочиненіи Исторіи Рускаго театра, произнесъ въ Россійской Академіи похвальное слово Сумарокову, и перевелъ одинъ томъ изъ путешествій младшаго Анахарсиса по Греціи; сверхъ того подарилъ до 60 театральныхъ піесъ Руской сценѣ, имъ и подъ его руководствомъ переведенныхъ съ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ. Чтоже касается до имянъ оныхъ сочиненій, то вотъ что пишетъ къ нему своеручно знаменитый нашъ Біографъ и почтенный издатель Словаря

духовныхъ Россійскихъ писателей, 1805 года Марта 2 дня.

„Посылаю при семъ къ вамъ статью „отъ вашихъ же устъ почерпнутую и прошу покорно, пополнивъ оную, какъ Біографію, такъ и спискомъ вашихъ сочиненій, „съ означеніемъ изданія оныхъ, возвратить „мнѣ. Симъ обяжете вы не только меня, но „и всю публику, давно уважающую ваши таланты и труды“ и проч.

Во время существованія Императорскаго Россійскаго театра во дворцѣ, въ который допускались только знаменитыя и чиновныя особы, онъ вмѣстѣ съ *Г. Книперомъ* завелъ особенный театръ на Царицыномъ лугу и составилъ свою труппу, гдѣ давались не только маленькія комедіи, но оперы и балеты; и публика за умѣренную плату могла пользоваться произведеніемъ великихъ умовъ и искуствъ. На семъ театрѣ (*) появилося не малое число новыхъ комедій. О. П. Коз., извѣстный любитель словесности, многія переводилъ піесы, какъ то: *Перстень*, *Нашла коса на камень* и другія. На семъ театрѣ отличилися искуствомъ своимъ между прочими артисты Крутицкій и его жена, Г. Голибуровъ и Г-жа Рахманова, не давно оставившая театръ. Когда зрѣлище на Царицыномъ лугу прекра-

(*) По совѣту Дмитревскаго.

тилося и всѣ актеры онаго причислены были къ ИМПЕРАТОРСКОМУ большому театру, то онъ неусыпно старался при учрежденіи театральной школы объ усовершенствованіи молодыхъ талантовъ. Онъ же во время Ивана Ивановича Бецкаго, по дѣятельности своей, находилъ время давать уроки въ Смольномъ Монастырѣ благороднымъ дѣвицамъ. Уроки сіи состояли въ преподаваніи благонравныхъ наставленій о предметахъ географическихъ, историческихъ и словесныхъ.

Актеръ нашъ при особенныхъ дарованіяхъ и знаніяхъ, подобно древнему образцу своему Росцію, о коемъ Цицеронъ отзывается съ такою похвалою, совокупилъ хорошую нравственность, о которой и о христіанскихъ добродѣтеляхъ съ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ его отецъ Духовный, знавшій его коротко довольно продолжительное время. Сія нравственность открыла ему входъ въ Россійскую Академію и другія знаменитыя сословія, а пріятное обхожденіе его отворило двери во всѣ знатные домы. Сверхъ того онъ пріобрѣлъ такое уваженіе и вниманіе отъ писателей нашихъ, что кромѣ таланта Артистовъ, имъ образованныхъ, онъ можетъ похвалиться, что едва ли есть представленіе на Рускомъ театрѣ, которое бы не было оживлено совѣтами и участіемъ его въ ходѣ пі-

есъ, игрѣ явленій, или слогѣ. Самъ начальникъ его А. П. Сумароковъ, самолюбивый и похвалами изнѣженный писатель, дѣлалъ иногда перемѣны въ своихъ трагедіяхъ, слѣдуя его примѣчаніямъ. Г. Княжнинъ тоже при вседневкомъ почти свиданіи показывалъ свои театральныя и другія сочиненія нашему актеру, который поставилъ Недоросля Г. Фонъ Визина, и, не взирая на всѣ препятствія, относительно представленія сей піесы, Дмитревскій убѣдилъ Автора сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, и, склоня Шумскаго играть роль Еремѣевны, принудилъ предубѣжденную публику восхищаться симъ необычайнымъ произведеніемъ нашей словесности. Онъ, уже оконча свое театральное поприще, былъ весьма часто въ домахъ Хераскова, Державина, Александра Семеновича Шишкова и другихъ; что же касается до Якова Борисовича Княжнина, то послѣдующій случай еще докажетъ объ усердіи, которое Дмитревскій питалъ къ нашему театру и объ уваженіи, которое имѣлъ къ питомцамъ Музъ. Вызовъ сочинителей, переводчиковъ и Артистовъ, нынѣ столь обыкновенный и, можетъ быть, иногда во зло употребляемый, получилъ начало свое въ Рославѣ Г. Княжнина.

Авторъ былъ въ театрѣ, но по новости случая не показался публикѣ. Дмитревскій вышелъ и успокоилъ нетерпѣливыхъ зрите-

лей, сказавъ, что благоволеніе ея, столь лестное, конечно Автору будетъ восхитительно; но его въ театрѣ нѣтъ; вездѣ искали и не нашли, и онъ въ качествѣ друга его и почитателя осмѣливается принести публикѣ чувствительную благодарность.

Въ 1787 году Дмитревскій уволенъ съ пансіономъ 2000 руб. отъ должности Актера съ повелѣніемъ остаться при Эрмитажѣ, гдѣ игралъ многія піесы, сочиняемыя ИМПЕРАТРИЦЕЮ, или по ея начертанію сдѣланныя изъ пріятныхъ ей содержаній.

Въ 1797 году онъ на Эрмитажномъ театрѣ, при зрителяхъ до 500 особъ, по волѣ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I, игралъ превосходно трагедію Сумарокова *Дмитрій Самозванецъ*, за кою получилъ благоволеніе и дорогую бриліантами осыпанную табакерку. Въ 1812 году, когда непріятель подступалъ къ Москвѣ, и всѣ жертвовали собою и имуществомъ для общественной пользы, то Г. Дмитревскій, не взирая на преклонныя лѣта свои (имянно 80 лѣтъ, за семь до смерти), одушевясь патріотическимъ чувствомъ, явился, хотя и въ послѣдній разъ, на театрѣ въ піесѣ: *Всеобщее Ополченіе*, соч. Степана Ивановича Висковатова въ ролѣ отставнаго Унтеръ-офицера, приносящаго свои медали. Дряхлый старецъ, но духомъ бодрый, такъ поразилъ публику, что рукопле-

сканіе было чрезвычайное; сборъ самой большой и ополчающійся въ день Александра Невскаго заслуженный Актеръ столько былъ тронутъ лестнымъ къ себѣ благоволеніемъ публики, что рыдая едва могъ въ краткой рѣчи высказать свою чувствительную благодарность. Онъ получилъ за сіе представленіе отъ Государя ИМПЕРАТОРА благоволеніе и богатый бриліантами осыпанный перстень. Чрезъ пять лѣтъ послѣ того и за два года до своей смерти Г. Дмитревскій еще хотѣлъ показаться на театрѣ, по намѣренію весьма похвальному, въ комедіи *Встрѣча Незванныхъ* (*): для него нарочно была сочинена роль стараго управителя или дядьки, и публика уже афишками извѣщена была, что престарѣлый Дмитревскій будетъ играть въ бенефисѣ, назначенномъ въ пользу семейства знаменитаго ученика своего Яковлева, вскорѣ послѣ смерти онаго. Къ сожалѣнію въ самой день представленія Дмитревскій такъ опасно занемогъ, что даже не въ состояніи былъ оставить своей постели; но однако публика, чающая его видѣть, и желая воздать послѣднюю жертву любимому своему Актеру Г-ну Яковлеву, въ такомъ множествѣ собралась, что сборъ былъ необыкновенный; а именно: до 10,000 рублей.

(*) Князя Александра Александровича Шаховскаго.

Удивительно, что Г. Дмитревскій во всю продолжительную жизнь свою не имѣлъ ни одного бенефиса, хотя они задолго предъ его смертію введены были въ обыкновеніе. Онъ семейство свое, довольно многолюдное, оставилъ весьма въ небогатомъ положеніи, такъ что сынъ сего достойнаго отца Г. Коллежскій Совѣтникъ И. И. Дмитревскій, желая ознаменовать мѣсто, гдѣ родитель его погребенъ, памятникомъ, принужденъ былъ прибѣгнуть къ пособію Россійской ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи. Сверхъ того, нѣтъ сомнѣнія, что Артисты придворнаго Россійскаго театра не отрекутся талантами своими успокоить семейство образца своего, наставника и благодѣтеля, представленіемъ въ пользу онаго бенефиса (*).

(*) Что касается до Бенефиса, то Россійская ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія, удовлетворяя похвальному желанію Господина Дмитревскаго сына, отнеслася чрезъ своего Президента Александра Семеновича Шишкова о бенефисѣ въ ИМПЕРАТОРСКУЮ Дирекцію зрѣлищъ и также къ Господину Санктпетербургскому Военному Генералъ-Губернатору Графу Михайлу Андреевичу Милорадовичу, который увѣдомилъ оную въ письмѣ къ ея Президенту, что по его докладу ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше соизволяетъ на представленіе Бенефиса

Таланты, кои образовалъ Г. Дмитревскій суть: Г-жа большая *(единственная)* Семенова, Карашыгина, Сандунова, Михайлова, и другія, изъ мущинъ: Яковлевъ, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Крушицкій и многіе другіе (*).

Сіи извѣстія достовѣрны, ибо всѣ почерпнуты изъ присланныхъ бумагъ отъ сына покойника, Г. Коллежскаго Совѣтника И.

для бывшаго Члена Россійской Академіи Г-на Дмитревскаго и что онъ о семъ уже сообщилъ Г. Управляющему Театральными зрѣлищами. —

Дирекція Театральныхъ зрѣлищъ, избравъ удобное время для приготовленія представленія, таковому случаю приличнаго, удовлетворитъ желанію публики извѣщеніемъ оной о времяни представленія.

(*) Здѣсь истина вводитъ *Редактора* въ обязанность замѣтить, что если въ изчисляемыхъ лицахъ — талантъ Г-жи Семеновой должно почитать въ числѣ талантовъ, образованныхъ И. А. Дмитревскимъ, то развѣ единственно по тому, что она прежде смерти его украшала театръ нашъ. Но изъ сравненія лѣтъ ея съ лѣтами Г. Дмитревскаго можно видѣть, что она не успѣла уже возпользоваться ни его примѣромъ, ни наставленіями.

И. Дмитревскаго (*) и доставлены въ Общество Членомъ онаго, *Графомъ Д. И. Хвостовымъ.*

(*) Все любопытно, что касается до славнаго человѣка. Присовокупляемъ здѣсь нѣкоторыя извѣстія о его семействѣ, полученныя послѣ также отъ его сына. Агрипина Михайловна Дмитревская, урожденная Мусина — Пушкина, супруга Ивана Аѳанасьевича, родилась въ 1740 году, Іюня 16 дня, скончалась въ 1782, Іюля 20 дня. Въ супружествѣ была 23 года и 9 мѣсяцовъ. Вотъ Эпитафія, сочиненная ей супругомъ ея:

„Дмитревская цвѣла душевной добротою,
Россійской Таліи служила красотою:
Къ стенанью горькому супруга и дѣтей,
Сраженна смертію среди цвѣтущихъ дней,
Лишась мірскихъ суетъ, здѣ въ гробѣ почиваетъ,
И — помни, смертный, смерть — оттолѣ возглашаетъ. "

Дмитревскій имѣлъ 10 дѣтей: 6 сыновей, кои всѣ въ службѣ, и 4 дочери въ супружествѣ; у нихъ дѣтей — 8 сыновей и 10 дочерей; правнуковъ — 7: 5 мужескаго и 2 женскаго пола.

ОБЪЯСНЕНІЕ ИЗОБРАЖЕНІЙ НА МЕДАЛИ, НАЙДЕННОЙ ПОДЛѢ ЧЕРНИГОВА въ 1821 году. (*)

Медаль сія вѣсомъ 42¾ золотника. Всѣ на ней изображенія выпуклою чеканью и довольно ясны. Съ одной стороны изображеніе: Стоящій Архангелъ Михаилъ съ непокровенною головою и опущенными крылами, имѣющій въ правой рукѣ оружіе, подобное бердышу — по обѣ стороны его грубыми славянскими литерами: *Михаилъ*. — Въ кружкѣ около сего изображенія греческія слова: *Ἅγιος, ἅγιος, αγιοσ Κύριος Σαβαοθ πλῆδας ὀυρανὸν ἴνος καὶ γῆν* т. е. Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля. Далѣе сего въ двухъ окруженіяхъ находятся нѣкоторыя украшенія.

(*) См № XII Соревнователя П. и Б. 1821 года, стран. 358.

На другой сторонѣ средину медали занимаетъ изображеніе десяти зміевъ, переплетшихся и обращенныхъ попарно одинъ къ другому головами; и на самой срединѣ представляется лице молодаго человѣка съ лапами на груди; около сего изображенія вокругъ надпись славянскими грубыми литерами: *Господи, помози рабу своему Василію, Аминь.* Далѣе сей надписи въ другомъ внѣшнемъ окруженіи греческими литерами, дорическаго нарѣчія, въ сокращенныхъ нарѣчіяхъ надпись: Η Σεραυελλα μιελανενιξ υναιεδεος δράκονου ρυδας καὶ ὡς ἀρνίον ἀιήτον т. е. Гривна златая *представляетъ* истребленіе драконовыхъ корней Агнцемъ непорочнымъ.

По древнему письму, эмблеммамъ и значенію самыхъ надписей можно заключить, что сія медаль не принадлежитъ къ числу Героическихъ воинскихъ, ни за заслуги, ни за отличія, ни въ знакъ начальническаго достоинства; но въ память введеннаго Великимъ Княземъ Владиміромъ Христіанства въ его время и на его имя, хотя нѣтъ на медали никакаго лѣтописанія.

Въ Синопсисѣ Кіевопечерскомъ упоминается, что первый Митрополитъ Кіевскій Св. Михаилъ, прибывшій съ В. Княземъ Владиміромъ изъ Корсуня въ Кіевъ, имѣлъ свое пребываніе и церковь на томъ мѣстѣ,

гдѣ послѣ сооруженъ теперешній Михайловскій Монастырь въ старомъ Кіевѣ, противъ самаго того мѣста (чрезъ бывшій Боричевскій взвозъ), на которомъ стоялъ главный кумиръ Перуна, и Св. Михаилъ съ того времяни почитается низвергшимъ оное діявольское чтилище; гора, гдѣ стоялъ Перунъ (гдѣ нынѣ Трехсвятительская церковь) и по нынѣ еще называется *Чертово беремище,* какъ бы тяжко было черту при случаѣ низверженія того идола. — Понынѣ у простолюдимовъ есть общее понятіе, что святый Михаилъ тогда, когда громъ гремитъ, поражаетъ діавола; и для то, крестяся говорятъ: святъ, святъ, Господь. — Во славу духовной побѣды сего же Архистратига принято со времяни Христіанства изображеніе его въ гербѣ города Кіева. —

На другой сторонѣ медали представлены 10 главъ змѣиныхъ, по числу знатнѣйшихъ десяти идоловъ, которыхъ обоготворяли на Руси до введенія Христіанства: главы ихъ или корни стерты были введеніемъ святыя вѣры во Іисуса Христа, сына Божїя, Агнца непорочнаго, котораго лице изображено въ самой срединѣ медали на корняхъ оныхъ зміевъ или единаго діавола (дракона), имѣющаго разныя главы своихъ дѣятельныхъ способностей. *Господи, помози рабу своему Василію,* т. е.

Князю Владиміру, принявшему имя сіе во святомъ Крещеніи; помози въ низпроверженіи идолопоклонства тогдашняго. При семъ случаѣ даже не написано имя Владиміра, какъ имя языческое, но имя Христіанское Василій. —

Η Σεραν́ελλα *знакъ отличія, медаль отличительная* названа въ переводѣ *Гривною*, какъ и въ лѣтописяхъ называется; должно думать, что и другія гривны употребляемы бывали и дѣланы съ эмблеммашическими изображеніями какаго нибудь важнаго историческаго произшествія.

М. Берлинскій.

КРАКОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ.

Недавно скончавшійся въ царствѣ Польскомъ Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Графъ Станиславъ Потоцкій, мужъ знаменитый любовію къ отечеству и наукамъ, не менѣе какъ своею ученостію и витійствомъ, обращалъ особенное вниманіе на родившуюся при немъ мысль, чтобъ сохранить для позднѣйшаго потомства древніе отечества своего памятники, пощаженные времянемъ и уцѣлѣвшіе отъ многихъ бѣдъ, претерпѣнныхъ сею страною, прославившеюся несчастіями своими и наконецъ упокоенною великодушнымъ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

Сія мысль нынѣ производится въ дѣйствіе подъ надзоромъ особеннаго Комитета въ Варшавѣ, отъ тамошней правительственной Коммисіи Духовныхъ Дѣлъ и Н. Просвѣщенія составленнаго изъ членовъ ея: *А. Пражмовскаго*, Еп. Пл. Графа Іосифа *Сѣраковскаго* и главнаго директора Народной Библіотеки и

Кабинетовъ, при ней состоящихъ, Ректора Варшавскаго Лицея, С. Б. *Линде*. Пріобрѣвшій знаменитое имя въ Славенскомъ свѣтѣ единственнымъ Польскимъ словаремъ своимъ Г. Линде имѣетъ главное смотрѣніе и надъ симъ изданіемъ, подъ заглавіемъ Monumenta Regum Cracoviensia, *Краковскіе* памятники (Польскихъ) Королей.

Онъ представитъ любителямъ Древностей единоплеменнаго съ нами народа изображенія храмовъ Господнихъ и гробницъ Королей и Витязей, почивающихъ въ главной Соборной (Каѳедральной) церкви — семъ священномъ Кирамикѣ первоначальной Столицы Польской, а нынѣ вольнаго города Кракова.

Въ семъ изданіи съ главнымъ предметомъ онаго, чтобъ сохранить образъ таковыхъ памятниковъ для потомства, когда, по общей судьбѣ всякому дѣлу руки человѣка, пріидетъ и имъ нѣкогда чреда разрушенія, соединяется и та патріотическая мысль, чтобъ разувѣрить иноземцовъ, вѣрющихъ по большей части неосновательнымъ и даже непріязненнымъ описаніямъ, будто Польша скудна произведеніями изящныхъ художествъ. А потому описаніе оныхъ изображеній въ хронологическомъ порядкѣ при концѣ изданія приложено будетъ, сверхъ Польскаго, на Латинскомъ и Французскомъ языкахъ. Изъ числа у-

сердныхъ споспѣшествователей сему изданію извѣстны ужепочтенныя имяна: Краковскаго Епископа *Воронича*, бывшаго Короннаго Кустоша *Сѣраковскаго* и Краковскаго Университета Профессора и Библіотекаря Георг. Самуила *Бантке*. Довольный припасъ вырѣзанныхъ досокъ уже готовъ.

Самые оттиски изображеній, коихъ число назначено 24 съ особеннымъ сверхъ того общимъ заглавіемъ выше упомянутымъ, на коемъ изображены видъ г. Кракова и памятники героическихъ Польскихъ времянъ Ванды и Кракуса, издаются на большой Базельской бумагѣ, называемой Королевскою (ройяль). Подлинные рисунки для нихъ приготовляются отечественною кистью художника Михаила Стаховича, со всевозможною точностію, а на мѣдь переносятся рѣзцемъ, извѣстнымъ и за границею, *Дитриха*, съ помощію ревностнаго любителя сего искусства Якова *Соколовскаго*.

Нарочитыя издержки, сопряженныя съ таковымъ предпріятіемъ, которому издатели вознамѣрились доставить возможное совершенство, потребовали пособія отъ подписки на оное. Полная цѣна сему изданію въ газетахъ, журналахъ и особыми объявленіями на разныхъ языкахъ обнародованному, по подпискѣ назначена 120 Польскихъ злотыхъ

(снимая каждый Рос. монетою по 15 к, серебромъ). По закрытіи подписки цѣна возвысится до 180 злотыхъ. Подписавшіеся получать будутъ отдѣленіями, въ каждомъ по 4 листа, въ голубой обверткѣ, на коей напечатано заглавіе каждаго отдѣленія.

Для облегченія подписывающихся принимается и половина назначенной суммы за все изданіе на первыя три отдѣленія, но при полученіи 3 отдѣленія вносится и другая половина.

1. Отдѣленіе, изъ 4 листовъ, или видовъ состоящее, непремѣнно выйдетъ въ началѣ Генваря 1822 года, а слѣдующія будутъ раздаваться чрезъ каждые 3 мѣсяца, или и ранѣе, смотря по успѣху подписки и усиленія чрезъ то способовъ къ скорѣйшему окончанію сего произведенія.

Желающіе подписаться здѣсь, въ С. П. бургѣ на сіе изданіе, могутъ отнестись для полученія билетовъ съ обьявленіями въ Библіотеку для чтенія Россійскихъ книгъ В. А. Плавильщикова (у Синяго мосту въ домѣ Гавриловой) и тамъ, какъ скоро получены будутъ изъ Варшавы, видѣть и самыя тетради по мѣрѣ ихъ выхода.

Анастасевичъ.

С. Петербургъ
23 Декаб. 1821.

НОВѢЙШІЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

Одинъ бѣдный слѣпой Шотландецъ изобрѣлъ въ Эдинбургѣ новый музыкальный инструментъ, соединяющій въ себѣ силу двухъ віолончеллей. Сей инструментъ доведенъ имъ до послѣдняго совершенства. Онъ имѣетъ шестьдесять четыре полутона, къ которымъ въ случаѣ надобности могутъ быть присоединены еще многіе. Самъ изобрѣтатель играетъ на немъ съ удивительнымъ искуствомъ.

* * *

Въ Англіи сдѣлано въ прошломъ году весьма полезное для кораблестроенія изобрѣтеніе. Извѣстно, что донынѣ для починки поврedившихся кораблей не знали другаго средства, какъ класть ихъ на бокъ, что однакоже было сопряжено съ великими трудами и даже самою опасностію. Для сего изобрѣлъ Лордъ Эксмутъ родъ судна, которое посред-

ствомъ сдѣланныхъ на днѣ его отверстій погружается такъ глубоко, какъ нужно для принятія корабля, назначеннаго къ починкѣ. Тогда отверстія закрываются и вода вычерпывается посредствомъ паровой машины. Такимъ образомъ судно, поднимаяся, поднимаетъ за собою и корабль, который наконецъ выходитъ совсѣмъ на поверхность воды и будучи совершенно открытъ представляетъ работникамъ удобность его починивать.

* * *

Полустертая надпись на подножіи такъ называемаго *Помпеева столпа* въ Александріи, которая столько времяни была загадкою для ученыхъ, наконецъ разобрана и совершенно объяснена трудами Англійскаго путешественника Сальта. Она заключаетъ въ себѣ слѣдующія четыре строки:

ΤΟΝ ΤΙΜΙΩΤΑΤΟΝ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ
ΤΟΝ ΠΟΛΙΟΥΧΟΝ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΙΑΣ
ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΝ ΤΟΝ ΑΝΙΚΗΤΟΝ
ΠΟΣΙΔΙΟΣ ΕΠΑΡΧΟΣ ΑΙΓΥΠΤΟΥ,

т. е. „Многопочитаемому Императору, „божеству-хранителю Александріи, Діоклитіану непобѣдимому, Посидіосъ, Префектъ „Египетскій.“

* * *

Иностранные журналы сообщают намъ извѣстіе, что искусный машинистъ Лейнбергеръ въ Ниренбергѣ и Г. Миньорелли въ Болоньи открыли вѣрный способъ управлять воздушнымъ шаромъ въ горизонтальномъ направленіи. Этаго не доставало только для усовершенствованія науки воздухоплаванія.

* * *

Во многихъ Нѣмецкихъ публичныхъ листкахъ упоминалось объ изобрѣтеніи Эрфуртскаго машиниста Гельфарта: печатать на одномъ типографскомъ станкѣ въ 12 часовъ, не только 7,000 экземпляровъ, но еще вдругъ по 8 листовъ, то есть въ день 56,000 листовъ. Машина приводится въ движеніе лошадью и три человѣка нужны для подкладыванія и вынимания листовъ. — Жаль только, что ни одинъ содержатель типографіи не удостовѣрилъ насъ въ дѣйствительности сего изобрѣтенія.

* * *

Увѣреніе Геродота, что при бальзамированіи Египетскихъ мумій древніе вынимали мозгъ изъ головъ посредствомъ криваго инструмента, чрезъ носовыя скважины, подтвердилось нынѣ открытіемъ одной въ лучшемъ состояніи сохраненной муміи, ибо внутреннее устроеніе рта, глаза и черепъ най-

дены у нея въ совершенной цѣлости и, не смотря на то, мозгъ былъ вынутъ.

* * *

Извѣстный Астрономъ Біотъ, посыланный въ 1817 году Французскою Академіею наукъ на Шетландскіе острова для опредѣленія длины секунднаго маятника, имѣлъ случай на островѣ Унстѣ наблюдать сѣверное сіяніе, о которомъ издалъ онъ особое разсужденіе въ Journal des Savans.— Выписываемъ здѣсь только предположеніе его о произхожденіи сего сіянія. — „Сѣверное сіяніе — говоритъ Біотъ— состоитъ изъ собравшейся въ облакахъ матеріи, довольно тонкой, что бы быть въ состояніи значительное время держаться въ воздухѣ. Облака сіи при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ свѣтиться и будучи подвержены вліянію магнетизма — связь котораго съ сѣвернымъ сіяніемъ достаточно уже доказывается и бывающими при ономъ уклоненіями магнитной стрѣлки, извѣстными подъ названіемъ affallemens — соединяются столпами, которые имѣютъ къ землѣ точно такое же направленіе, какъ и настоящія магнитныя стрѣлки. Поелику же между земными тѣлами только одни металлическія покоряются дѣйствію магнетизма, то изъ сего съ вѣроятностію можно заключить, что составляющія сѣверное сіяніе облака и столпы по

крайней мѣрѣ отчасти состоятъ изъ тонкой металлической пыли. Сіи металлическіе столпы служатъ проводникомъ электрической матеріи, которою наполнены слои воздуха, чрезъ кои они проходятъ. Если сія матерія, по свойственной ей способности разпространяться, побѣдитъ препятствія, противополагаемыя ей недостаткомъ въ проводникахъ, то электричество должно разлиться по симъ столпамъ, и путь ея, какъ сіе обыкновенно случается, когда сообщеніе проводниковъ бываетъ прерываемо, означается свѣтомъ. Если наконецъ сіе теченіе электрической матеріи касается ниже лежащихъ слоевъ атмосферы, гдѣ густота воздуха служитъ уже довольно сильнымъ сопротивленіемъ къ ея разпространенію, то въ семъ случаѣ происходитъ тотъ трескъ и звукъ, замѣченный многими и при сѣверныхъ сіяніяхъ, который при подобныхъ обстоятельствахъ обыкновенно сопровождаетъ электрическіе процессы." — Металлическая матерія, наполняющая воздухъ и составляющая столпы сіи, по мнѣнію Біота, происходитъ отъ изверженія огнедышущихъ горъ, которыя въ полярныхъ странахъ находятся въ безпрестанномъ дѣйствіи. †

К.

НАУКИ.

РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ.

ЛѢТОПИСЬ О СИБИРСТѢЙ СТРАНѢ И О ВЗЯТІИ СИБИРИ.

(Окончаніе).

ГЛАВА 18.

О новыхъ несчастіяхъ царя Кучума.

Но царю Кучуму объявлена отъ другихъ вѣстниковъ и новая непріятная для него вѣсть, что идетъ на него съ воинствомъ многимъ князь Сейдякъ, Бекбулатовъ сынъ изъ Бухарской земли, которой скрылся тамъ отъ его убіенія и, вспомня о своемъ отечествѣ, рѣшился отмстить за кровь отца своего Бекбулата. Царь Кучумъ тѣмъ болѣе устрашился сего слуха, что не оправился еще

и отъ перваго страха, наведеннаго на него Россійскимъ воинствомъ (полкомъ), и что Думной его Карача, бывшій въ его домѣ, отъ него отложился съ своими людьми, не хотя болѣе быть въ прежнемъ повиновеніи, и при великомъ плачѣ сказалъ, что кого Богъ не милуетъ, того и самые любезные друзья оставляютъ и дѣлаются его врагами. Карача перешелъ къ Юломскому озеру (14), находящемуся между рѣками Тарою и Омью, вверхъ по р. Иртышу, и тамъ поселился.

ГЛАВА 19.

О новыхъ побѣдахъ Ермака.

Тѣмъ свободнѣе продолжалъ Ермакъ съ дружиною свои храбрыя дѣла по всей Сибирской землѣ, не страшась никого;

---

(14) Въ упомянутой лѣтописи Г. Спасскаго, кажется, испорченно сказано: „Карача же пришедъ въ Лымскую землю и нача жити на большомъ озерѣ, выше р. Тары, близъ р. Сосмы;" потому, что нѣтъ

потому, что страхъ Божій на всѣхъ тамъ живущихъ, яко мечь обоюду острый, предшествовалъ предъ лицемъ Русскаго полка, отгоняя всякое невѣріе. Почему были покорены многіе городки и улусы по рѣкамъ Иртышу и Великой Оби; между ними взятъ и Остяцкой Назимской городокъ съ Княземъ ихъ и со всѣмъ богатствомъ: откуда Козаки возвратились въ г. Сибирь съ великою радостію и корыстію.

ГЛАВА 29.

Прибытіе воеводъ князя Болховскаго съ Глуховымъ и голодъ въ г. Сибири.

Въ лѣто 7091 отъ С. М. (1583, по Р. Х.) Благочестивый Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Россіи Самодержецъ послалъ въ свою державу

тамъ рѣки Сосмы, а р. Омь, гдѣ нынѣ Омская крѣпость. Лымская же земля совсѣмъ неизвѣстна.

*

царскую Сибирь воеводъ своихъ Князя Семена Болховскаго да Ивана Глухова со многими воинскими людьми; но въ то самое время былъ въ городѣ Сибири великой голодъ, которой несравненно больше увеличился, когда пришли сіи воинскіе люди. Отъ него умерли многіе, въ томъ числѣ и Князь Семенъ Болховской, которой и погребенъ въ семъ городѣ. — Голодъ сей случился въ зимнее время; но по наступленіи весны Татара и Остяки начали приносить въ городъ многіе припасы отъ своей ловитвы; по чему паки настало въ немъ изобиліе какъ въ жизненныхъ и овощныхъ, такъ и въ прочихъ потребностяхъ.

ГЛАВА 21.

О препровожденіи Маметкуля въ Москву.

Въ томъ же году отправленъ изъ Сибири въ царствующій градъ Москву Царевичь Маметкуль, сынъ Кучумовъ, со многими воинскими людьми. Но еще до прибытія ихъ въ Москву, Богу изволив-

шу, Благочестивый Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всея Россіи Самодержецъ ко Господу отыде въ вѣчный покой (15), повелѣвъ возвести по смерти своей на царской свой престолъ сына своего Благочестиваго Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича. Послѣ сего произшествія царевичь Маметкуль привезенъ воинскими людьми въ г. Москву, и по повелѣнію сего Государя, встрѣчаемъ былъ съ честію (встрѣча ему была честна), и при семъ случаѣ Государь уважилъ его своимъ царскимъ жалованьемъ многимъ, и служилыхъ людей, которые за нимъ присланы были, пожаловалъ деньгами, содержаніемъ (кормомъ) и сукнами.

ГЛАВА 22.

О убійствѣ Атамана Кольцова съ 40 Козаками отъ Карачи.

Въ томъ же (1583) году пришедшіе къ Ермаку послы отъ Карачи просили

(15) Царь Иванъ Васильевичь скончался 18 Марта, 1584 года.

у него людей для обороны отъ Козачьей орды (16), и дали клятву (шерствованіе) по своей вѣрѣ, что они никакаго зла не мыслятъ. Ермакъ съ товарищами сдѣлалъ совѣтъ, повѣрилъ ихъ безбожному и лукавому шерствованію и отпустилъ къ нему Атамана Ивана Кольцова и съ нимъ 40 человѣкъ. Но когда пришли сіи воины къ нечестивому Карачѣ, внезапно были всѣ побиты. Услышавъ о семъ коварствѣ Карачи, Ермакъ и дружина долго плакали и рыдали, какъ о своихъ дѣтяхъ. — Когда разпространилась молва о убійствѣ Атамана Кольцова съ товарищами между иноплеменными въ Сибири народами; то во многихъ мѣстахъ начали они побивать Козаковъ, гдѣ бы ихъ ни нашли, по волостямъ и улусамъ.

---

(16) Таже Лѣтопись именуетъ сію орду *Нагайскою*; кажется справедливѣе назвать Козачьею или Киргиз-Кайсацкою ордою, судя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

ГЛАВА 23.

Объ осадѣ города Сибири отъ Карачи.

Того же (1583) года во время великаго поста, пришедъ Карача со многими воинскими людьми, обложилъ г. Сибирь обозами, поставивъ и табары, имѣя самъ пребываніе въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Саускалъ, въ трехъ почти верстахъ отъ сего города, причиняя чрезъ то великую тѣсноту гражданамъ города Сибири, простоялъ въ такомъ положеніи до пролѣтья; но еще въ продолженіе мѣсяца Іюня Козаки вышли тайно изъ города, подошли къ стѣнамъ Карачи въ Саусканъ, напали ночью на враговъ своихъ, которые спали безъ всякаго опасенія, и побили множество нечестивыхъ Татаръ и въ томъ числѣ двухъ сыновей Карачи; прочіе же Татара врознь разбѣжались. — Карача и съ нимъ немногіе убѣжали за озеро. Нѣкоторые бѣжали къ осаждающимъ городъ и сказали о происшедшемъ. Услышавъ сіе, прибѣжали вмѣстѣ съ ними отъ города въ Саусканъ, въ

намѣреніи предать Козаковъ смерти и на нихъ напали; но Козаки, скрываясь отъ нихъ, выходили на вылазку, и столько крѣпко бились съ погаными, что бранное сраженіе продолжалось до полудня, которое тогда только престало, когда Татара отступили, а Козаки возвратились въ городъ. Карача, видя, что Козаковъ одолѣть не возмогъ, отошелъ во свояси со стыдомъ (съ срамомъ).

ГЛАВА 24.

О смерти Ермака и съ нимъ бывшихъ Козаковъ.

Въ лѣто 7092 отъ С. М. (1584 отъ Р. Х.) посланіемъ Божіимъ пріуготовился часъ смерти на воинскихъ людей. Пришедшіе къ Ермаку вѣстники сказали, что царь Кучумъ не пропускаетъ въ Сибирь Бухарцовъ; почему Ермакъ не со многими воинскими людьми пошелъ имъ навстрѣчу по р. Иртышу въ стругахъ,

но, дошедши до р. Вагая, Бухарцовъ не нашелъ, и для того продолжалъ путь по Вагаю вверхъ до мѣста, называемаго Атбашъ, но и тамъ не обрѣлъ оныхъ: для сего, возвращаясь оттуда, наставшей уже нощи, Козаки, утомившіеся отъ долгаго (многаго) путешествія, дошедши до перекопи, тамъ разположились ночевать, поставивши свои станы; но не оградили себя крѣпкою стражею, ослабшимъ ихъ умамъ. Царь Кучумъ, замѣтивъ сіе, повелѣлъ въ сію ночь крѣпко наблюдать за ними (крѣпко стрещи), разославъ многихъ Татаръ по разнымъ мѣстамъ. — Въ туже ночь былъ весьма великой дождь, и спящимъ Козакамъ безъ всякаго опасенія, поганые въ полночь во множествѣ на нихъ напали и всѣхъ побили. Избѣжалъ сей участи только одинъ Козакъ. Ермакъ, видя избіеніе своихъ воиновъ, и не чая ни отъ кого помощи и въ своей жизни, побѣжалъ въ стругъ; но немогъ до него дойти, потому, что одѣянъ былъ желѣзомъ, а стругъ отплылъ отъ берега; по чему, не могши до него достигнуть, утонулъ. И такъ лишился жизни

своей Ермакъ, и побіеніе всѣхъ его воиновъ произошло въ 5 день Августа. Оставшіеся въ г. Сибири Козаки, услышавъ, что Атаманъ ихъ Ермакъ былъ убитъ со всѣми при немъ бывшими, предались великому плачу, но на весьма немногое время.

ГЛАВА 25.

Оставшіеся Козаки по смерти Ермака уходятъ въ Россію.

Оставшіеся въ г. Сибири Козаки, видя, что наставника ихъ Ермака злочестивые Татара убили и съ дружиною его, страшились жить въ семъ городѣ одни; почему, вышедши изъ него, поплыли внизъ по Иртышу и Великой Оби и потомъ чрезъ Камень (Уральской Хребетъ) убѣжали къ Руси (въ Россію), оставивши городъ Сибирь пустъ.

ГЛАВА 26.

О приходѣ царевича Алея и Сейдяка.

Царевичь Алей (Али) (17), Кучумовъ сынъ, увидѣвъ, что Козаки убѣжали, оставивши городъ Сибирь пустъ, пришелъ съ воинскими людьми, вошелъ въ оной, и тамъ водворился; а Князь Сейдякъ, Бенбулатовъ сынъ, услышавъ, что Ермакъ съ товарищами на перекопи убитъ, что прочіе Козаки бѣжали изъ г. Сибири и что овладѣлъ симъ градомъ царевичь Алей, Кучумовъ сынъ, собравшись со всѣмъ своимъ домомъ и воинскими людьми, пришелъ къ городу Сибири, взялъ оной, побѣдивши Алея и выгнавши всѣхъ ему

---

(17) Въ 9 примѣчаніи сказано, что у Кучума былъ еще сынъ Али, или Алей, чего нѣтъ въ моей рукописи, разумѣется, въ томъ мѣстѣ, гдѣ упомянулъ о немъ г. Спасскій, которой послѣ говоритъ, что будто къ Алію пришелъ въ градъ Сибирь и царь Кучумъ; но въ 26 главѣ моей рукописи о немъ не упоминается, и кажется не было ему времяни быть тогда здѣсь за отдаленностію его кочевья.

подвластныхъ, принялъ во владѣніе, какъ наслѣдство (вотчину), отца своего Бекбулата и пребывалъ въ немъ до послѣдующихъ произшествій.

ГЛАВА 27.

О приходѣ изъ Москвы воеводы Мансурова и построеніи имъ городка противъ Иртыша.

Во второе лѣто по смерти Ермака (18), пришелъ изъ Москвы Воевода Иванъ Мансуровъ съ воинскими людьми и доплылъ до рѣки Иртыша. Въ урѣченномъ мѣстѣ на берегу сей рѣки собралось мно-

(18) По лѣтописи Сибирской Г. Спасскаго въ 1586 году, и будто бы Воевода Мансуровъ встрѣтилъ па рѣкѣ Турѣ Атамана Мещеряка съ оставшимися Козаками по смерти Ермака; но объ нихъ сказано въ моей рукописи, что ушли въ Россію чрезъ Камень, да и можноли было пробыть имъ почти около двухъ лѣтъ между непріятелями?

жество Татаръ, что видя Воевода Мансуровъ и слыша, что Козаки убѣжали изъ города Сибири, устрашился и, не приставъ къ берегу, поплылъ внизъ по Иртышу и дошелъ до Великой Оби. Но видя, что настала уже глубокая осень, ледъ въ рѣкахъ смерзается и наступаетъ зима, приказалъ построить городокъ надъ р. Обью, противъ устья р. Иртыша, засѣлъ въ немъ съ воинскими людьми и остался тамъ зимовать.

ГЛАВА 28

О приступѣ къ нему Остяковъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, множество Остяковъ, живущихъ по Великой Оби и Иртышу, пришло къ городку и начало приступать къ нему со всѣхъ сторонъ; противились сему находящіеся въ городкѣ (какъ слѣдуетъ); битва продолжалась тако чрезъ цѣлой день; нощи же пришедшей Остяки отъ городка отступили. —

ГЛАВА 29

О пораженіи ихъ Кумира отъ пушечнаго выстрѣла.

По утру же пришедши Остяки подъ городокъ, принесли съ собою Кумира, котораго вмѣсто Бога почитали, и которой въ землѣ ихъ весьма славился, поставили его подъ однимъ древомъ и начали жрѣть (приносить жертву), надѣясь его помощію взять Христіанъ въ плѣнъ и предать смерти. Во время сего жертвоприношенія Рускіе, осажденные въ городкѣ, выстрѣливши изъ пушки, разбили древо и Кумира на многія части, чего устрашившись поганые, говорили другъ ко другу (не знавши, что это такое и думая, что нѣкто изъ лука стрѣлилъ), какъ сильно они стрѣляютъ, что могли разбить древо и Кумира и тотчасъ разошлись по своимъ жилищамъ (восвояси).

ГЛАВА 30

О поставленіи города Тюмени и церквей Божіихъ.

Въ лѣто 7092 С. М. (1584 по Р. Х.) пришли изъ Россіи Воеводы Василій Сукинъ, да Иванъ Мѣсновъ и съ ними многіе Рускіе люди, поставили городъ Тюмень, гдѣ прежде былъ городъ Чингій, поставили также для себя домы и воздвигли церкви въ прибѣжище себѣ и прочимъ православнымъ Христіанамъ. —

ГЛАВА 31

О поставленіи града Тобольска и церквей Божіихъ.

Въ лѣто 7095 отъ С. М. (1587 отъ Р. Х). при державѣ Благочестиваго Государя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Россіи Самодержца, по Его Царскому изволенію посланъ изъ Москвы его Государевъ Воевода Данило Чулковъ со многими воинскими людьми, которой,

дошедши до р. Иртыша отъ града (Тюмени, что вѣроятно пропущено отъ переписчика), разсудилъ построить во славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу вмѣсто царствующаго города Сибири городъ Тобольскъ (Тоболескъ), потому, что тамъ послѣдовала побѣда надъ Агарями и Бусурманами и почтилъ его царствующимъ или главнымъ вмѣсто Сибири. (Такимъ образомъ преложилъ я слѣдующія не очень понятныя слова Рукописи: „посланъ съ Москвы его Государевъ Воевода Данило Чулковъ со многими воинскими людьми по повелѣнію царскому, доидоша до рѣки Иртыша отъ града, Благоизволи (первая сего слова буква написана красными чернилами) ту и прослави мѣсто во славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу; вмѣсто же сего царствующаго града Сибири старѣйшина бысть градъ Тоболескъ: понеже ту побѣда и одолѣніе на окаянныхъ Агарянъ и Бусурманъ бысть, пачежъ намѣсто царствующаго града причтенъ).

ГЛАВА 32.

О взятіи въ плѣнъ Сейдяка, Салтана Козачей Орды и Карачи.

По нѣскольких дняхъ послѣ построенія города Тобольска вышли изъ города Сибири Князь Сейдякъ и вмѣстѣ съ нимъ Казачьей орды Салтанъ и царя Кучума Думной Карача съ 500 воинскихъ людей, дошли до мѣста, называемаго Княжей лукъ (лугъ) и стали пускать ястребей за птицами. Увидя ихъ изъ города Тобольска Воевода Данило Чулковъ и воинскіе люди и посовѣтовавъ, послали къ Князю Сейдяку посланниковъ съ повелѣніемъ сказать Князю Сейдяку, чтобъ онъ пріѣхалъ въ городъ совѣтовать о мирномъ постановленіи: потому что тогда онъ, какъ ехидна, дыхалъ еще на православныхъ Христіанъ, желая, подобно змію, ихъ уязвить.

Когда посланники объявили имъ повелѣнное отъ Воеводы; то Князь Сейдякъ, услышавъ о томъ и посовѣтовавъ съ царевичемъ Салтаномъ и Карачею,

пошли въ городъ, взявши съ собою 100 человѣкъ, а прочихъ оставивши внѣ города.

Вошедши же въ домъ Воеводы Данила Чулкова и сѣвши за столъ, яствамъ уже изготовленнымъ, говорили много о мирномъ постановленiи; но Князь Сейдякъ сидѣлъ задумавшись, ни питiя, ни брашна не вкушая. Замѣтивъ сiе Воевода Данило Чулковъ сказалъ Князю Сейдяку: что зломыслишь на православныхъ Христiанъ, не вкушая ни питiя, ни брашна? На что отвѣтствовалъ онъ: не мыслю на васъ никакаго зла. Воевода по сему взявши чашу съ питiемъ сказалъ: Княже Сейдякъ, ежели не мыслишь зла ты и царевичь Салтанъ и Карача на насъ, православныхъ Христiанъ, то выпейте сiю чашу во здравiе!

Когда, принявъ чашу, Князь Сейдякъ началъ пить, то поперхнуло въ гортани; тоже случилось съ царевичемъ Салтаномъ и съ Карачею, Богу бо обличающу ихъ. Видя сiе Воевода и воинскiе люди заключили, что Князь Сейдякъ и прочiе мыслятъ на нихъ зло, намѣреваясь предать ихъ смерти. По чему Воевода далъ

знакъ рукою и воинскіе люди начали побивать Татаръ; но Князь Сейдякъ, царевичь Салтанъ и Карача выбросились въ окошко, однакожъ были пойманы и связаны, прочіе же всѣ побиты. Услышавъ о семъ бывшіе за городомъ Татара, всѣ устремились въ бѣгство, и такой напалъ на нихъ страхъ, что уже не возвратились и въ свой городъ. Оставшіеся въ немъ, получивъ о томъ извѣстіе, также убѣжали такъ, что никто въ городѣ не остался.

ГЛАВА 33.

Объ отправленіи ихъ въ Москву.

По нѣкоторомъ времяни отправлены Князь Сейдякъ, Царевичь Казачей орды Салтанъ и Думной царя Кучума Карача въ царствующій градъ Москву со многими воинскими людьми.

ГЛАВА 34.

О покушеніяхъ на Рускихъ царя Кучума и кончинѣ его.

Когда побѣжденъ былъ царь Кучумъ и убѣжалъ изъ своего царства въ поле

(степь); то, дошедъ до удобнаго мѣста, на немъ остановился съ оставшимися своими людьми, многократно покушаясь итти въ Сибирь, плѣнить тамошніе города и отмстить православнымъ Христіанамъ; но удерживаемъ былъ страхомъ отъ прежняго пораженія. — Однакожъ нѣкогда покусился исполнить свое намѣреніе, собралъ оставшихся своихъ воиновъ, сколько могъ, и пошелъ въ Сибирь. Но когда дошелъ до р. Иртыша, неблизко еще города Тобольска; то напалъ на него такой страхъ и ужасъ, что не пошелъ къ г. Тобольску и къ прочимъ Сибирскимъ городамъ; но многія иныя Агарянскія (Татарскія и другихъ народовъ) веси поплѣнилъ и убѣжалъ въ мѣсто своего пребыванія. Когда дошло извѣстіе въ г. Тобольскъ, что Царь Кучумъ ограбилъ (поплѣни) Тобольскія веси; то посланы были для преслѣдованія его Рускія войска, кои, достигши его близь поля, напали, побѣдили помощію Божіею воиновъ Царя Кучума, взяли въ плѣнъ двухъ царицъ и его сына, и пріобрѣли множество богатства. Царь Кучумъ убѣжалъ не со многими воински-

ми людьми и, дошедши до своего улуса и взявъ оставшихся своихъ людей втай (скрытно), уѣхалъ въ Калмыцкіе улусы. Тамъ, подсмотрѣвши конскія стада, напалъ на оныя и погналъ въ свои жилища. Калмыки погнались за нимъ въ слѣдъ, достигли, побили многихъ его воиновъ и возвратили своихъ коней. Почему Кучумъ убѣжалъ къ Нагайцамъ (Нагайскимъ Татарамъ), отъ коихъ и былъ убитъ для того, говорили они, чтобъ и ихъ не постигла за его пребываніе подобная ему бѣда.

ГЛАВА 35.

О разпространеніи Христіанской вѣры и о населеніи Сибири.

Съ того времяни, говоритъ Лѣтопись, Евангельское солнце осіяло Сибирскую землю, и огласилъ псаломскій громъ тѣмъ паче, что во могихъ мѣстахъ построены города, созданы святыя Божіи церкви и монастыри, во славословіе Отцу и Сыну

и Святому Духу и въ прибѣжище православнымъ Христіанамъ, и многіе невѣрные, узнавши православную Христіанскую вѣру, крестились, содѣлались изъ невѣрныхъ вѣрными, вездѣ и по всей Сибирской странѣ излилась благодать Божія по писанному: побѣдилъ еси землю и упоию, умножилъ еси обогатити. И тамъ, — и въ странахъ, о коихъ слухъ ни до кого не доходилъ, — и тамъ нынѣ города и веси, во внутренности ихъ разсѣялось множество православныхъ жителей, даже по всему лицу Сибирскія земли. О сихъ произшествіяхъ даже до сего мѣста (и о сихъ до здѣ, паче же ко исправленію) особливо для исправленія, имѣя помощь, выправилъ лѣтописи сіи о взятіи Сибири и о таковыхъ побѣдахъ въ . . . . (19) Сентября въ 1 день.

(19) Годъ здѣсь пропущенъ, вѣроятно отъ переписчика.

ГЛАВА 36.

О первомъ Архіепископѣ Тобольскомъ и Сибирскомъ Кипріанѣ и собраніи Лѣтописи о покореніи Сибири.

Въ лѣто 7129 отъ С. М. (1621 по Р. Х.) Божіимъ изволеніемъ, повелѣніемъ же Благочестиваго и Христолюбиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи и благословеніемъ Крайняго Святителя Филарета Никитича Московскаго и всея Россіи, поставленъ былъ первымъ Архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ Кипріанъ, бывшій прежде на Хутынѣ Архимандритомъ. — Во второе лѣто первопрестольства своего вспомнилъ онъ объ Атаманѣ Ермакѣ Тимоѳѣевѣ сынѣ съ дружиною и повелѣлъ разспросить Ермаковскихъ Козаковъ, какъ пришли они въ Сибирь, гдѣ съ невѣрными были бои, и кого гдѣ и на какой брани убили изъ Козаковъ? Козаки принесли къ нему письменное извѣстіе о томъ, какъ пришли они въ Сибирь, гдѣ съ невѣрными были бои, и гдѣ Козаковъ

и кого имянно изъ нихъ убили. Сей же добрый Пастырь, имѣя объ нихъ попеченіе, повелѣлъ имяна убитыхъ написать въ Синодикъ въ Соборной церкви Софіи премудрости Божіей, и въ провославную недѣлю кликать съ прочими пострадавшими за провославіе вѣчную память.

Послѣ Кипріана былъ поставленъ Архіепископъ Макарій (20).

Лѣта 7137 по С. М. (1629 по Р. Х.) Сентября въ 18 день прислана Государева грамота въ Сибирь — Тоболескъ и отъ святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руссіи къ Макарію Архіепископу, по которой велѣно поститься недѣлю и пѣть молебны каждый день.

---

(20) Въ 1625, Апрѣля въ 1 день, по находящейся у меня росписи Тобольскихъ Преосвященнѣйшихъ; послѣ словъ: и *имяна ихъ въ Синодикъ написаны:* и проч. о Преосвященныхъ Макаріѣ, Нектаріѣ и Герасимѣ вписано въ рукописи, по видимому, послѣ настоящей лѣтописи, другою рукою и другими чернилами.

Лѣта 7143 (1635) Іюля въ 24 день представился Макарій Архіепископъ Тобольскій и Сибирскій. — Въ 7144 году (1636) пріѣхалъ изъ Москвы въ Сибирь — въ Тобольскъ третій Архіепископъ Нектарій Апрѣля въ 1 день.

Въ лѣто 7149 (1641) Генваря въ .... (21) пріѣхалъ въ Сибирь въ Тобольскъ Герасимъ Архіепископъ Сибирскій и Тобольскій.

ГЛАВА 37.

Повтореніе главныхъ побѣдъ, одержанныхъ Козаками въ Сибири и установленіе поминовенія убіенныхъ (22).

Въ лѣто 7089 (1581) при державѣ Благочестиваго Царя и Великаго Князя

(21) Число здѣсь пропущено, а въ упомянутой росписи поставлено 1 Генваря.

(22) Главы 37, 38, 39 и 40 писаны опять другою рукою и иными чернилами, которыми написаны и заглавныя буквы, а не красными, какъ въ предшествовавшихъ главахъ.

Іоанна Васильевича всея Россіи Самодержца избра Богъ и посла не отъ славныхъ мужей, ни царска повелѣнія Воеводъ, очистити мѣсто святыни и побѣдити Бусурманскаго царя Кучума и раззорити богомерзкая ихъ и нечестивая Капища — (идѣже быша возгнѣжденіе звѣремъ и водвореніе Сириковъ, но на тѣхъ мѣстѣхъ поставиша гради и воздвигоша Святыя Божія церкви въ прибѣжище православнымъ Христіанамъ и въ славословіе Отцу и Сыну и Святому Духу); — но отъ простыхъ людей избра Богъ и вооружи славою и ратоборствомъ и вольностію Атамана Ермака Тимоѳѣева сына Повольскова, со единомысленною и превозлюбленною дружиною, храбровавшею; забыша бо свѣта сего всю честь и славу и плотскую сладость, и смерть въ животъ преложиша и воспріимше щитъ истинныя вѣры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость свою предъ нечестивыми языки, глаголюще: достойны умрети за святыя Божіи церкви и за истинную вѣру пострадати и благочестивому Царю послужити: яко не отъ многихъ

воиновъ побѣда бываетъ; но свыше отъ Бога; можетъ бо и безпомощнымъ помощи на противляющихся Агарянъ; и вся сія совершися Божіимъ промысломъ. И пріидоша сіи воины въ Сибирскую землю безстрашны, въ ихъ нечестивые улусы; и противніи собрашася въ урѣченномъ мѣстѣ у рѣки Иртыша на брегу подъ Чувашевымъ и насѣяшися множество ихъ, яко травы сельни, и бысть съ ними бой великъ Октября въ 23 день и взявше (жняше) православное воинство нечестивыхъ Божіею помощію, якоже класы. На томъ мѣстѣ убіеннымъ вѣчная память большая.

Тояжде зимы Ермаковѣ дружинѣ безъ опасенія идущимъ (идущей) къ рыбной ловлѣ подъ Ябалакъ, внезапу на станы ихъ нападоша нощію и побиша. — На томъ дѣлѣ убіеннымъ вѣчная память меньшая. —

ГЛАВА 38.

Продолженіе того же.

Во второе же лѣто по Сибирскомъ взятіи храбровавшему Ермаку со своею

дружиною, обнажиша мечи своя на нечестивыхъ и воеваше по р. Иртышу и по великой Оби и Назимской городокъ Остяцкой взяша и со Княземъ ихъ и со многими Остяки. На томъ мѣстѣ убіеннымъ вѣчная память средняя. —

ГЛАВА 39.

Продолженіе того же.

Въ третіе лѣто по Сибирскомъ взятіи послалъ Карача Думчей Царевъ, пославъ къ Ермаку съ товарищи по люди, оборонити его отъ Козачей орды и Ермакъ, по совѣту своего товарищества, повѣриша ихъ нечестивому и безвѣрному шертованію, пустиша къ нему Карачѣ Атамана Колца, да съ нимъ сорокъ человѣкъ, и сіи сами предашася въ руки нечестивымъ и тамо вси избіени быша, и на томъ дѣлѣ убіеннымъ вѣчная память большая.

ГЛАВА 40.

Продолженіе того же и окончаніе Лѣтописи.

Въ четвертое же лѣто по Сибирскомъ взятіи Августа въ,, ,,день прійдоша вѣстницы къ Ермаку съ товарищи отъ Бухарцовъ и торговыхъ людей, что до ихъ Царь Кучумъ не пропуститъ; и Ермакъ навстрѣчу Бухарцамъ пойде и доидоша до р. Вагая и обкочевашеся наперекопи. Поганіи же подсмотрѣша ихъ и на падоша на станы ихъ нощію. — Но посланіемъ Божіимъ уготовися часъ и пріиде на воиновъ смертъ; и тамо вси избіени быша. И на томъ дѣлѣ убіеннымъ и Ермаку, иже (идѣже) изволи имъ Богъ животъ скончать, вѣчная память, возгласъ большей. — И имяна ихъ въ Синодики написаны, гдѣ которые убіени, здѣ же о семъ оставихъ, а се написахъ къ своему исправленію.

Конецъ же предлагаю лѣтописи сея. Изложена бысть сія лѣтопись: Сибирс-

кое Царство и Княженіе и о взятіи Сибири въ Тобольскѣ градѣ въ лѣто 7145 (1637); продолженіе же сей статьи съ толкованіемъ имяни Автора помѣщено въ предисловіи къ сей лѣтописи (23).

---

(23) Главы 37, 38, 39, и 40 написаны у Автора весьма яснымъ слогомъ, почему оставлены почти безъ всякой перемѣны, изключая правописаніе и годы отъ Р. Х.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

ПРОЗА.

ТЬМА (*)

(Изъ Байрона).

Я видѣлъ сонъ, который много походилъ на существенность. Великолѣпное солнце вдругъ угасло. Звѣзды, лишенныя лучей своихъ, странствовали какъ блуждающія стада по темнымъ пустынямъ про-

(*) Знаменитый Сочинитель сего небольшашаго отрывка, представляя какъ поэтъ рядъ высокихъ мыслей и картинъ ужасныхъ, кажется, имѣлъ и *нравственную цѣль*: показать всю бѣдность людей и все ничтожество пышныхъ красотъ земли, когда нестанетъ для нея неба и свѣтилъ его. — *Примѣч. Перев.*

странства безпредѣльнаго. Отсутствіе Луны ослѣпило леденѣющую землю; уединенная во Вселенной, висѣла она, какъ бездушный трупъ, въ глубокомъ сумракѣ продолжительной ночи. — Утро приходило, изчезало и опять возвращалось; но никогда не приводило оно съ собою желаннаго дня. Въ семъ общемъ бѣдствіи всѣ страсти замолкли, всѣ отношенія изчезли, всѣ связи рушились; холодное себялюбіе стиснуло сердца. У всѣхъ было одно только чувство — *жажда свѣта*. Все становилось жертвою пламяни. Дворцы и Храмы, чертоги и хижины превращены въ костры, которыхъ мгновеннымъ блескомъ надѣялись замѣнить постоянное сіяніе Свѣтилъ Небесныхъ.

Цѣлые города изтлѣвали въ пожарахъ и люди сбѣгались толпами, чтобъ посмотрѣть еще разъ другъ на друга при свѣтѣ угасающихъ огней.

Счастливцами называли немногихъ обитавшихъ при грозныхъ пламянникахъ, которыми дышали неугасимые Волканы. — Надежда, безпрерывно волнуемая страхомъ, одна поддерживала еще осиро-

тѣлаго слѣпца — унылую землю! . . .

Вскорѣ запылали зажженные лѣса, вѣками возрощенные; но съ каждымъ часомъ багровое сіяніе пожаровъ потухало; съ трескомъ разсѣдались прогорѣлыя деревья и, вспыхнувъ, погасали въ глубокомъ океанѣ тьмы; мимолетные лучи умирающихъ огней открывали на лицахъ человѣковъ выраженіе неописанное. —

Тутъ видны были различныя явленія. Одни припадали лицемъ къ землѣ и въ безмолвной грусти тихо плакали; другіе, сидя облокотясь, долго усиливались, чтобъ разсмѣяться . . . Большая часть бѣгали, какъ безумные, туда и сюда, сбирая вѣтви и все, что ни встрѣчалось для поддержанія своихъ костровъ погребальныхъ. Напрасно взирали на Небо: какъ черная мантія, какъ печальный крепъ висѣло оно разпростертое надъ умирающею землею. Болѣе отчаянные, скрежеща зубами, повергались въ прахъ съ дерзкимъ богохуленіемъ.

Дикія птицы испускали пронзительные крики въ пустыняхъ воздушныхъ; разпуганныя стада ихъ, лишенныя и пу-

тей и пристанища, безполезно утомляли въ темнотѣ ненадежныя крылья свои. — Лютѣйшіе звѣри сдѣлались робки и смирны. — Змѣи расползлись между людьми; не рѣдко вокругъ нихъ обвивались; шипѣли какъ прежде, но жалить и уязвлять уже перестали.

Томимые гладомъ люди стали питаться змѣями и вскорѣ война, затихшая на минуту, возникла съ новою яростію... Одною только кровію покупалась пища и всякой, особясь отъ другихъ, торопливо пожиралъ свою добычу. — Уже не знали болѣе ни дружбы, ни любви! —

Все, что имѣло жизнь, услышало приговоръ свой къ безмолвной смерти и ожидало неминуемой участи, терзаясь въ лютой пыткѣ глада. Вездѣ валялись трупы безъ могилъ; живые мертвецы пожирали мертвецовъ бездушныхъ. — И самые псы возстали противу господъ своихъ и питались трупами своихъ питателей. — Одна только вѣрная собака сторожила надъ тѣломъ своего хозяина, отгоняя отъ него птицъ, звѣрей и го-

лодныхъ человѣковъ. Сія вѣрная собака не искала пищи; но, оглашая воздухъ продолжительнымъ жалобнымъ воемъ, умерла, лобызая руку, которая не могла уже болѣе ее ласкать. — Мало по малу голодъ истребилъ всѣхъ людей; остались только два обитателя большаго города и они были нѣкогда между собою непримиримые враги: — Бродя ощупью; оба встрѣтились однажды близь олтаря, на которомъ изтлѣвала покинутая священная утварь.

Слабымъ дыханіемъ замирающей груди сообщили они жизнь таившимся подъ пепломъ искрамъ.

Мгновенное пламя вспыхнуло, несчастные увидѣлись; ужаснулись, крукнули — пали мертвы, не разпознавъ, кого изъ нихъ голодъ сдѣлалъ болѣе похожимъ на привидѣніе.

И такъ Вселенная стала пустынею!

Весна не посѣщала болѣе осиротѣлой земли: не было на ней ни зелени, ни вертоградовъ, ни людей: повсюду угасла жизнь — вездѣ затихло движеніе!

Рѣки, озера и океаны дремали въ пус-

тынномъ безмолвіи: ничто не возмущало ихъ спокойной глубины.

Опустѣлые корабли изтлѣвали; утлыя мачты ихъ, дряхлѣя, падали въ волны; но волны не возмущались отъ ихъ паденія. Оцѣпенѣлыя, они согнивали въ тиши, какъ мертвецъ въ могилѣ своей.

Не было уже благодатной луны, управлявшей нѣкогда ихъ движеніями; не пробуждались вѣтры въ сгущенномъ воздухѣ; не стало облаковъ, ни росы — и Міръ, какъ усопшій, погребенъ былъ во мракахъ, — и темна, какъ беззвѣздная полночь, была Вселенная. —

Ѳед. — Глин. —

~~~~~~
~~~~~~

НОВАЯ КОМЕДІЯ.

Великолѣпными балами и блистательными праздниками достигъ Надменинъ званія Предсѣдателя одного весьма важнаго судилища и, можетъ быть, остался бы на семъ мѣстѣ долгое время, ежели бы, получивъ его, прекратилъ сіи балы и праздники. Но онъ не переставалъ и теперь, какъ прежде, жить въ пышности и изобиліи, не смотря на то, что единственное богатство его состояло уже въ одномъ только безчисленномъ множествѣ недовольныхъ заимодавцевъ.

За однимъ изъ роскошныхъ его ужиновъ, зашла между прочимъ рѣчь о театрѣ вообще и въ особенности о новой Комедіи, объявленной на завтрешній день.

Мало по малу разговоръ сдѣлался общимъ. Никто изъ присутствовавшихъ, казалось, не ожидалъ отъ этой піэсы ничего хорошаго: всего болѣе не нравилось многимъ то, что Авторъ скрылъ свое имя.

Тутъ вмѣшался въ разговоръ Совѣтникъ Добровъ. Онъ замѣтилъ, что всякій сочинитель, выступая на поприще словесности и особенно драмматической, необходимо долженъ быть въ началѣ неизвѣстенъ, что *неизвѣстное* или даже *маловзвѣстное* имя для любителя театра столь же незначуще, какъ и *вовсе умолчанное*, и что, по его мнѣнію, о всякой театральной піэсѣ должно судить не прежде, какъ послѣ представленія оной.

Надмениnъ, явный врагъ Совѣтника, толкнулъ потихоньку своего сосѣда и бросилъ на Доброва быстрый взглядъ съ значительною улыбкою; ибо на сего послѣдняго было подозрѣніе, что онъ не только любитъ словесность и науки, но и самъ занимается сочиненіями, и даже приписывали ему нѣсколько драммъ, выданныхъ неизвѣстными сочинителями. Этаго мало. Предсѣдатель, который та-

кихъ вещей человѣку, находящемуся въ Государственной службѣ, никогда не прощалъ, прочитавъ за нѣсколько времяни предъ тѣмъ въ одномъ изъ публичныхъ листковъ стихи, которые, можетъ быть, и не безъ причины относилъ къ себѣ, полагалъ навѣрное, что они написаны Добровымъ.

Между тѣмъ разговоръ о новой Комедіи болѣе и болѣе разгорячалъ присутствующихъ, и какъ хозяиномъ превосходнаго стола былъ Надменинъ, а не Добровъ, большая часть изъ нихъ, послѣ немногихъ споровъ и разсужденій, согласилась въ томъ, что отъ вновь объявленной, безымянной піэсы не возможно ожидать ничего особеннаго.

Въ числѣ гостей находился молодой Секретарь Миловъ. Онъ сидѣлъ подлѣ Маріи, дочери Совѣтника, которую любилъ страстно, и — казалось былъ любимъ взаимно; но, не имѣя еще вѣрнаго куска хлѣба, и слѣдовательно не смѣя подумать о томъ, чтобъ предложить ей свою руку, долженъ былъ искать въ Предсѣдателѣ, отъ котораго зависѣла будущая субьда

его. Вовлеченный по неволѣ въ разговоръ о новой Комедіи, онъ совершенно не зналъ, что ему дѣлать, и къ которой сторонѣ пристать: на одной видѣлъ онъ отца своей любезной, на другой своего покровителя. Къ несчастію его почитали за человѣка, имѣющаго особенный вкусъ и обширныя познанія, а потому всѣ гости обратились къ нему, вызывая его сказать свое мнѣніе. Нѣсколько времяни отдѣлывался онъ однимъ пожиманіемъ плечь, и хотѣлъ такимъ же точно образомъ отвѣчать на сдѣланный ему вопросъ: не было ли бы справедливо, когда бы при настоящемъ наводненіи театра дурными піэсами, Авторамъ вовсе запрещено было скрывать свое имя? Но тогда Совѣтникъ взглянулъ на него съ явнымъ неудовольствіемъ и спросилъ; „и такъ, по вашему мнѣнію, человѣку съ талантами, связанному къ сожалѣнію разными непріятными свѣтскими отношеніями, театральное поприще должно быть совершенно закрыто, и дарованія его погребены безъ пользы для публики и свѣта?"

— Извините, мы этого не говоримъ,

возразилъ Ораторъ противной партіи; но для чего ему скрывать свое имя, когда онъ увѣренъ, что написалъ что нибудь хорошее?

„Такая увѣренность, отвѣчалъ Добровъ, конечно служитъ достаточнымъ вознагражденіемъ за несправедливое сужденіе публики, но—для одного *независимаго*. Иное дѣло сочинитель, который находится въ разныхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Кто замѣчалъ, отъ сколь многихъ обстоятельствъ зависитъ часто хорошій или худой пріемъ піэсы, тотъ конечно проститъ Автору, который иногда побоится отдать имя свое на жертву.“

Къ счастію Милова въ сію минуту встали изъ-за стола. Но если онъ на этотъ разъ и освободился отъ отвѣта, то все таки долженъ былъ сказать свое мнѣніе, когда Совѣтникъ, возвращаясь по одной дорогѣ съ нимъ домой, снова завелъ о томъ рѣчь. Тутъ Миловъ не былъ уже болѣе связанъ уваженіемъ къ мнѣнію Надменина, онъ могъ говорить чистосердечно, безъ всякаго принужденія,

и согласился съ Добровымъ, что театральному сочинителю въ настоящее время, и при нынѣшнихъ отношеніяхъ, не только должно быть позволено скрывать свое имя, — въ особенности же при первыхъ опытахъ,— но что, сверхъ того, онъ имѣетъ полное право на особенное снисхожденіе публики. Миловъ говорилъ о семъ предметѣ съ необыкновеннымъ жаромъ.

При поворотѣ одной улицы они разстались, будучи какъ нельзя довольнѣе другъ другомъ, ибо хотя Добровъ въ домѣ Предсѣдателя и ясно показалъ свою досаду на Милова, но ревность, съ какою теперь молодой человѣкъ говорилъ въ пользу безымянныхъ театральныхъ сочинителей и благородный образъ его сужденія, пріобрѣли сему послѣднему при прощаніи искреннее пожатіе руки отъ отца его любезной.

— Ну? — спросила Госпожа Доброва у своего мужа, когда онъ на другой день

вечеромъ возвратился изъ театра, — каково удалась новая Комедія? —

„Худо, какъ нельзя хуже!“ — отвѣчалъ онъ съ досадою — „и притомъ по многимъ отношеніямъ, Освистана была она, ужасно освистана, несмотря на то, что по моему мнѣнію у насъ давно уже не давали лучшей піэсы. Непонятно, какъ иногда люди имѣютъ такъ мало уваженія къ собственному своему удовольствію. Можно ли, чтобы Авторъ Комедіи, у котораго никто не въ состояніи оспорить отличныхъ дарованій, ежели онъ только имѣлъ несчастіе быть сегодня при представленіи, рѣшился еще разъ свою превосходную, отборную остроту, вынести на такую торговую площадь?“

„И — прибавилъ онъ съ крайнимъ огорченіемъ — одинъ изъ первѣйшихъ свистуновъ былъ Господинъ Миловъ.“

— Быть не можетъ! — возразила Марія. — Вы его знаете, батюшка! Онъ такъ скроменъ, что при подобныхъ случаяхъ обыкновенно воздерживается отъ всякаго изъявленія своихъ мыслей —

„Только сего дня былъ онъ не таковъ. Я слишкомъ ясно видѣлъ всѣ его тѣлодвиженія. Казалось, онъ съ намѣреніемъ такъ громко свисталъ, такъ сильно стучалъ тростью, и притомъ оборачивался на всѣ стороны, чтобъ всякой могъ это замѣтить. Правда, что его мѣсто было прямо противъ ложи Надменина. Да онъ и достигъ своей цѣли столь подлымъ образомъ вкрадываться въ благорасположеніе другихъ. Отъ Г. Надменина не скрылось усердіе, съ какимъ онъ старался уронить піэсу. Онъ самъ ожидалъ Милова при выходѣ. Цѣлую дорогу шли они вблизи меня, помирая со смѣху надъ бѣднымъ сочинителемъ. Миловъ превосходилъ даже въ семъ случаѣ самаго высокаго своего покровителя; остроты и насмѣшки лились у него рѣкою. Скажижъ теперь сама, любезная Маша, что надобно думать о такомъ двусмысленномъ человѣкѣ?"

— Любезнѣйшій батюшка! — возразила Марія. — Можно ли еще по тому съ достовѣрностію заключать о его характерѣ? Правда, я очень помню, сколько

убѣдительно говорилъ Миловъ вчера вечеромъ о снизхожденіи, которое должно имѣть къ драмматическимъ писателямъ, но можетъ быть въ самомъ дѣлѣ піэса имѣетъ въ себѣ что нибудь такое, что ему очень не понравилось? —

,,Нѣтъ, милая!" отвѣчалъ Добровъ. ,,Конечно, есть много хорошихъ комическихъ піэсъ, которыя отъ недостатка какаго то условнаго приличія, оскорбляютъ наши чувства весьма непріятнымъ образомъ; но о сегоднишней Комедіи этаго ни подъ какимъ видомъ сказать нельзя. Скорѣе недоставало въ ней тамъ и сямъ нужной забавности, остроты, нежели приличія; казалось даже, что сочинитель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ намѣреніемъ первыя принесъ на жертву послѣднему. Однимъ словомъ, я рѣшился мало по малу отстать отъ знакомства и всякаго обхожденія съ Миловымъ, и желалъ бы, чтобъ и вы въ этомъ случаѣ послѣдовали моему примѣру. Любезная Маша!" — продолжалъ онъ дружески, замѣтивъ быструю перемѣну краски въ лице ея — ,,имѣй ко мнѣ до-

вѣренность. Подумай, что мнѣ самому чрезвычайно больно огорчить твое сердце, и не называй того, что побуждаетъ меня къ этому поступку, своенравіемъ. Правда, что поводъ къ нему весьма маловаженъ, но какъ часто такая, нечаянными образомъ открывающаяся черта характера, показываетъ человѣка въ яснѣйшемъ свѣтѣ, нежели самыя долговремянныя наблюденія?

На губахъ Маріи готово было еще возраженіе, но приходъ двухъ хорошихъ пріятелей остановилъ ее. Они такъ же удивлялись паденію новой Комедіи и особенному участію, какое Миловъ принималъ въ намѣреніи уронить ее. Третій знакомый, пришедшій въ слѣдъ за ними оттуда же, увѣрялъ, что противъ піэсы былъ заговоръ и что онъ случайно открылъ главу онаго. Послѣ слабаго упорства онъ назвалъ Надменина, присовокупя, что побудительною причиною къ тому было, какъ ему точно извѣстно, ложное мнѣніе, будто Добровъ сочинитель Комедіи. Въ доказательство того, что онъ не ошибается, приводилъ

онъ многія, весьма убѣдительныя причины.

Два другіе пріятеля думали, что Миловъ также непремѣнно участвовалъ въ заговорѣ, и Добровъ тихимъ и нѣжнымъ пожатіемъ руки у своей жестоко огорченной дочери, далъ ей почувствовать, какое искреннее участіе принимаетъ онъ въ ея печали.

Марія наградила любовь его благодарнымъ взглядомъ и пошла въ свою комнату, чтобъ избавить себя отъ нестерпимаго мученія, излить горесть свою въ присутствіи многихъ свидѣтелей.

На другой день сколько разъ Миловъ ни приходилъ къ Доброву, не заставалъ никого изъ его семейства дома. Это тѣмъ страннѣе казалось ему, что онъ самъ нѣсколько разъ видѣлъ у окна Марію съ матерью, да и самаго Доброва проводилъ однажды, идучи за нимъ въ отдаленіи, до самаго дома.

Тщетно искалъ онъ причины столь обидному для него обхожденію. Ему и въ

мысль не приходило, чтобъ виною тому могло быть участіе его въ паденіи новой Комедіи. Не зная, что начать, онъ долго колебался между нѣжною любовію къ Маріи, и оскорбленнымъ самолюбіемъ. Наконецъ первая побѣдила. Онъ хотѣлъ, прежде нежели на что нибудь рѣшится, узнать истинную причину негодованія Доброва и его семейства. Это казалось ему удобнѣе всего сдѣлать чрезъ одного пріятеля, который очень хорошо былъ принятъ въ домѣ Совѣтника. Онъ пошелъ къ нему, чтобъ открыть свое недоумѣніе; но несчастіе, говоритъ пословица, не приходитъ одно: друга его не было дома; за день предъ тѣмъ онъ уѣхалъ по дѣламъ своимъ въ ближній городокъ и не прежде могъ возвратиться, какъ черезъ недѣлю.

Это еще невсе. Другое важнѣйшее произшествіе нанесло ему гораздо чувствительнѣйшій ударъ. Надъ Предсѣдателемъ, котораго особеннымъ покровительствомъ пользовался онъ съ того самаго дня, когда давалась несчастная Комедія, разразилась наконецъ долгое вре-

мя съ трудомъ отвращаемая буря. Потерявши все свое имѣніе, тѣснимый со всѣхъ сторонъ заимодавцами, онъ вынужденъ былъ прибѣгать, для удовлетворенія ихъ, къ разнымъ постыднымъ средствамъ. Это открылось; онъ былъ отрѣшенъ и преданъ суду.

Пусть представятъ себѣ положеніе Милова, когда онъ вмѣстѣ съ симъ извѣстіемъ узналъ и то, что исправленіе должности Предсѣдателя, до назначенія новаго, поручено было Монархомъ Совѣтнику Доброву; это было тѣмъ чувствительнѣе для него, что мѣсто, которое получить онъ надѣялся, не могло оставаться долго незанятымъ.

Онъ рѣшился писать къ Доброву. Въ полученномъ отвѣтѣ было сказано, что *по дѣламъ службы* Совѣтникъ готовъ принять его во всякое время.

Такое, по прежнимъ его отношеніямъ съ домомъ Доброва, оскорбительное ограниченіе еще болѣе огорчило его. Онъ рѣшился не покоряться ему и потребовать во всемъ объясненія. Съ

симъ намѣреніемъ отправился онъ немедленно къ Совѣтнику.

При самомъ входѣ въ домъ, новый ударъ поразилъ Милова чувствительнѣйшимъ образомъ. Входя на лѣстницу, встрѣтилъ онъ Марію съ ея матерью. Онѣ отплатили ему поклонъ его такъ сухо, что онъ остановился неподвижно и долго смотрѣлъ въ слѣдъ за ними.

Весь въ огнѣ вошелъ онъ въ пріемную Доброва. — Милостивый Государь! — началъ онъ — я бы въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ столь странное ваше со мною обхожденіе, ежели бы согласился на условіе, предложенное мнѣ въ вашей запискѣ. Прошу васъ выслушать меня, хотя *въ послѣдній разъ*. Вы позволили мнѣ притти сюда, чтобы переговорить о мѣстѣ, котораго я искалъ; но знайте, что я искалъ его съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы имѣть возможность просить у васъ руки вашей дочери, и презираю его, ежели надежда получить ее будетъ отнята у меня, безъ всякой вины съ моей стороны.

„Г. Миловъ!“ — отвѣчалъ Добровъ,

„охотно желалъ бы я говорить съ вами только о дѣлахъ службы, потому, что въ семъ случаѣ могу дать вамъ гораздо удовлетворительнѣйшій отвѣтъ, нежели въ какомъ либо другомъ. Безъ вины вашей, говорите вы, перемѣнилось къ вамъ разположеніе моего дома; а въ самомъ днѣ я буду въ большомъ затрудненіи, если мнѣ должно будетъ объявить вамъ причину сей перемѣны. Сердце мое потеряло довѣренность къ вашему: вотъ въ короткихъ словахъ все, что я вамъ сказать могу. Когда же вы помыслите, какъ сердца отца и дочери близки въ своихъ чувствованіяхъ быть должны, и въ моемъ домѣ, какъ вамъ не безызвѣстно, точно таковы; то, кажется, вамъ не нужно будетъ требовать отъ меня дальнѣйшихъ объясненій."

Миловъ не былъ съ тѣмъ согласенъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ знать причину внезапной холодности Совѣтника и его семейства. Оба спорили нѣсколько времяни между собою. Наконецъ Добровъ сказалъ:

„Такъ и быть! На страхъ показать-

ся вамъ смѣшнымъ, скажу, что поводомъ родившейся во мнѣ недовѣрчивости къ вамъ было не что иное, какъ несообразность вашего образа мыслей о послѣдней новой піэсѣ *наканунѣ* ея представленія, съ вашими поступками *во время* самаго представленія. Всему городу извѣстно, что Надменинъ, въ ложномъ мнѣніи, будто я сочинитель оной Комедіи, сдѣлалъ противъ нея заговоръ. Вспомните же теперь разговоръ нашъ за день передъ тѣмъ какъ она была дана, и ваше желаніе угодить Надменину стараніемъ уронить піэсу. Въ обоихъ случаяхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ и признаюсь, этаго довольно было, что бъ расположить меня противъ васъ невыгоднымъ образомъ, какъ то дѣйствительно и случилось. Впрочемъ ваше въ семъ случаѣ поведеніе не одному мнѣ показалось страннымъ. И тѣ охуждали оное, кому не могло быть извѣстно, какъ вы думали о томъ наканунѣ ввечеру."

— Если только это, а не что другое было причиною вашей холодности — сказалъ радостно Миловъ — то смѣю

думать, что недоразумѣніе между нами скоро прекратится. На сихъ же дняхъ надѣюсь неоспоримо доказать вамъ, что я не могъ быть участникомъ въ заговорѣ, и рѣшился свистать вмѣстѣ съ другими, потому только, что *на меня* было подозрѣніе, будто я сочинилъ уже нѣсколько драмматическихъ піэсъ; а извѣстное отвращеніе отъ писателей Надменина, на котораго возлагалъ я всѣ мои надежды въ разсужденіи полученія мѣста, заставило меня страшиться быть принятымъ за Автора этой Комедіи. „Простите меня, Г. Миловъ!“ — возразилъ Добровъ съ явнымъ негодованіемъ. Это оправданіе ни сколько не оправдываетъ васъ. И самый страхъ впасть въ такое подозрѣніе, по моему мнѣнію, не можетъ быть побудительною причиною къ соучастію въ столь очевидной несправедливости противъ сочинителя комедіи, исполненной весьма многихъ истинныхъ достоинствъ.“

— Даже и тогда, Г. Добровъ — прервалъ Миловъ — даже и тогда, когда я вамъ докажу, что *я самъ* сочинитель

этой Комедіи, и что единственно изъ любви къ вашей дочери помогалъ я освистывать мою собственную піэсу? —

Между тѣмъ, какъ Добровъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и не зналъ, что отвѣчать, Миловъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько писемъ театральной Дирекціи, которыя ясно доказывали истину его словъ.

Въ эту минуту Г-жа Доброва съ дочерью вышли въ комнату. Какъ изобразить ихъ изумленіе, когда они нашли Милова еще тутъ, и притомъ въ объятіяхъ Доброва!

„Ваше удивленіе — сказалъ сей послѣдній — вѣрно не можетъ превзойти моего.“

„Любезный другъ!“ продолжалъ онъ, обратясь къ Милову, „мѣсто, котораго вы искали, было уже вамъ назначено, и ваше признаніе не воспрепятствуетъ вамъ получить его. Паденіе піэсы есть обстоятельство слишкомъ обыкновенное для драмматическихъ писателей; но кто знаетъ, не первый ли вы сами помогали хоронить свое дѣтище?“

Тутъ подвелъ онъ къ нему дочь и, соединивъ ихъ руки, примолвилъ съ улыбкою: „простите ли вы мнѣ мое подозрѣніе, когда я вамъ присужу награду, для полученія которой вы въ тотъ вечеръ дѣйствовали съ такимъ необыкновеннымъ самоотверженіемъ?“

Съ Нѣмецк. К.

ОПЫТЪ РАЗБОРА РУСКИХЪ СИНОНИМЪ.

I.

Правда. Истина.

Оба слова означаютъ сходство, сообразность понятій нашихъ о предметѣ съ нимъ самимъ, описанія съ самымъ дѣломъ, разсказа съ мыслями. Но они такъ часто смѣшиваются между собою, такъ часто употребляются одно вмѣсто другаго, что весьма трудно показать существенное между ними различіе. Не выдавая мнѣнія своего за неоспоримое, я осмѣливаюсь предложить оное на судъ просвѣщенныхъ Литтераторовъ.

Кто говоритъ то, что мыслитъ и чувствуетъ, тотъ говоритъ *правду*. Кто

разсказываетъ о томъ, что точно и совершенно знаетъ, и что действительно таково, каковымъ онъ изображаетъ, тотъ сообщаетъ намъ *истину*. *Правда* относится обыкновенно къ рѣчамъ, къ описанію, къ выраженію; *истина* къ самой сущности дѣла. — *Я говорю истину, когда говорю не ложь; я говорю правду, когда не лгу* (*).

Посему *истинѣ* противополагается ложь, заблужденіе; *правдѣ* — неправда, вымыселъ.

(*) И *справедливость* служитъ иногда синонимою *истинѣ* и *правдѣ*, но это только иногда. Значеніе сего слова уже слишкомъ далеко и соединяетъ въ себѣ побочное понятіе о правдѣ. Такъ напр. *Сказать по правдѣ* значитъ сказать, какъ я думаю и чувствую; *сказать по истинѣ* есть сказать такъ, какъ дѣло въ самомъ дѣлѣ содержится; *сказать по справедливости* заключаетъ въ себѣ смыслъ: сказать по совѣсти и по всѣмъ правамъ. Мнѣніе мое о значеніи сего слова я буду имѣть честь предложить въ особомъ разсужденіи.

Читали ли вы Свифтово Путешествіе Гулливера? — Сколько тамъ полезныхъ истинъ, хотя нѣтъ ни одного слова правды! — Напротивъ того я представлю вамъ тысячу новѣйшихъ путешествій, въ которыхъ Авторы описываютъ все, что съ ними случилось, все, что они думали и чувствовали, и слѣдовательно говорятъ правду; но много ли найдемъ въ нихъ истинъ, которыя бы могли извлечь для себя?

Истина гораздо больше, важнѣе, значительнѣе, нежели *правда*. *Правдою* часто можно назвать уже и то, что имѣетъ наружность, видъ *истины*; *истиною* только то, что не подвержено никакому сомнѣнію. — *Хотя я и слышалъ это за правду, но слухъ этотъ требуетъ подтвержденія. Всякая наука должна быть основана на истинахъ.*

Правда есть то, что дѣйствительно такъ было; *истина* то, что иначе и быть не можетъ. *Правда* есть *истина* того мгновенія, въ которое мы о ней разсуждаемъ; *истина* есть совокупленіе *правдъ*, или то, что всегда, во всякомъ отношеніи и во всякомъ случаѣ *правда*.

По сему *правда* можетъ быть иногда опровергнута; *истина* никогда: иначе она не была *истина*.

Истина есть цѣль наша. *Правду* можно назвать средствомъ къ достиженію оной.

Въ подтвержденіе мнѣнія моего приведу нѣсколько примѣровъ. Я почерпнулъ ихъ изъ поучительной бесѣды одного старца съ дѣтьми своими, которой мнѣ нечаянно случилось быть свидѣтелемъ и которая подала мнѣ мысль написать сей разборъ. Сообщаю изъ нея нѣсколько отрывковъ.

„Истинное величіе, дѣти мои, познается съ теченіемъ времяни. Сколь многихъ знаменитыхъ людей величали въ ихъ вѣкъ, и величали не изъ лести, но думая говорить *правду*; однакожъ послѣдствіе открыло противное, время сняло завѣсу, покрывавшую тайныя пружины ихъ дѣяній и показало ихъ въ настоящемъ видѣ. Оно есть чистѣйшее зерцало *истины*, потомство — неложный судія дѣлъ нашихъ.

Говорить надобно всегда *правду* —

ложь унижаетъ человѣка; но *правду* не всегда надобно говорить — часто лучше и полезнѣе умолчать ее. — Напротивъ того никакихъ *истинъ* (я разумѣю общеполезныхъ, *или* лучше сказать полагаю, что другихъ и быть не можетъ) не должно *скрывать* — это показывало бы недоброжелательство; хотя впрочемъ не должно и *твердить* объ нихъ — это было бы педанство."

„Если однакоже не всякую *правду* хорошо говорить, то всякую хорошо слышать. *Истину* еще болѣе. Жаль только, что *истины*, которыя мы всего меньше любимъ *слышать*, суть весьма часто тѣ, которыя намъ всего нужнѣе *знать*."

„Многіе думаютъ, что они дѣлаютъ довольно, когда говорятъ *правду*, то есть свободно излагаютъ свои мысли и чувствованія; но можно *ли* сказать, чтобъ они въ тоже время говорили и *истину*? Какъ часто люди въ мысляхъ и чувствованіяхъ своихъ заблуждаются и слѣдовательно, говоря *правду*, говорятъ ложь!"

„Въ особенности предъ вельможами

мало говоришь *правду*, имъ надобно говоришь *истину*. Первая по большой части шолько оскорбляешъ ихъ, вшорая научаешъ; первая, какъ говоришъ пословица, колешъ глаза, вшорая просвѣщаешъ умъ. Пришомъ же чувствовашь и говоришь *правду* не мудрено, эшо можешъ всякой; посшигашь и умѣшь сообщашь *истину* гораздо шруднѣе. Первое дѣлаюшъ часшо изъ зависшливаго шщеславія, изъ намѣренія унизишь другихъ; вшорое всегда ошъ искренняго желанія добра. Мудрено ли послѣ шого, когда жалуюшся, что и лучшіе изъ вельможъ не любяшъ слышашь *правды?* Много ли и изъ невельможъ шакихъ, кошорые бы любили эшо? Но *истина* священна и пріяшна всякому благомыслящему человѣку.

„Однимъ словомъ, дѣши мои, сшарайшесь имѣшь всегда *истину* передъ глазами, *правду* на языкѣ и справедливосшь въ посшупкахъ, и вы будеше добрыми гражданами, исшинными сынами ошечесшва, и благополучнѣйшими людьми!“

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

2.

Общество. Сословіе.

Я разговаривалъ съ однимъ пріятелемъ объ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, котораго мы оба имѣемъ честь быть членами, и о сочиненіи, приготовляемомъ мною къ сегодняшнему собранію. Между прочимъ спросилъ онъ меня:

Ты занимаешься разборомъ синонимъ, и говоришь, что ни на нашемъ, ни на другомъ какомъ языкѣ нѣтъ ниже двухъ словъ, которыхъ бы значенія были совершенно одинаковы и которыя бы всегда и безъ малѣйшаго различія могли быть употребляемы одно вмѣсто другаго. Скажи жь ты мнѣ: какое различіе между словами: *общество и сословіе?*

Я. Весьма незамѣтное, но при всемъ томъ очень большое. Скажи мнѣ напередъ, что у нихъ общаго?

Онъ. Мнѣ кажется, они значатъ *собраніе нѣсколькихъ людей,* почти всегда *съ какою нибудь цѣлью,* и — больше ничего.

Я. Такъ! Но всегда ли одно изъ нихъ

можетъ замѣнить другое безъ различія? Напримѣръ, всегда ли *общество* можно поставить вмѣсто *сословія*?

Онъ. Кажется, что всегда: *Сословіе друзей просвѣщенія, Общество* друзей просвѣщенія; *дворянское сословіе, дворянское общество.* Я не вижу тутъ никакаго различія.

Я. Хорошо. Но всегда ли слово *общество* можетъ быть замѣнено словомъ *сословіе*?

Онъ. Да, думаю, что нѣтъ, Напримѣръ вмѣсто *Общества на балѣ* нельзя сказать *Сословіе на балѣ.*

Я. Конечно нѣтъ! И такъ ты видишь, что *во первыхъ*, смыслъ *Общества* гораздо обширнѣе, нежели смыслъ рѣченія: *Сословіе.* Но спрашиваю тебя: почемужъ нельзя сказать *сословіе на балѣ* вмѣсто *общество на балѣ*?

Онъ. Потому... потому, что такъ не говорится. Другой причины я не знаю.

Я. Такъ я тебѣ скажу ее. Потому что подъ *Обществомъ* разумѣется вообще собраніе людей, съ какою нибудь цѣлью

или даже безъ оной, но всегда безъ всякаго различія состояній; напротивъ того сословіе заключаетъ въ себѣ смыслъ собранія людей одного разряда. Потому-то говорится: *Общество любителей наукъ* и *Сословіе ученыхъ*; потому-то, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь отдѣльномъ классѣ людей, лучше употреблять слово: *Сословіе*, нежели *Общество*, напримѣръ: *Сословіе купечества, дворянства*, а не *Общество купечества, дворянства*; потому-то и нельзя сказать: *Сословіе на балѣ*, а надобно говорить *Общество на балѣ*.

Онъ. Ты правъ. Теперь я самъ вижу это.

Я. И такъ вотъ *второе* между ними различіе. Но пойдемъ далѣе. Не правда ли, что *сословіе* гораздо важнѣе, нежели *общество*, не такъ употребительно, какъ сіе, и принадлежитъ болѣе возвышенному слогу, между тѣмъ, какъ другое болѣе среднему слогу?

Онъ. Да! я самъ объ этомъ думалъ.

Я. Это *третіе* различіе. Теперь тебѣ *четвертое* и послѣднее. Мы прежде замѣтили, что смыслъ слова *общество*

обширнѣе, нежели *сословія.* И такъ ты конечно удивишься, когда скажу тебѣ, не смотря на то *Общество* можетъ иногда означать часть, но *сословіе* всегда *цѣлое.*

Онъ. Какимъ же это образомъ?

Я. Это лучше объяснить примѣромъ. Если я скажу тебѣ, что у меня сегодня вечеромъ соберется *общество здѣшнихъ купцовъ*, не правда ли, ты будешь разумѣть, что сегоднишнее мое общество будетъ состоять изъ купцовъ? — Но если я скажу: у меня соберется *сословіе здѣшнихъ купцовъ*, то не будетъ ли это значить, что я даю вечеръ для всѣхъ принадлежащихъ къ сему сословію безъ изъятія?

Онъ. Не спорю, и думаю, что ты правъ въ своихъ заключеніяхъ.

*

Я написалъ этотъ разговоръ почти точно такъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Предлагая содержаніе его на сужденіе моимъ почтеннымъ слушателямъ,

не скрываю, что буду весьма лестно обрадованъ, если и они подобно пріятелю моему изъявятъ свое съ мнѣніемъ моимъ согласіе.

К.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРЕЦІЯ.

Подражаніе Ардану (*)

Plectuntur Achiv. *Horat.*

Куда меня влечетъ воображенье?
Я чувствую въ душѣ восторгъ и умиленье!
Не на твоихъ ли я, о Илисъ берегахъ?
Не твой ли попираю прахъ,
Страна, любимая когда-то небесами
И населенная полу-богами?

(*) Арданъ (Ardant) написалъ свою Элегію еще 1812 года и заслужилъ первую награду отъ Тулузской Академіи Словесности (Académie des Jeux Floraux

Когда-то... но теперь безмолвна и хладна,
Невольнымъ ужасомъ мнѣ грудь тѣснитъ она!
Гдѣ рядъ Героевъ тѣхъ, которыхъ мощны длани,
Гроза враговъ на полѣ брани,
Святой свободѣ храмъ воздвигли въ сихъ мѣстахъ?
Отѣни славныя, услышьте гласъ мой слезный!
Взгляните: нынѣ Грекъ, потомокъ вашъ, въ цѣпяхъ!
Въ поносномъ рабствѣ вѣкъ влачитъ онъ безполезный!
И мать искуствъ, сія страна,
На жертву варварамъ, невѣждамъ отдана!
Взгляните, какъ она стенаетъ,
Согбенная подъ тяжестью оковъ;
Взгляните, какъ она слезами омываетъ
Гробницы доблестныхъ сыновъ!
И въ семъ обширномъ запустѣньѣ,
Отъ рабства впадшіе въ презрѣнье...
Возможноль?... Греки духомъ спятъ!
Периклов робкіе потомки
Холодными очами зрятъ
Краснорѣчивые отчизны ихъ обломки!
Для нихъ ничто великихъ предковъ рядъ,
Ни славныя въ вѣкахъ святилища познаній:
Въ нихъ скорби нѣтъ о томъ, и нѣтъ воспоминаній;
Мечи ихъ ржавѣютъ — лишь цѣпи ихъ звучатъ!

Увы, вся Грецiя — лишь памятникъ надгробный!
Она живетъ въ однихъ развалинахъ своихъ;
И странникъ, вкругъ себя бросая взоръ прискорбный,
Повсюду зритъ слѣды ея тиранновъ злыхъ.
Онъ видитъ мхомъ сѣдымъ обросшiя могилы,
Героевъ памятникъ — здѣсь были Ѳермопилы!
И Грекъ склонилъ хребетъ, на прахѣ сихъ мужей
Стеня подъ тяжкими ударами бичей!...
Проснитесь, грозные питомцы Славы!
Проснись, полу-боговъ безстрашный сонмъ!
Да воспылаетъ брань кругомъ
И вновь за родину текутъ ручьи кровавы!
Явись — и снова Грекъ въ знакомый слѣдъ пойдетъ!
Сдружась съ побѣдою и честью,
Въ свирѣпыхъ варваровъ свирѣпой грянетъ местью
И за моря ихъ проженетъ!
Увы, все глухо здѣсь на голосъ мой призывный,
И сонмъ полу-боговъ уже навѣки мертвъ!
Плутонъ въ сей мiръ своихъ не возвращаетъ жертвъ!
И здѣсь разносится лишь рабства стонъ унывный!
И въ часъ, когда языкъ благоговѣйный мой
Героевъ имяна велики повторяетъ, —

Здѣсь храмы древности безбожно разрушаетъ
Невѣжда дерзкою рукой!...

* * *

Услышано мое моленье!
Грекъ за свободу сталъ: въ тиранновъ сѣетъ страхъ!
И тѣни предковъ, въ восхищеньѣ,
Зрятъ духъ великій свой, ожившій въ ихъ сынахъ!
Разите — и во гнѣвѣ яромъ
Удары сыпьте за ударомъ!
Мужайтесь — мести грозный часъ!
Омойте кровью стыдъ свой прежній,
Мечемъ купите миръ надежный!...
Вы за свободу... Богъ за васъ!...

О. Сомовъ.

РОМАНСЪ

Изъ поэмы: Иснель и Аслега.

Въ краю чужомъ, Аслега, другъ мой милый,
Я съ грустію смотрѣлъ на локонъ твой!
Младой ли день блисталъ въ бронѣ златой
И разгонялъ въ поляхъ туманъ унылый,
Иль ночи мракъ Природу покрывалъ —
Власы твои я страстно цѣловалъ!

*

„Я сильный Царь и дочь моя прекрасна!"
Мнѣ говорилъ Владыка дальнихъ странъ:
„Милъ взоръ ея, прелестенъ стройный станъ,
Стрѣла мѣтка и арфа сладкогласна!
Тебя для ней супругомъ я избралъ."
Но я власы Аслеги цѣловалъ!

*

Я Ризму зрѣлъ: по шеѣ бѣлоснѣжной
Струился ленъ густыхъ ея кудрей;
Алѣе розъ цвѣли уста у ней
И на груди покровъ лежалъ небрежно;

Въ ея глазахъ огонь любви сверкалъ;
Но я власы Аслеги цѣловалъ!

Я сладко спалъ; подкравшись къ изголовью,
Красавица склонилась надо мной,
И шепчетъ мнѣ, какъ вѣтерокъ весной:
„Младой пришлецъ, къ тебѣ горю любовью;
Твой взоръ на вѣкъ меня очаровалъ!“
Но я власы Аслеги цѣловалъ!

А. Крыловъ.

МАЛЕНЬКАЯ ССОРА

(*Идиллія*)

Клеонъ.

Что значитъ, Сильвія, суровый этотъ взоръ?
Твой принужденный разговоръ,
И это явное ко мнѣ негодованье?
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Давноль — недѣли нѣтъ — ты съ радостной душой,
Съ восторгомъ слышала любви моей призманье;
Давноль въ смущеніи призналась мнѣ сама,
Что ты давно уже меня взаимно любишь?
Теперь же, — отгадать не приложу ума —
Не взглянешь ласково — не только приголубишь?

Сильвія.

Ты можешь спрашивать еще меня, Клеонъ?
Пусть эти слезы отвѣчаютъ!...
Все для меня прошло какъ сонъ!

Клеонъ.

О Сильвія, твои слова меня терзаютъ!
Будь откровеннѣй, не томи:
Отдай души покой, иль вовсе отними!

Сильвія.

Что сдѣлалъ ты вчера?

Клеонъ.

Вчера? — Не поминаю.

Сильвія.

Ты скажешь: *ничего* — я знаю.
Поцѣловать при мнѣ Тимепасову дочь!
Нѣтъ, прочь съ такой любовью, прочь!

Клеонъ.

Теперь я отдохнулъ: какъ ты смѣшно ревнива!
Я съ нею пошутилъ: она еще дитя.

Сильвія.

Она — ты справедливъ — совсѣмъ не то, что я:
Она не такъ скромна, тиха и молчалива;
Она меня милѣй,
Румянѣе, бѣлѣй;
Но я люблю тебя... любила!
Хотѣла я сказать.
Тутъ снова Сильвія глаза рукой закрыла

И тихо начала рыдать.
Напрасно онъ ее старался увѣрять
Со всею нѣжностью, какъ должно,
Что дѣвушкой въ тринадцать лѣтъ
Ему плѣняться не возможно —
Все тѣ же жалобы былъ Сильвіи отвѣтъ.
Но къ счастію пришла на эту пору Ниса —
Подруга Сильвіи — и объяснила ей,
Что ревности ея нѣтъ ничего смѣшнѣй:
Пастухъ съ пастушкою друзьями разошлися.

Какъ милы для меня всегда
Невинныя такія ссоры,
Любовницъ жалобы, любовниковъ укоры!
Пускай ихъ сердятся, пусть плачутъ — не бѣда:
Минута примиренья
Есть новый для любви источникъ наслажденья!

Панаевъ.

ФІАЛКА.

За чѣмъ такъ рано блекнешь
Ты, первенецъ весны,
Прекрасная Фіалка!
Мнѣ грустно за тебя!
О, какъ неправо небо!
За чѣмъ оно даритъ
Красавицу долины
Минутнымъ бытіемъ?
Жестокое!... „Какъ смѣешь
Ты небо обвинять?...
Его дары святые
Осыпали меня! —
На зовъ его привѣтный
Не я ли разцвѣла
И, гостья молодая
На праздникѣ весны,
Росла и красовалалась
Въ тѣни душистыхъ липъ? —
Не мнѣ ль сосѣдъ игривой
Серебряный ручей? —
Въ его кристальномъ токѣ
Видала я зарю,
Когда она, какъ роза,

Алѣла въ небесахъ...
И звѣзды золотыя
И свѣтлая луна
Съ любовью навѣщали
Меня въ моей тиши;
И я пила блаженство
Изъ солнечныхъ лучей!
Ахъ, я была вся радость,
Когда сходилъ ко мнѣ,
Какъ другъ, прохладной вечеръ
Съ небесною росой! —
Чего жъ еще мнѣ болѣ? —
Со мною все сбылось:
Жила, благоухала,
И жизни цѣль узнала,
И вотъ пришла пора
Проститься съ милой жизнью
И тихо опочить!... —
Пора — они ужъ гаснутъ
Златые лѣта дни...
Такъ что жъ? Шумите съ неба,
Осенніе дожди!
Дохни суровымъ хладомъ,
Свирѣпая зима!
Я знаю, въ томъ же небѣ
У Бога есть весна:
Она повѣетъ жизнью,
И я опять проснусь!"

Ѳ. Глинка.

КЪ ПОРТРЕТУ

Е. П. М.

И сердцемъ и умомъ она опередила
Медлительной чредой идущія лѣта:
Она въ пятнадцать лѣтъ шумъ свѣта разлюбила;
Съ ней подружилася безмолвная Мечта—
И клятву вѣрности ихъ ранняго союза
Хранитъ Жуковскаго задумчивая Муза.

Плетневъ.

СМѢСЬ.

О НѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУСТВАХЪ И МАНУФАКТУРАХЪ ВЪ 1820 ГОДУ.

Новый приборъ для разложенія органическихъ тѣлъ.

Г. Прутъ обнародовалъ приборъ, для производства химическаго разложенія органическихъ существъ посредствомъ черпаго окисла мѣди. Главную часть прибора составляетъ стеклянная трубка въ 10 дюймовъ длиною и отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{6}$ дюйма въ діаметрѣ. Въ нее кладется разлагаемое существо вмѣстѣ съ мѣднымъ окисломъ. Трубка сія нагрѣвается снизу посредствомъ Аргантовой лампы, въ коей горитъ винной спиртъ и которая чрезъ отвѣсъ, привязанный къ планкѣ, ее поддерживающей, можетъ быть по желанію поднята или опущена; верхній конецъ трубки ограничивается другою трубкою, раздѣленною на градусы, которая имѣетъ гораздо большій

діаметръ и наполняется ртутью, налитою въ пневматическую ванну. Г. Прутъ увѣряетъ, что сей приборъ способенъ къ наибольшей точности и при томъ удобнѣе всѣхъ дотолѣ извѣстныхъ для вышесказаннаго употребленія. (Annals of Philos. Vol. XV, p. 190).

Способъ очищенія древеснаго уксуса.

Г. Штотцъ де Галле открылъ способъ освобождать древесной уксусъ, или пригорѣлодревесную кислоту (acide pyroligneux) отъ всѣхъ его нечистотъ, обработывая оный сѣрною кислотою, марганцомъ и поваренною солью и потомъ подвергая его перегонкѣ. Онъ также утверждаетъ, что сія кислота очевидно показываетъ противу-гнилостныя качества, такъ что посредствомъ оной могъ онъ бальзамировать тѣла. Г. Рамзей дѣлалъ также опыты, которые равнымъ образомъ доказали тѣже качества пригорѣлодревесной кислоты. Сельди, треска, мясо, бывъ помочены ненадолго въ ономъ уксусѣ, найдены весьма хорошими для кушанья, и сохранялись послѣ того даже чрезъ долгое время. (Journal de Physique. Janvier 1821).

Новыя Реактивы.

1) Найдено удобное средство различать Баритъ отъ Стронціанной земли. — Сдѣлавъ

разтворъ испытуемой земли въ какой нибудь кислотѣ, напр. селитряной, соляной, или другой, образующей разтворяемую соль, прибавить къ оному разтвора сѣрнокислаго кали въ довольномъ количествѣ и все процѣдить; если, по прилитіи въ свѣтлую жидкость основнаго углекислаго кали, замѣтятся нѣкоторые слѣды осадка, то сіе покажетъ присутствіе Стронціанной земли, — если же оная жидкость не будетъ мутиться, то сіе показываетъ Баритъ. (Journ. de l'Instit. royale, vol. X, p 189).

2) Г. Эдмондъ Деви въ замѣчаніяхъ своихъ надъ нѣкоторыми составами платины, о коихъ онъ весьма довольно говорилъ, назначаетъ сѣрнокислую платину превосходнымъ реактивомъ для студени (Gelatina).

3) Г. Тадей говоритъ, что если смѣшать порошокъ Гваяка съ пшеничною мукою, то произойдетъ синій цвѣтъ, и что сего явленія совсѣмъ не бываетъ, если оная не содержитъ въ себѣ клейстернаго вещества (gluten), или когда бываетъ изпорчена, по чему Г. Тадей почитаетъ Гваяковый порошокъ средствомъ къ узнанію изпорченной муки. (Journ. de Physique & de Chimie de Brugnatelli).

Успѣхи по части Геологіи.

Геологическихъ сочиненій, какъ о цѣлой наукѣ вообще, такъ и о частяхъ оной, въ про-

долженіе прошедшаго года вышло чрезвычайно большое количество. Это доказываетъ, что сія часть естественныхъ наукъ есть одна изъ тѣхъ, къ которымъ умъ человѣческій стремится съ нѣкоторымъ пристрастіемъ. Однако изъ общихъ произведеній по сему предмету мы знаемъ только изданные Гг. Гренугъ, Обюиссонъ и Брейслакъ. Перваго изъ нихъ сильно критикуютъ въ Англіи; сочиненіе Г-на Обюиссона, кажется, имѣетъ большой успѣхъ не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, а въ Ирландіи его переводятъ на Нѣмецкій языкъ. Извлеченіе изъ сочиненія Г-на Брейслака находится въ Bibliothèque Universelle.

Мы остановимся нѣсколько при новой гипотезѣ, предложенной безымяннымъ Авторомъ, объ устроеніи (Structure) земли, въ Journal de l'Institution royale, томъ IX, стр. 82; полагаясь на опыты, недавно произведенные въ Англіи, и доказывающіе, какъ говорятъ, что вода гораздо болѣе упруга, нежели какъ о ней думаютъ, и также основываясь на всеобщихъ изслѣдованіяхъ законовъ жидкости, онъ мнитъ, что твердая оболочка, или кожа земнаго шара можетъ быть поддерживаема водою, въ которую оная погружена; и что неправильная и неровная поверхность твердой массы, выдается изъ воды,

между шѣмъ какъ осшальная часшь покрыша онbю. (Journal de Physique — Janvier 1821).

Краткая перечень Экономическихъ открытiй.

1) Г. Клеманъ дѣлалъ замѣчанiя о неудобствахъ освѣщенiя во Францiи газомъ, извлеченнымъ изъ каменнаго угля, или масла, пошому что шакой способъ казался ему шребующимъ гораздо болѣе издержекъ прошивъ обыкновеннаго освѣщенiя масломъ. Однако въ другихъ сшранахъ оный былъ выгоденъ и превосходсшво сего освѣщенiя ясно доказываешся (1). Въ Bibliothéque Universelle находишся замѣчанiе о выгодномъ способѣ, упошребляемомъ въ Лондонѣ для освѣщенiя газомъ, изъ масла получаемымъ.

2) Тамъ же подшверждаюшъ способносшь древеснаго уксуса къ сохраненiю живошныхъ вещесшвъ на довольно значишельное время.

(1) Извѣсшно, что у насъ въ С. Пешербургѣ съ пользою введено освѣщенiе газомъ, получаемымъ изъ масла и каменнаго угля, что можно видѣть здѣсь при Главномъ Шшабѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, шакже и въ нѣкоторыхъ окресшносшяхъ нашей Сшолицы, какъ шо на Пешергофской бумажной фабрикѣ и на Александровской Мануфакшурѣ.

3) Г. Кукъ увѣряетъ, что онъ употреблялъ съ большою пользою насыщенной растворъ поваренной соли для сохраненія анатомическихъ препарацій.

4) Г. Ритчи де Пертъ думаетъ, что можно измѣрять степень крѣпости спиртовъ или Алкоголическихъ жидкостей посредствомъ гигрометра, отмѣнно чувствительнаго, устроеннаго по способу Г. Лесли; но, кажется, оное требуетъ многихъ предосторожностей. —

5) Наконецъ замѣтимъ, что Г. Бовденъ получилъ золотую медаль отъ Поощрительнаго Общества въ Англіи (Société d'Encouragement d'Angleterre) за открытіе, имъ сдѣланное, что строевой лѣсъ можно сохранить и даже изцѣлить отъ мокрой гнили, погружая оный на долгое время въ морскую воду. Сію предосторожность приказано отъ Адмиралтейства наблюдать по всѣмъ Англійскимъ верфямъ. (Изъ прибавленій къ Journal de Physique — Janvier 1821).

Необыкновенная кропкость золота при мокромъ раздѣленіи.

При сказанномъ прежде новомъ способѣ отдѣленія золота отъ серебра, по предложенію Г. Власова (*), встрѣтилось на здѣшнемъ

(*) См. С. П. и Б. 1821 г. N XI, стран. 230.

монетномъ дворѣ слѣдующее неожиданное обстоятельство: оставшееся въ деревянныхъ чанахъ послѣ растворенія серебра золото въ видѣ темнобураго порошка, будучи обыкновеннымъ образомъ сплавлено въ одну массу, дало *кропкій металлъ*, чего прежде никогда не случалось. Сіе неблагопріятное обстоятельство Г. Вардеиномъ отвращено тѣмъ, что вскипятили оное золото съ нѣкоторымъ количествомъ крѣпкой *сѣрной кислоты*, и кропкость металла мгновенно изчезла. Кромѣ того золото вышло гораздо *высшей пробы* противъ обыкновеннаго.

Посторонній металлъ, остающійся послѣ раздѣленія въ золотѣ и придающій ему кропкость, былъ химически отдѣленъ и сплавленъ въ особенной королекъ, оказавшій болѣе свойства настоящаго *висмута*, который, вѣроятно, находясь въ рудахъ, изъ коихъ выплавляется оное золото вмѣстѣ съ серебромъ (въ Сибири), примѣшивается къ симъ металламъ при самой обработкѣ на заводахъ. Желательно бы испытать руды *Колыванскія* и *Нерчинскія*, содержатъ ли онѣ въ себѣ висмутъ, или сурьму?

В. Любарскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Профессоръ *Пиктетъ* чрезъ воззваніе, представленное имъ первоначально въ Швейцарское Общество Естествоиспытателей, и оттуда распространившееся повсюду, открылъ подписку для собранія потребныхъ издержекъ на построеніе соотвѣтственнѣйшаго цѣли своей зданія для *гостинницы на горѣ большомъ Сенъ-Бернардѣ*. Деньги собираютъ Банкиры *де Кандоль* и *Турретини* въ Женевѣ и въ употребленіи дань будетъ публичный отчетъ. Теперь приготовляются планы необходимыхъ улучшеній гостинницы. А какъ въ семъ человѣколюбивомъ заведеніи не только находятъ пріютъ, отдохновеніе и все нужное путешественники всѣхъ земель и всякаго состоянія и вѣроисповѣданія, но многіе изъ нихъ обязаны ему и спасеніемъ своей жизни; то Г. *Пиктетъ* справедливо надѣется, что въ сей подпискѣ примутъ участіе жители всѣхъ Европейскихъ народовъ. И въ самомъ дѣлѣ, еще до открытія оной, первыя поступившія для сей цѣли приношенія, присланы были изъ Россіи.

Leterary-Gazette содержитъ въ себѣ оттискъ печати Королевы Маріи Стуартъ. На ней изображенъ Королевскій гербъ Англіи и Шотландіи, съ короною и буквами M. R. по сторонамъ. Эта мысль несчастной Маріи Стуартъ, изобразить на печати своей Королевскій гербъ, крайне оскорбила Королеву Елисавету и была одною изъ причинъ столь сильной ея ненависти. — Камень, на которомъ вырѣзана печать, есть четыреугольный Діамантъ, величиною въ серебряной пфеннингъ (около нашего пятачка), цѣною отъ 200 до 250 ф. ст. Онъ вдѣланъ въ простое золотое кольцо, по тогдашнему обыкновенію носить печати, и весьма замѣчателенъ по красотѣ и тонкости рѣзьбы. Не смотря на быстрые успѣхи рѣзьбы на камнѣ въ Англіи, знатоки сомнѣваются, чтобъ теперь тамъ кто нибудь въ состояніи былъ сдѣлать подобную работу. По всей вѣроятности это произведеніе Италіанскаго искуства. — Въ неподложности сей печати нельзя сомнѣваться. Стоитъ только взглянуть на нее, чтобы удостовѣриться, что столь высокой цѣны работа могла быть совершена только по заказу несчастной Королевы. За нѣсколько минутъ до смерти отдала она ее одному служителю своему, чтобъ отнести ее къ сыну ея Іакову. Отъ Іакова досталась она въ наслѣдство Карлу I, кото-

рый на эшафотѣ отдалъ Епископу Juron. Іаковъ II, которому принадлежала она въ послѣдствіи, по отреченіи отъ престола, находясь въ худыхъ обстоятельствахъ, принужденъ былъ заложить ее въ Голландіи Генералу Фельпсу за 300 ф. ст. По смерти сего послѣдняго она была продана и снова досталась фамиліи Стуартовъ. Послѣ смерти послѣдней отрасли ихъ Кардинала Іорка она снова возвратилась въ Англію и принадлежитъ теперь одному богатому частному человѣку.

*

Въ одномъ Нѣмецкомъ Журналѣ помѣщена слѣдующая статья: Ученая Европа обязана величайшею благодарностію Графу Румянцову, Канцлеру Россійской Имперіи, который на своемъ иждивеніи посылалъ вокругъ свѣта корабль Рюрикъ для ученыхъ открытій. Теперь безпрестанно появляются плоды сего удачно совершившагося гигантскаго предпріятія. Живописецъ *Хорисъ* находился на семъ караблѣ между учеными и художниками. Онъ срисовалъ во время своего, нѣсколько лѣтъ продолжавшагося, путешествія, великое множество видовъ, портретовъ и другихъ предметовъ, которые издаетъ нынѣ въ Парижѣ выгравированные на камнѣ. Оттиски разкрашиваются по его рисункамъ. Легко замѣтить, что сіи предъ глазами художника разкатен-

ные листки дают лучшее понятіе о разных земляхъ, ихъ обитателяхъ, и пр., нежели самыя подробнѣйшія описанія, и въ семъ отношеніи трудъ Г. Хориса заслуживаетъ особенное вниманіе. При семъ случаѣ художникъ оказалъ рѣдкую скромность, которая, будучи похвальна во всякомъ другомъ случаѣ, здѣсь едва не обратилась ему во вредъ. Не довѣряя собственному своему искуству въ литографіи, онъ вздумалъ было отдавать рисунки свои литографировать разнымъ Французскимъ художникамъ, отъ чего въ первыхъ шести тетрадяхъ находятся только немногіе листы его работы; но къ счастію онъ скоро замѣтилъ, какую ошибку сдѣлалъ и рѣшился остальные рисунки литографировать самъ. Отъ сего послѣднія тетради гораздо лучше и вѣрнѣе, нежели первыя, изъ которыхъ онъ также хочетъ нѣкоторые листы передѣлать. — Издаваемый съ рисунками текстъ содержитъ сдѣланныя художникомъ замѣчанія, служащія къ объясненію фигуръ. Г. Кювье и Гаиль присовокупляютъ къ тому свои разсужденія, каждый по своей части. Такъ въ одной изъ первыхъ тетрадей находятся замѣчанія Г. Кювье о водящихся въ Новой Калифорніи медвѣдяхъ особаго рода. — Всего будетъ издано отъ 12 до 15 тетрадей.

Чтобъ сдѣлать сталь болѣе ковкою, въ Англіи прибавляютъ теперь къ ней $\frac{1}{500}$ серебра. — Равнымъ образомъ для улучшенія лезвея и остріа инструментовъ примѣшиваютъ въ сталь $\frac{1}{100}$ платины. — Сверхъ того чрезъ примѣсь по равнымъ частямъ стали и платины приготовляютъ хотя очень дорогія, но превосходныя зеркала, которыя принимаютъ чрезвычайную полировку. На такихъ зеркалахъ никогда не бываетъ пятенъ.

*

Кромѣ Аббата Маіо въ Римѣ, нашедшаго столь многія вовсе или по частямъ потерянныя Римскія и Греческія творенія, и надѣящагося найдти ихъ еще болѣе, выступилъ теперь на сцену другой счастливый Археологъ, и имянно Библіотекарь Армянской Конгрегаціи св. Лазаря, І. Б. Аухеръ. Онъ обѣщаетъ сообщить публикѣ разныя творенія извѣстнаго Греческаго Еврея Фило, сохранившіяся въ Армянскомъ переводѣ пятаго вѣка. Манускриптъ принадлежитъ тринадцатому столѣтію и былъ нѣкогда собственностію Армянскаго Короля Гайтона II. Вотъ названія сочиненій: Два разговора о Провидѣніи, разговоръ о душѣ животныхъ, замѣчанія на нѣкоторыя книги Моисеевы, двѣ проповѣди о Самсонѣ и Іонѣ, еще разговоръ о трехъ Ан-

телахъ, явившихся Аврааму. — Открытія Г. Аухера, кажется, обогащаютъ болѣе Теологію, а открытія Г. Маіо Филологію.

Изъ Вѣны пишутъ, что первый тамошній каменосѣчецъ Г. Кислингъ, занятъ теперь отработкою колоссальнаго памятника въ честь Австрійскаго Императора — памятника, которому по величинѣ его нѣтъ въ Европѣ подобнаго. Онъ дѣлается по заказу Графа . . . и будетъ состоять изъ колоссальнаго бюста Императора Франца. Величина головы отъ подбородка до верхушки черепа простирается до 19 Рейнскихъ футовъ. Голова будетъ изъ бѣлаго, грудь изъ сѣраго Австрійскаго мрамора. Бюстъ поставится на подножіи въ 48 футовъ вышиною, изъ краснаго гранита. Всѣ матеріалы, какъ мраморъ, такъ и гранитъ выламываются въ помѣстьяхъ Графа . . . Мѣсто для сего исполинскаго монумента назначено на одной во владѣніяхъ Графа лежащей горѣ, у подошвы которой сходится нѣсколько дорогъ. Художникъ приготовилъ модель памятника и при томъ *такой же величины*.

Другой колоссальный памятникъ, изъ бронзовой статуи въ 18 футовъ вышиною,

представляющей нагаго воина, поставится въ скоромъ времяни въ Лондонѣ въ Сен-Джемскомъ Паркѣ, противъ гвардейской караульни. Онъ воздвигается Лондонскими дамами въ память побѣдъ, одержанныхъ Британскими арміями въ Испаніи. Статуя вылита изъ полученныхъ тамъ въ добычу пушекъ и есть копія Гладіатора, находящагося въ Римѣ на Monte Cavollo. Говорятъ, что она удалась превосходно и вѣситъ около 6600 фунтовъ. Поставится она на гранитномъ пьедесталѣ съ надписями, вышиною въ 12 футовъ.

*

Нѣкто Г. Гринъ въ Александріи въ Америкѣ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой въ часъ можно разламывать отъ 3 до 4 миль льду, толщиною въ шесть дюймовъ. Важное изобрѣтеніе для кораблей, которые замерзаютъ у сѣверныхъ береговъ.

*

Изъ Манчестера пишутъ, что одинъ фабрикантъ въ Ардвикѣ изобрѣлъ паровую повозку, которая безъ помощи лошадей можетъ ѣздить нагору и подъ гору и дѣлаетъ отъ 9 до 10 миль въ часъ. На ней можно перевозить какъ людей, такъ и товары.

К.

ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА.

I.

На основаніи §§ 99 и 100 первой части ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Устава, Общество имѣло въ 30 день Декабря 1821 года полугодичное собраніе свое.

По прибытіи ГГ. Членовъ, Г. Предсѣдатель Ѳ. Н. Глинка открылъ засѣданіе объявленіемъ причины онаго, а Г. Секретарь Общества А. А. Никитинъ представилъ собранію подробный отчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ сего Сословія по ученой и разпорядительной части, объ оборотѣ денежнаго капитала, пожертвованіяхъ и оказанныхъ Обществомъ пособіяхъ, въ теченіе второй половины 1821 года.

Послѣ сего, во исполненіе §§ 44 и 45 тойже части Устава, избраны по балотированію на 1 половину 1822 года:

Предсѣдателемъ Ѳ. Н. Глинка.

Помощникомъ Предсѣдателя Н. И. Гнѣдичь.

Цензоромъ Прозы А. Д. Боровковъ.

Цензоромъ Поэзіи В. И. Панаевъ.

Цензоромъ Библіографіи Д. М. Княжевичь.

Секретаремъ Общества А. А. Никитинъ.

Секретаремъ Цензуры и Комитета П. А. Плетневъ.

Библіотекаремъ И. К. Аничковъ.

Казначеемъ И. Д. Боровковъ.

Исполнителемъ О. М. Сомовъ.

Члена и Цензурнаго Комитета: Н. А. Бестужевъ, М. Е. Лобановъ и Ѳ. В. Булгаринъ.

II.

Члены - Сотрудники К. Ѳ. Рылѣевъ и Н. М. Коншинъ, особенными трудами и усердіемъ обратившіе на себя вниманіе Общества, на основаніи §§ 26 и 31 переименованы въ Дѣйствительные Члены.

III.

Общество, уважая отличныя познанія въ Наукахъ и Отечественной Словесности Его Высокопреосвященства, Митрополита Римско-Католическихъ церквей въ Россіи и Кавалера Станислава Сестренцевича — Богуша, Его Сіятельства Генерала отъ Инфантеріи и Кавалера Графа Петра Петровича Коновницына, Ихъ Превосходительствъ: Генераловъ

Маіора и Кавалера Алексѣя Васильевича Иловайскаго; Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ и Кавалеровъ — Графа Владиміра Ѳедоровича Васильева, Ѳедора Петровича Лубановскаго, Петра Андреевича Нилова, Ѳедора Петровича Львова и В. И. Голынскаго; Статскаго Совѣтника и Кавалера Николая Петровича Брусилова; Флигель-Адъютанта Полковника и Кавалера Александра Ивановича Данилевскаго; Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Ивановича Языкова; и Флота Капитанъ-Лейтенанта Василья Николаевича Берха, на основаніи § 33 Устава, избрало ихъ въ свои *Почетные Члены*.

За представленныя сочиненія и переводы избраны:

По существу § 26, *въ Дѣйствительные Члены*: служащій въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Осипъ Ивановичъ Сеньковскій, Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, Титулярный Совѣтникъ и Кавалеръ Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ и Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Поручикъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.

Сообразно съ § 35, *въ Члены Сотрудники*: Титулярный Совѣтникъ Амплій Николаевичъ Очкинъ.

Слѣдуя законоположеніямъ Общества ГГ. вновь избранные Дѣйствительные Члены

и Членъ-Сотрудникъ, прибывъ въ собраніе 30 Декабря, выслушали уставъ и, по установленной формѣ, скрѣпили подписью желаніе свое присоединиться къ Обществу и подтвердили тѣмъ согласіе не отступать отъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ законовъ, которыми руководствуется сіе Сословіе; а Г. Предсѣдатель Ѳ. Н. Глинка произнесъ при семъ случаѣ краткую рѣчь слѣдующаго содержанія.

МM. ГГ!

„Я не стану предлагать вамъ исторіи Общества, которое, съ любовью и уваженіемъ, принимаетъ васъ нынѣ въ число сочленовъ своихъ. — Заглянувъ въ лѣтописи наши (я разумѣю журналы засѣданій нашихъ), вы узнаете эту краткую исторію ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности. — Не стану распространяться также и о *цѣли* нашей: о ней скажетъ вамъ все—одно *заглавіе* Журнала, Обществомъ издаваемаго. — Но я считаю приличнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, почему Общество поставило себѣ имянно цѣлію соревновать просвѣщенію и благотворенію.

МM. ГГ! Вамъ, конечно, извѣстна уже доказанная истина, что человѣкъ тогда только живетъ полною, ему приличною, жизнію, когда удовлетворяетъ благороднѣйшимъ потребностямъ существа своего. Но „*человѣкъ двойственъ*" — сказалъ Бюфонъ и подтверж-

даетъ опытъ. — *И такъ*, кто ограничивается однимъ только попеченіемъ о нуждахъ житейскихъ, однимъ услажденіемъ чувствъ, одною заботою угождать прихотливому произволу грубѣйшей половины своей, тотъ вполовину только проявляетъ свое земное бытіе — и, при всѣхъ успѣхахъ, только скудную долю вынимаетъ изъ богатой сокровищницы жизни. —

Кто живетъ, говорю, однимъ рабольпнымъ угожденіемъ нуждамъ и страстямъ, тотъ не постигаетъ высокаго сана человѣка и, теряя свою разумную цѣнность, добровольно ссылаетъ себя съ высшей череды существъ благороднѣйшихъ въ ничтожное бытіе тварей, отличающихся отъ бездушныхъ однимъ только тусклымъ признакомъ жизни. Не о нихъ ли говоритъ *Саллюстій*: „съ челомъ, поникшимъ къ землѣ, они пресмыкаются, угождая только чреву.“ — Такъ, ММ. ГГ., есть бытіе благороднѣйшее, есть наслажденія чистѣйшія! — Ихъ не понимаютъ души обыкновенныя; ими живутъ души возвышенныя. „Я не возьму многихъ владѣній за одно благородное чувство“ сказалъ восторженный Астрономъ Кеплеръ. — Вы уже догадываетесь, что я говорю о наслажденіяхъ разума и сердца. — Первый жаждетъ свѣта; другое, если облагорожено, живетъ умили-

тельнымъ чувствомъ добра! И вотъ начала, на которыхъ основалось наше Общество, соревнующее и просвѣщенію и благотворительности! — Люди, занятые обязанностями службы, озабоченные суетами жизни, стараются улучить свободную минуту, чтобъ поспѣшить сюда по одному зову ума и сердца. Не рѣдко обоимъ предлагаютъ здѣсь трапезу обильную! — Здѣсь, какъ современемъ сами увидите, бываетъ чтеніе статей, которое, возбуждая любопытство, ласкаетъ воображеніе и назидаетъ умъ.

Изысканія древностей, открытія новѣйшія, разсужденія, нерѣдко глубокія, по части наукъ, и повѣствованія, всегда любопытныя, о странахъ дальнихъ, о народахъ маловѣдомыхъ: вотъ, что занимаетъ здѣсь *умъ!* — Часто (въ одно и тоже засѣданіе) воображеніе переносится отъ далекихъ краевъ уединеннаго Сѣвера на веселые берега Бразиліи — и картины величественныя престарѣлой природы смѣняются живою картиною еще юной гражданственности. ММ. ГГ, мы ласкаемъ себя утѣшительною надеждою, что, можетъ быть скоро, одинъ изъ почтенныхъ сочленовъ нашихъ разскажетъ намъ, а мы, нескромные, — мы перескажемъ читателямъ нашимъ о томъ, что можетъ въ наше время увидѣть просвѣщенный уроженецъ запад-

мой Европы въ классическихъ предѣлахъ отдаленнаго востока. *Богатый* свѣденіями восточныхъ языковъ, онъ сообщитъ намъ ясно неясныя преданія народовъ о таинственной колыбели Нила, сего исполина рѣкъ, благодѣтеля земли, имъ поглощаемой и плодотворимой; онъ разскажетъ намъ о великолѣпномъ его теченіи отъ песчаныхъ пустынь Эѳіопіи до крайняго предѣла древней Дельты. — *Благородный*, онъ скажетъ, что чувствовала душа его въ странахъ древней Ѳиваиды, когда онъ глядѣлъ на молчаливыя развалины стовратаго града; — на *пирамиды*, пережившія вѣки опустошеній и на обломки знаменитыхъ памятниковъ, къ несчастію, неуцѣлевшихъ до вѣка приличнаго къ нимъ уваженія. И наконецъ, *чувствительный*, онъ не скроетъ отъ насъ великихъ впечатлѣній, произведенныхъ въ душѣ его странами запустѣлыми, которыя старѣе самой исторіи и памяти древнѣйшихъ родовъ, странами, неизъяснимо любопытными, но о которыхъ никто ничего сказать не можетъ, развѣ *свѣтилы* небесныя, уныло сіяющія пустынямъ, на которыхъ, по времянамъ, печально шумитъ песчаная буря и гдѣ, нѣкогда, весело шумѣлъ великолѣпный пиръ жизни, на которомъ гостили люди давно изтлѣвшихъ поколѣній . . .

Но между тѣмъ, какъ *умъ* нашъ пожи-

наетъ новыя свѣденія, какъ очарованное воображеніе забавляетъ душу—печальную плѣнницу отношеній земныхъ, — наше *сердце* требуетъ также пищи, или, что все равно, дѣятельности. — „Вспомните о бѣдныхъ!" говоритъ намъ *безмолвная Лира* (*), о бѣдныхъ, которые также предлагали нѣкогда роскошную трапезу уму и которые теперь едва имѣютъ кусокъ, омоченнаго слезами, хлѣба для насыщенія печальной семьи . . . Это свѣтильники, которые, свѣтя усердно для другихъ, изтаяли сами! . . . „Жить значитъ дѣлать добро" сказалъ Пелиссонъ. Вспомнитежъ о бѣдныхъ! повторяетъ *сердце* — и какъ сладостно повиноваться сердцу и какъ умилительно для души чувство добра! . . . Вотъ, М. Г, нѣсколько словъ о томъ, какое участіе принимаютъ и какія выгоды находятъ умъ и сердце въ Обществѣ, имѣющемъ цѣлію *Просвѣщеніе* и *Благотворительность*!— Въ семъ Обществѣ, которое уже 7-е лѣто осчастливлено благодѣтельнымъ покровомъ Государя Всемилостивѣйшаго, въ семъ Обще-

(*) Въ видѣ *Лиры*, на которой написано: *Вспомните о бѣдныхъ!*" Общество имѣетъ *кружку*, въ которую, по окончаніи засѣданія, всякой членъ, по собственному произволу, кладетъ *что нибудь* для бѣдныхъ, получающихъ пенсіонъ и вспомоществованіе отъ Общества.

ствѣ, наши новые сочлены, найдете вы людей, которымъ дарованіе подарило славу, и которымъ слава обѣщаетъ въ потомствѣ бытіе вожделѣнное. Отзывъ современниковъ и собственное ваше чувство укажутъ вамъ имяна сихъ *нѣкоторыхъ* на *общемъ спискѣ* нашемъ. Имя знаменитаго пѣвца *Освободителя Сибири* конечно остановитъ вниманіе ваше... Но, чтобъ означить *одного изъ присутствующихъ* въ семъ засѣданіи, обращаюсь къ занимающему въ обществѣ нашемъ значительнѣйшее мѣсто и указываю вамъ на того, кто воспѣлъ рожденіе безсмертнаго Омера и кто передаетъ намъ высокія пѣсни его ... Въ семъ же Обществѣ, увѣряю васъ, найдете вы людей, возлюбившихъ пути добра и свѣта, соединенныхъ пріязнію искреннею; людей, уважающихъ таланты и любящихъ науки, безъ всякихъ личныхъ выгодъ, безъ всякихъ постороннихъ разчетовъ, по одному лишь свѣжему, благородному чувству красоты и изящности...

Въ первомъ случаѣ я говорилъ вамъ только о *нѣкоторыхъ*, въ семъ послѣднемъ отношеніи смѣло могу указать вамъ — на *всѣхъ*.— ... Такъ, всѣхъ связуетъ здѣсь святая цѣпь пріязни, основанной на истинномъ уваженіи, и всѣмъ и каждому, конечно, пріятно повторять съ сердечнымъ чувствомъ: „да не раз-

торгнется цѣпь сія надолго!" — Если и вы ММ. ГГ, желаете возвысить достоинство круга нашего присоединеніемъ вашимъ, то скрѣпите желаніе подписью и доставьте намъ радостную возможность поздравить себя съ пріобрѣтеніемъ такихъ почтенныхъ сочленовъ, которые, конечно, заплатятъ намъ за любовь любовью и вниманіемъ за вниманіе."

IV.

Во исполненіе § 22 второй части Устава, Общество долгомъ считаетъ извѣстить почтенныхъ читателей *Соревнователя* о поступившихъ въ концѣ 1821 года суммахъ, причисленныхъ къ кассѣ, на благотвореніе опредѣленной:

а) Въ пособіе семейству покойнаго Дѣйствительнаго Члена С. П. Власова:

Отъ ГГ. Почетныхъ Членовъ.

Его Высокопревосходительства М. М. Сперанскаго - - - -	100 р.
Н. Ѳ. Остолопова - - - -	10 —
К. В. Россинскаго - - - -	5 —

Отъ ГГ. Дѣйствителвныхъ Членовъ.

Графа Д. И. Хвостова - - -	25 —
А. А. Никитина - - - -	25 —
Н. И. Гнѣдича - - - - -	10 —
П. И. Кеппена - - - - -	10 —

Ѳ. В. Булгарина - - - -	10 р.
И. К. Аничкова - - - - -	10 —
В. И. Панаева - - - - -	10 —
Н. И. Кутузова - - - - -	10 —
Д. С. Меньшенина - - - -	10 —
Д. М. Княжевича - - - -	10 —
П. Д. Боровкова - - - -	10 —
Ал. К. Дурова - - - - -	10 —
М. Е. Лобанова - - - - -	5 —
П. Н. Лобойко - - - - -	5 —
Н. А. Бестужева - - - -	5 —

Отъ Членовъ Сотрудниковъ:

П. Н. Арапова - - - - -	10 —
Я. Г. Ковалева - - - - -	10 —
К. А. Эттера - - - - -	5 —
К. Ѳ. Рылѣева - - - - -	5 —
Отъ Благотворительнаго Общества Л. И. М. - - - - - - -	210 —
—— Коммиссіонера Общества И. В. Слёнина - - - - - -	25 —
—— Учителя Черноморской Гимназіи Г. Кирдановскаго - - - -	5 —
—— Г. Регимановскаго - - - -	10 —
—— Г. Кудинова - - - -	5 —
—— Купца И. Смирнова - - -	10 —
—— Мѣщанина Клепикова - -	5 —
Итого - -	580 р.

Примѣч. Какъ скоро изъ добровольныхъ приношеній составится 1000 руб., тогда деньги сіи внесены будутъ Обществомъ въ Сохранную Казну Опекунскаго Совѣта и билетъ доставится вдовѣ покойнаго Власова.

b) Въ единовремянное пособіе Пансіонеру Общества Г. Аникину поступило:

отъ ГГ. Членовъ Общества:

Д. М. Княжевича	-	-	-	-	10 р.
Н. И. Кутузова	-	-	-	-	5 —
Ѳ. В. Булгарина	-	-	-	-	5 —
Н. И. Греча	-	-	-	-	5 —
Н. А. Бестужева	-	-	-	-	5 —
И. Н. Лобойкова	-	-	-	-	5 —
А. Е. Измайлова	-	-	-	-	5 —
И. К. Аничкова	-	-	-	-	4 —
А. А. Никитина	-	-	-	-	11 —
				Итого - -	55 р.

Высыпано изъ находящейся въ Обществѣ *кружки для бѣдныхъ* - - 63 р.

Всего - - - - - - - 698 —

V.

Выдано единовремянное пособіе пансіонеру Общества Г. Аникину - - - 55 р.

VI.

На основаніи § 23 второй части Устава, Общество представляетъ отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по благотворенію за 1821 годъ.

ОТЧЕТЪ.

Осталось отъ 1820 года - - 1252 р. 60 к.

Поступило въ 1821 году:

Отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ - - - - - 100 р.
Отъ Членовъ Общества - - - 1375 —
—— Разныхъ мѣстъ и особъ - - 765 —
—— Благотворительнаго Общества Л. И. М. - - - - - - 210 —
—— Неизвѣстнаго, чрезъ Д. Дѣйствительнаго Члена В. И. Панаева - 25 —
Изъ находящейся въ Обществѣ *кружки для бѣдныхъ* высыпано - 134 р. 60 к.
Итого, за исключеніемъ 250 рублей, заимствованныхъ изъ суммы по Просвѣщенію, въ приходѣ - 3862 р. 20 к.

Изъ сей суммы употреблено въ теченіе 1821 года,

а) На постоянныя благотворенія.

Внесено:

1) Въ Горный Кадетскій Корпусъ за питомца Общества Шарапова на 1821 годъ - - - - - 700 р.

2) Въ Покровское Приходское Училище за сына Мѣщанина Павлова, Егора на тотъ же годъ - - 5 р.

Выдано:

Пансіонерамъ Общества:

3) Живописцу, отставному Прапорщику Г. Новоселову, удрученному лѣтами и обремененному семействомъ - - - - - 300 —

4) Бывшему учителемъ въ Пажескомъ Корпусѣ, отставному Титулярному Совѣтнику Г. Аникину, лишенному зрѣнія и обремененному семействомъ - - - - 300 —

5) Бывшему учителемъ въ школѣ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ фарфоровомъ заводѣ Г. Захарову, удрученному лѣтами - - - 180 —

6) Бывшему учителемъ въ Горномъ Корпусѣ Коллежскому Совѣтнику И. А. Ск . . . ву, лишенному зрѣнія, обремененному семействомъ 300 —

7) Вдовѣ бывшаго учителя въ Иркутской и Нижегородской Губернскихъ гимназіяхъ, Г-жѣ Ненашевской - - - - - - 75 —

8) Вдовѣ покойнаго Дѣйствитель-

наго Члена Общества, Г-жѣ Власовой - - - - - - 75 р.

b) На времянныя благотворенія.

Выдано:

9) Г. Аникину - - - - - - 55 —
10) Граверу Титулярному Совѣтнику М. Ѳ....ву - - - - 50 —
11) Г-жѣ Ненашевской - - - 25 —
12) Г. Военному Совѣтнику С. С. Н......ну, занимающемуся переводами съ Латинскаго языка 100 —
13) Одному изъ неимущихъ Членовъ, обремененному многочисленнымъ семействомъ - - - - 250 —

Итого - - 2415 р.

За тѣмъ въ остаткѣ къ 1822 году суммы на благотвореніе - 1447 р. 20 к.

VII.

Въ настоящемъ 1822 году поступило на Благотвореніе:

Отъ Г. Дѣйствительнаго Члена Графа Д. И. Хвостова, - - - - 350 р.
—— Г. Почетнаго Члена А. С. Шишкова. - - - - - 100 —
—— Г. Почетнаго Члена В. И. Голынскаго. - - - - - 300 —

Отъ Его Высокоблагородія Кол. Ассесора Г. Иваненко - - -	20 —
— Его Благородія Г. Губерн. Секретаря Петра Ивановича Ляпунова	20 —
— Неизвѣстнаго чрезъ Г. Секретаря Общества А. А. Никитина (изъ Гдова.) - - - - -	20 —

Въ пособіе семейству покойнаго С. П. Власова.

отъ ГГ. Дѣйствит. Членовъ: А. А. Боровкова. - - - - - -	10 —
А. М. Княжевича - - -	10 —
П. А. Плетнева - - -	5 —
Ѳ. М. Сомова - - -	5 —
Итого	840 р.

Общество обязанностію считаетъ означеннымъ благотворителямъ принести свою совершенную благодарность.

VIII.

Общество, сообразуясь съ имѣющеюся въ кассѣ его суммою на благотвореніе, опредѣлило: производить пансіоны и въ настоящемъ 1822 году тѣмъ же пансіонерамъ своимъ: Кол. Совѣтнику Ск.....му, Титулярному Совѣтнику Аникину, Прапорщику Новоселову, вдовамъ: Власовой и Ненашевской по 300 рублей въ годъ каждому и Г. Захарову 180 р.,

выдавая первымъ пяти по 25 р. каждому, а послѣднему по 15 р. ежемѣсячно; и сверхъ того внести въ Горный Кадетскій Корпусъ за питомца своего Шарапова 700 рублей.

IX.

На семъ основаніи употреблено изъ суммы по благотворенію:

Внесено въ Горный корпусъ за питомца Шарапова на 1822 годъ. - - 700 р.

Выдано пансіоновъ за Генварь сего года:

Г. Ск....му - - - - - 25 р.

Г. Новоселову - - - - 25 -

Всего 750 р.

X.

Общество долгомъ поставляетъ принести истинную благодарность свою Комитету по Ученой части ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества, извѣстному Археологу Константину Ѳедоровичу Калайдовичу, Сербскому Литтератору Лазарю Милетичу, Полковнику Николаю Петровичу Пороховникову и Адьютанту Г. С. Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Штабсъ Капитану Якову Григорьевичу Гладкому, отъ коихъ оно имѣло честь получить слѣдующія пожертвованія: *отъ перваго* — Билетъ на из-

даваемый имъ въ 1822 году Журналъ ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества; *отъ втораго* изданную имъ книгу: Памятники Россійской Словесности XII вѣка, съ объясненіемъ, варіянтами и образцами почерковъ; *отъ третьяго* изданныя имъ книги: 1.) отпустнаго слова Архіерейскаго примѣръ по дѣяніемъ Апостольскимъ. и 2.) Господа нашего Спасителя Слово о вѣчномъ блаженствѣ. *Отъ четвертаго* Золотую монету и *отъ Г. Гладкова* 16 серебряныхъ монетъ и 20 Гипсовыхъ слѣпковъ съ разныхъ старинныхъ медалей.

XI.

Г. Дѣйствительный Членъ А. А. Бестужевъ прислалъ въ Общество рѣдкое произведеніе природы-образецъ плены, подобной неклееной картузной бумагѣ, сѣроватаго цвѣта. Плена сія тверда, слоиста и удобна для письма. Нижняя сторона оной покрыта прильнувшими къ ней листами растеній, а запахъ ея сходенъ съ запахомъ листоваго табаку. Г. Дѣйствительный Членъ., препровождая образецъ оной, присовокупляетъ, что рѣка Неманъ, каждую весну разливаясь, затопляетъ прибрежные луга на довольно большее пространство. Въ 1821 году водополь Немана стояла долѣе обыкновеннаго, а безпрерывные дожди лѣта изъ низменныхъ пажитей

образовали болота, коихъ поверхность къ осени подернулась упомянутою пленою въ значительномъ количествѣ и жители кроютъ ею шалаши свои и хижины.

Общество помѣщаетъ о семъ извѣстіе въ той надеждѣ, что, можетъ быть, кому нибудь изъ отечественныхъ испытателей природы, пріятно будетъ сообщить замѣчанія свои, и разрѣшить оными слѣдующее: Составилась ли плена сія изъ наносныхъ рѣкою прозябеній, обращенныхъ гніеніемъ въ илъ и тину, или изъ напольныхъ травъ, дѣйствіемъ солнца и земныхъ испареній въ нее обращенныхъ? Притомъ почему сего не случалось прежде? Почему приняло на себя сіе произведеніе столь единообразную форму? Химическимъ, или инымъ путемъ оно составилось, наконецъ можно ли искуствомъ подражать сей игрѣ природы, т. е. дѣлать бумагу изъ каждаго растенія?

XII.

Г. Дѣйствительный Членъ *Н. И. Гречь* изъявилъ Обществу желаніе представлять въ оное на разсмотрѣніе, по частямъ, *Россійскую Грамматику*, надъ составленіемъ коей трудится онъ постоянно въ теченіе 17 лѣтъ, съ тѣмъ, что бы наконецъ сіе сочиненіе, Обществомъ разсмотрѣнное, посвятить сему

же Сословію и сверхъ того, по напечатаніи, отдѣлить въ пользу благотворной цѣли онаго 300 экземпляровъ; а Г. Дѣйствительный же Членъ *И. А. Гарижскій* предпринялъ на себя трудъ перевести на Россійскій языкъ Историческо-Критическое дополненіе Кадлубка, о Славянской Литтературѣ, изданное Г. Почетнымъ Членомъ С. Б. Линде съ примѣчаніями сего знаменитаго мужа на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: Vincent Kadlubek, ein historisch-kritischer beytrag zur slavischen literatur. Г. Гарижскій предоставляетъ изданіе сей книги Обществу, которое считаетъ долгомъ извѣстить о семъ почтенныхъ читателей *Соревнователя*, и поставляетъ себѣ въ пріятную обязанность принести ГГ. Членамъ истинную и совершенную благодарность за благородный ихъ вызовъ и желаніе содѣйствовать избранной имъ цѣли.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ,

ЖУРНАЛЪ

Исторіи, Статистики и Путешествій,

Издается по двѣ книжки въ мѣсяцъ. Цѣль сего журнала состоитъ: во первыхъ, въ распространеніи полезныхъ свѣденій по части Исторіи древней и новой отечественной и иностранной, Статистики и политической Экономіи, относительно къ Россіи и другимъ странамъ; а во вторыхъ, въ доставленіи отечественной нашей публикѣ чтенія пріятнаго и наставительнаго, которое способствовало бы изгнанію романовъ и пустыхъ сказокъ, занятіями болѣе достойными людей просвѣщеныхъ и благонамѣренныхъ,

Первая книжка сего Журнала, состоящая изъ 7 печатныхъ листовъ, вышла въ день новаго года, и заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: I. По части Исторіи. 1. Описаніе

осады Нарвы и сраженія подъ опымъ городомъ въ 1700 году; отрывокъ изъ жизни Петра Великаго сочиненіе Генерала Алларта, участвовавшаго въ семъ походѣ. Въ сей статьѣ достаточно изложены всѣ обстоятельства сего сраженія и опровергнуты клеветы неблагонамѣренныхъ иностранныхъ писателей, касательно числа войскъ и пр. 2. Собственноручныя письма ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II къ Графу Румянцову — Задунайскому, въ коей изображается Геній сей великой Жены и обширныя ея предначертанія. 3 Письмо Россійскаго Министра Князя Хованскаго къ Австрійскому послу Эразму Гайделліусу въ 1615 году. Письмо сіе служитъ отпечаткомъ нравовъ того времяни и незабвеннымъ памятникомъ твердости Рускаго характера. II По части Статистики. Описаніе Сарепты, изображающее нравы, характеры и образъ жизни добродушныхъ Гернгутеровъ, жителей сей Колоніи. Статья сія заключаетъ въ себѣ краткую оной Исторію, изложеніе успѣховъ по части наукъ, промысловъ и земледѣлія, такъ же Статистическое и топографическое описаніе окрестностей. 2 Статистическая сравнительная таблица, важнѣйшихъ государствъ въ Европѣ и Американскихъ Штатовъ съ показаніемъ доходовъ, Государственныхъ долговъ, военной Сухопут-

ной и Морской силы, пространства, народонаселенія и пр. III Путешествіе Г. Сеньковскаго въ Нубію и Эѳіопію, перваго изъ Руских странниковъ, посѣтившаго сіи малоизвѣстныя страны, заключающее въ себѣ описаніе теченія Нила, различныхъ древнихъ нравовъ жителей, любопытные анекдоты и статистическое сихъ странъ обозрѣніе. При сей книжкѣ приложена картинка, представляющая видъ развалинъ златыхъ вратъ въ Кіевѣ, снятый съ натуры въ 1651 году съ Историческимъ изъясненіемъ.

Вторая Книжка Сѣвернаго Архива вышла 15 Генваря и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: I По части Исторіи 1 Окончаніе описанія осады Нарвы; 2 Продолженіе собственноручныхъ писемъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ. 3 Письма Шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Жарбера изъ Москвы въ 1647 году, заключающія въ себѣ описаніе Политическаго и Коммерческаго состоянія Россіи въ началѣ царствованія Царя Алексѣя Михайловича съ изображеніемъ нѣкоторыхъ придворныхъ обычаевъ. II По части Статистики. Взглядъ на Кавказскую линію. Статья, заключающая въ себѣ краткую Исторію Россійскихъ и иностранныхъ поселеній въ сей странѣ, описаніе образа жизни, нравовъ, промышленности и степени просвѣщенія жителей, также про-

изведеніе промысловъ и происходящихъ отъ оныхъ доходовъ въ Государственную Казну. III. Путешествія Россійскаго посольства изъ Оренбурга въ Бухарію въ 1820 году, заключающія въ себѣ извѣстіе ихъ населеній, доходовъ, народномъ характерѣ Бухарцевъ и ихъ правленіи; также описаніе степей, чрезъ которыя проходило посольство подъ прикрытіемъ конвоя. IV Смѣсь. Библіографическое обозрѣніе важнѣйшихъ книгъ по части Исторіи Статистики и Путешествій на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, вышедшихъ въ первую половину 1821 года.

Третія книжка Журнала вышла 1 Февраля; она заключаетъ въ себѣ слѣдующіе предметы: I. По части Исторіи. 1 Записка, поданная Графомъ Минихомъ ИМПЕРАТРИЦѢ Аннѣ Іоанновнѣ о свойствахъ и характерахъ Генераловъ, находящихся подъ его начальствомъ. Заглавіе сей статьи показываетъ важность оной для Исторіи XVIII столѣтія, особенно Россіи. 2 Древности Литвы, состоящія изъ описанія храма Зевеса въ Вильнѣ; о торговлѣ древнихъ Литовцевъ съ Россіянами и изысканія объ урочищѣ Руссъ. 3. Продолженіе собственноручныхъ писемъ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. II. По части Статистики. Нѣчто о Вотландцахъ, или изысканія историческія и описаніе нѣкото-

рыхъ обычаевъ народа Вотландцевъ, обитающаго близь Нарвы и совершенно отличнаго отъ сосѣднихъ племянъ Эстонцевъ и Латышей. О семъ народѣ упоминается въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ подъ названіемъ Вотовъ. III Путешествіе Лейтенанта Лаксмана въ Японію, отрывокъ изъ Исторіи Географическихъ открытій Россіянъ, составляемой В. Н. Берхомъ. IV Смѣсь. 1 Украинская пѣсня о Богданѣ Хмѣльницкомъ съ Историческимъ предисловіемъ. 2 Окончаніе библіографическаго обозрѣнія первой половины 1821 года.

Всѣ сіи статьи нигдѣ не были еще напечатаны и въ первой разъ представляются на судъ просвѣщенной публики. Редакція Сѣвернаго Архива, имѣя большое число весьма любопытныхъ и неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ, также пользуясь благосклонностію и участіемъ извѣстнѣйшихъ нашихъ литтераторовъ и любителей полезныхъ знаній, употребитъ всѣ усилія, чтобъ сіе изданіе достигло предначертанной цѣли и способствовало успѣхамъ просвѣщенія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Подписка на Сѣверной Архивъ принимается въ Типографіи Н. И. Греча и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, Почтамтахъ, почтовыхъ конторахъ и Экспедиціяхъ. Цѣна годовому изданію состоящему изъ 24 книжекъ, выходящихъ въ началѣ

и въ срединѣ мѣсяца съ картинами, портретами или планами при всякой части, въ С. Петербургѣ и Москвѣ 40 рублей, съ пересылкою въ другіе города и разноскою въ дома 45 руб.

Редакція Сѣвернаго Архива при семъ подтверждаетъ свою просьбу ко всѣмъ собирателямъ древностей, о сообщеніи оной на время любопытныхъ записокъ, рѣдкихъ рукописей, книгъ и т. п., которыя по выписаніи изъ нихъ того, что можно помѣстить въ Сѣверномъ Архивѣ, будутъ возвращаемы съ благодарностію и безъ поврежденія. Статьи для Сѣвернаго Архива могутъ быть присылаемы не только на Россійскомъ, но и на Латинскомъ и на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Издатель принимаетъ на себя съ удовольствіемъ переводъ оныхъ, если доставленный подлинникъ окажется соотвѣтствующимъ цѣли сего журнала. Сверхъ того Издатель предлагаетъ особамъ, сообщающимъ статьи въ Журналъ его, безденежно отпечатывать, въ разпоряженіе ихъ до двухъ сотъ экземпляровъ сихъ статей въ особенности.

Всѣ пакеты и письма можно надписывать: Ѳадею Венедиктовичу Булгарину, въ Типографіи Н. И. Греча.

По заключенному съ Типографіею условію, оная Типографія принимаетъ на себя

отвѣтственность въ исправномъ выходѣ сего Журнала и въ томъ, что подписчики получатъ всѣ книжки сего изданія; еслиже кто изъ Гг. иногородныхъ не получилъ книжки, таковаго просятъ адресоваться въ Типографію на имя Издателя.

НАУКИ.

НѢЧТО О ВЛІЯНІИ МОНГОЛОВЪ И ТАТАРЪ НА РОССІЮ.

Ни въ одномъ изъ Государствъ, испытавшихъ тѣ большіе перевороты, которые бываютъ слѣдствіемъ несчастной войны съ непріятелемъ сильнымъ и многочисленнымъ, народъ не остается такимъ, каковымъ былъ онъ до сей эпохи: вмѣстѣ съ политическимъ его состояніемъ измѣняется духъ его, нравы, обычаи.

Первые листы Россійской Исторіи представляютъ предковъ нашихъ дѣятельнымъ, храбрымъ, отважнымъ наро-

домъ, который уже въ колыбели предрѣкалъ будущее свое величіе. Частныя сношенія съ Греческою Имперіею, заимствованіе отъ оной Религіи Христіанской, Наукъ и Художествъ, казалось, приготовляли Россію къ высокому познанію; но раздробленіе ея на части перерываетъ блистательной Періодъ Исторіи. Наступаютъ времяна тяжкія; отечество, терзаемое властолюбіемъ Князей Удѣльныхъ, предается на расхищеніе сосѣдственныхъ народовъ. Нашествіе Монголовъ, борьба внутренняя и внѣшняя—все унижаетъ, все ее измѣняетъ: перевороты сіи влекли за собою и перемѣну нравовъ. Россіянинъ, порабощенный Татарами, не походитъ болѣе на Россіянина времянъ Святослава и Владиміра. Униженный деспотизмомъ, онъ естественнымъ образомъ пріучился къ низкимъ хитростямъ, къ обманамъ, къ корыстолюбію и находясь въ презрѣніи, даже у самыхъ купцовъ и бродягъ Монгольскихъ (*), сдѣлался нечувствительнымъ къ оби-

(*) Исторія Госуд: Росс: Ч. 5, стр: 358.

дамъ: терпѣливо переносилъ презрѣніе Татаръ.

Послы Ординскіе и Баскаки, представлявшіе лице самаго Хана, подобно хищнымъ звѣрямъ рыскали по всей Россіи, расхищая ея достояніе. Что оставалось отъ грабительства Татаръ, то истребляли война, или корыстолюбіе Князей и Бояръ. Нравы ожесточились; нравственность вмѣстѣ съ духомъ народа пала — и все, что имѣло прежде видъ свободы и правъ гражданскихъ, изчезло. Одинъ только Новгородъ и Псковъ, какъ древніе священные памятники прежняго благоденствія, отбрасывали блескъ независимости на мрачныя сіи времяна. Пріятной звукъ Вѣчеваго колокола умолкъ въ опустошенныхъ городахъ и граждане, прежде совѣщавшіе другъ съ другомъ о взаимныхъ выгодахъ, потеряли права свои. По примѣру Татаръ содержали въ совершенномъ рабствѣ женщинъ — вѣрнѣйшій признакъ общаго невѣжества; торговали людьми, стѣсняли состояніе холоповъ и брали законныя взятки въ судахъ.

Причиною таковаго измѣненія нравовъ было долговремянное рабство Россіи, которое ввело за собою многіе обычаи и обыкновенія, изъ коихъ нѣкоторыя и до сихъ поръ сохранились, особенно между простымъ народомъ.

Азіатское великолѣпіе царствовало у нашихъ Царей. Самые обряды при встрѣчѣ пословъ, самая недовѣрчивость къ иноземцамъ, робкая политика двора и образъ жизни Царей походили болѣе на Азіатскіе. Такъ было почти до времянъ Петра Великаго, которой первой научилъ народъ безъ страха взирать на своего Государя, заставивъ его трепетать только предъ законами.

Цари, слѣдуя Азіатскимъ обыкновеніямъ, заставляли пословъ повергаться предъ трономъ на землю, отъ чего произошло и нынѣ еще употребляемое выраженіе *челомъ бить*, говорить рѣчи, стоя на колѣнахъ и являться предъ Государемъ безоружными (*). Такимъ образомъ присланные отъ Крымскаго Хана Девлетъ

(*) Ханы, возводимые на Казанскій престолъ

Гирея въ 1565 году послы, бывъ представлены предъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, говорили рѣчи, стоя на колѣнахъ, а Польскіе послы представлены были ему безъ оружія. Кто же изъ нихъ или бояръ заслуживалъ благоволеніе Рускаго Царя, того, по Татарскому обычаю, дарилъ онъ богатою шубою и ласковымъ своимъ словомъ.

По сверженіи же Татарскаго ига, наши Цари въ образѣ жизни продолжали быть подобными Азіатскимъ Государямъ; рѣдко являлись народу, провожали большую часть жизни во внутренности своихъ чертоговъ, которые для всѣхъ, исключая родственниковъ, особъ пользовавшихся отличнымъ довѣріемъ, придворныхъ служителей и тѣхъ, коихъ они иногда требовали, были совершенно неприступны. Охраняющая дворецъ мно-

---

по волѣ Россійскихъ Царей, говорили имъ рѣчи, стоя на колѣнахъ, и на слова ихъ отвѣчали земными поклонами. Царств. книга, стр. 75. Rerum Moscov. Autor. varior. p. 248.

гочисленная стража никого не допускала близко къ оному, особенно тѣхъ, кои были чѣмъ либо вооружены (*). Когда жъ въ торжественные дни, по Азіатскому обыкновенію, выѣзжали они верхомъ, подлѣ стремянъ Царя всегда шелъ придворной, чтобъ придать тѣмъ болѣе важности (**).

Изъ обычаевъ, заимствованныхъ отъ Татаръ, особенно замѣчательны тѣ, кои наблюдались при бракахъ. Женихъ не только не имѣлъ власти выбрать себѣ невѣсту, но не могъ ее видѣть прежде сговора. Въ 15 столѣтіи знатные люди не показывали женъ и дочерей своихъ не только постороннимъ, но даже братьямъ и родственникамъ (***). Сіе наблюдалось въ особенности при дворѣ и между знатными. Посолъ Римска-

---

(*) Reutenfelts въ сочиненіи своемъ: De rebus Moscoviticis, cap. X, p 456—457.

(**) Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году Февраля 1, при бракосочетаніи Михаила Θеодоровича. Москва, 1810, стр. 77.

(***) Herberstein: Comment. rerum Moscovitiarum, p. 48.

го Императора Фридриха III, пріѣхавши въ Москву 1498 году для изпрошенія дочерей Великаго Князя въ супружество за Императорскихъ родственниковъ, просилъ, чтобъ ему показали Великихъ Княженъ, но получилъ отказъ; ибо сіе противно было древнимъ обычаямъ — видѣть невѣсту прежде заключенія сватовства (*). Женщины находились въ совершенномъ рабствѣ; нигдѣ не находили защиты противъ жестокихъ поступковъ мужей и равнодушно должны были переносить свой жребій. Вмѣстѣ съ порабощеніемъ Россіи потеряли онѣ драгоцѣнную свободу — и въ образѣ жизни были совершенныя Татарки. Боярыни, нарядясь великолѣпно, даже лѣтомъ выѣзжали въ закрытыхъ маленькихъ колясках, или колымагахъ, обитыхъ снаружи краснымъ сукномъ, а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ. Кругомъ шло множество слугъ, иногда до 30 и 40 человѣкъ, говоритъ Олеарій, а на лошадяхъ, впряженныхъ въ колымагу или сани, при-

(*) Россійская Исторія К. Щербатова. Томъ IV, Ч. 2, 220.

вшивались лисьи хвосты. — Царскихъ и боярскихъ лошадей иногда украшали и соболями (*). Знатныя женщины обыкновенно провожали Царицу верхомъ, ежели она ѣзжала гулять загородъ (**). Надобно думать, что Рускія женщины переняли ѣздить верхомъ у Татарокъ.

Кромѣ сихъ обычаевъ вошло въ обыкновеніе имѣть ночные караулы, которые отъ времяни до времяни стучали въ мѣдныя доски, давая тѣмъ знать о времяни ночи и о томъ, что стража не спитъ (***). Вошло также въ обыкновеніе имѣть Каравансераи или гостинницы, которые по Татарски назывались *кабаками*. Въ сихъ домахъ во время Татаръ продавали, сверхъ съѣстныхъ припасовъ, вино и бузу, родъ оршада, приготовляемаго Татарами изъ проса, и бывшаго въ большомъ употребленіи между простымъ народомъ. Когда Татары

(*) Сочиненія Карамзина. М: 1820, Ч. 9, стр. 171.

(**) Маржеретъ.

(***) Родословная Исторія о Татарахъ, Абулгази-Баядуръ-Хана. С.П. бургъ. 1768. ч. 1. стр. 171.

приняли Магометанской законъ, что въ 1389 году запрещено было продавать вино. Въ послѣдствіи кабаки опять наполнялись симъ напиткомъ.

Чай, сдѣлавшійся извѣстнымъ Татарамъ во время завоеванія ими Китая, можетъ быть, употреблялся въ Россіи прежде, нежели еще въ Европѣ знали его названіе. Нѣкоторые писатели говорятъ, что онъ слылъ при дворѣ Царскомъ Китайскимъ лѣкарствомъ, чрезъ Сибирь получаемымъ (*). Въ 1674 году чай почитался еще цѣлительнымъ средствомъ, отъ вреднаго вліянія заразительнаго воздуха и отъ вина (**).

Древнѣйшій національный костюмъ нашихъ предковъ давно замѣненъ Татарскимъ. Весь покрой платья простаго народа и головное украшеніе женщинъ, даже самая обувь была совершенно Татарская. При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ

(*) Büching: Magazin X Band, p. 436 и Олеарій p. 60.

(**) Краткое извѣстіе о Руской торговлѣ, какимъ образомъ оная происходила чрезъ всю Россію въ 1674 году. С. П. бургъ, 1820.

знатные носили короткіе сафьянные сапоги, унизанные жемчугомъ. Славянской костюмъ уцѣлѣлъ только въ Малороссіи; оный имѣетъ большое сходство съ платьемъ Славянскихъ народовъ, обитающихъ около Дуная. Страсть ли къ подражанію, которая есть господствующая у всѣхъ народовъ, не имѣющихъ твердой приверженности къ отечественнымъ обычаямъ, или примѣръ Великихъ и Удѣльныхъ Князей, заставили народъ перемѣнить свой древній костюмъ. Лѣтописи рѣдко или совсѣмъ не упоминаютъ о древнихъ обыкновеніяхъ, и по сему трудно отыскать сему причины. Нѣкоторые наряды Татарскіе долгое время употреблялись Царями, другіе истреблены при преобразованіи Россіи, а большая часть сохранилась и сохраняется въ народѣ.

Въ государствованіе Ѳеодора Іоанновича стригли или брили на головѣ волосы; голову покрывали сперва маленькою скуфьею, изъ золотыхъ или серебряныхъ нитокъ сплетенною и украшенною жемчугомъ и дорогими камнями. Сверхъ

сей скуфьи, называемой Тафьею, надѣвали высокія, черною лисицею или другимъ мѣхомъ опушенныя, шапки, и — слѣдуя обычаю Азіатскому, не скидавали ихъ и въ присутствіи самаго Государя. Богатыя женщины въ сіе время носили сверхъ волосъ шелковую сѣтку, по которой выше бровей повязывали бѣлую повязку и на голову надѣвали шапку, опушенную дорогимъ мѣхомъ и унизанную жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, соборомъ запрещено носить тафью и головное покрывало, употребляемое Магометанами, особенно входить въ церковь въ такомъ нарядѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено было брить бороду, подстригать усы (*) и употреблять одежду иноземную, то есть Нѣмецкую или Польскую, а при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ велѣно оставить Татарское платье и ходить въ Польскомъ.

Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что упо-

(*) Законы Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича, Москва, 1819, стр. 114.

требленіе шляпъ принесено въ Россію съ Востока, а изъ оной перешло въ Европу. Китайцы, Японцы, Татары съ самыхъ древнѣйшихъ времянъ носили шляпы. Послѣ Россіянъ, спустя нѣсколько времяни, шляпы вошли въ употребленіе въ Испаніи, а при Карлѣ VI во Франціи, гдѣ почитались онѣ столь рѣдкими, что однажды Карлъ V (1547), обучая свое войско, снялъ покрытую бархатомъ шляпу, когда пошелъ дождь, чтобъ она не изпортилась.

Одержанныя Татарами побѣды и покоренія столь многихъ земель не всегда происходили отъ многочисленности ихъ войскъ: преимущество побѣдителей состояло въ самомъ искуствѣ воевать. Ихъ вооруженіе, ихъ образъ нападенія, ихъ искусныя движенія доказали Россіянамъ, что военное искуство Татаръ имѣетъ несравненно больше совершенства предъ бывшимъ тогда въ употребленіи. По сему, при самомъ появленіи Татаръ, Россіяне старались имѣть какъ вооруженіе ихъ, такъ и дисциплину. Уже въ 1259 году Даніилъ Галицкій, ходившій съ своимъ

войскомъ въ Венгрію, имѣлъ Татарское оружіе (*); вскорѣ Руские начали дѣлать даже лукъ, стрѣлы, сабли, конскій уборъ по образцу Татарскому; можетъ быть, и самой барабанъ, которой есть изобрѣтеніе Восточное, перешелъ тогда къ намъ изъ Азіи, а потомъ сдѣлался извѣстенъ и въ Европѣ.

Раздѣленіе войска нашего было подобно Монгольскому. Чингисъ-Ханъ раздѣлялъ свою армію на корпуса, корпуса на полки, состоящіе изъ тысячи человѣкъ, полки на роты, кои имѣли по сту человѣкъ и находились подъ начальствомъ Гусъ-Агаси или сотника, а роты на десяти подъ начальствомъ десятника (**). Такой порядокъ наблюдался въ нашемъ войскѣ и до нынѣ существуетъ у Козаковъ.

Подобно Монголамъ сражались и Россіяне, дѣйствуя наскаку стрѣлами и копьями, то нападая, то вдругъ отсту-

---

(*) Исторія Карамзина. Ч. 4. стр. 80.

(**) Родословная Исторія Татаръ. Ч. 1, стр. 436.

ная (*). Чингисъ-Ханъ и Тамерланъ таким образомъ одержали многія побѣды. И наша и Монгольская Исторія представляютъ множество тому примѣровъ. Перенявъ воинское искуство отъ Татаръ, мы ни въ чемъ имъ не уступали: не доставало только единодушія, что бы отражать тѣ многочисленныя толпы, которыя съ Востока стремились опустошать Россію.

Отъ военнаго искуства перейдемъ къ гражданскимъ законамъ — и здѣсь видимъ характеръ Татаръ. Судебникъ служитъ для потомства краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ, что духъ побѣдителей истребляется не оружіемъ, но временемъ. Въ Норманскихъ законахъ, то есть въ Правдѣ Руской, всѣ преступленія наказывались рабствомъ или денежною пенею. Золото и серебро изкупляли преступника или примиряли его съ закономъ. Во время Татаръ опредѣлялось

(*) Такъ описываетъ нашихъ воиновъ Нѣмецкій Историкъ Францъ Кранцъ, писавшій свою Вандалію въ концѣ XV вѣка.

тѣлесное наказаніе: за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ, а жесточайшая казнь, сажать на колъ, которая продолжалась до времянъ Петра Великаго и нынѣ существуетъ въ средней Азіи, опредѣлялась приговоромъ Царскимъ. Изъ законовъ Татарскихъ замѣчателенъ тотъ, который Грозный помѣстилъ въ Судебникѣ, а Петръ отмѣнилъ. Онъ относился до взысканія долговъ, такъ называемымъ, *Правежемъ*, который произходилъ слѣдующимъ образомъ. Приставъ выводилъ должника разутаго на улицу къ дверямъ Судной Избы, и сѣкъ его, во время присутствія, по голой ногѣ прутомъ до самаго того времяни, какъ судьи уходили домой. *Тарханскія* грамоты, которыя получили свое названіе отъ слова Тарханъ, означавшаго, по увѣренію Татищева (*), почти тоже, что Баронъ или вольный господинъ (Freyherr), введены въ Россію Татарами. Онѣ давались боярамъ и заключали въ себѣ преимущество не быть никакъ судиму, кромѣ самаго Государя

(*) Судебникъ. Стр. 48.

или опредѣленнаго мѣста. Грамоты сіи назывались также безсудными, и, какъ весьма вредныя, отмѣнены еще Царемъ Иваномъ Васильевичемъ (*); однакожъ были онѣ въ употребленіи у его преемниковъ и давались по особеннымъ милостямъ (**).

По убѣжденію Митрополита Петра, Татары освободили церковныя имущества отъ податей, даровали Духовенству особенныя права, и запретили подъ смертною казнію грабить церкви и монастыри. Въ семъ случаѣ они поступили какъ искусные Политики; они пощадили то, что для каждаго народа драгоцѣнно. Хотя ревность къ Магометанской вѣрѣ и побуждала нѣкоторыхъ Хановъ угнѣтать Христіанство, желать ввести въ Россію законы просвѣтителя Арабіи; но тщетны были сіи усилія: пламенная любовь къ Религіи

(*) Судебникъ. Г. 43.

(**) Опытъ начертанія Россійскаго частнаго Гражданскаго права, соч. Вельяминова — Зернова, С. П. бургъ. 1821. Ч. I. Стр. 36.

уничтожила всѣ ихъ замыслы. Отъ сего, можетъ быть, произошло обыкновеніе изображать полулуніе (знакъ, поставляемой Магометанами надъ мечетями и минаретами) внизу креста на главахъ церковныхъ: съ таковыми изображеніями церкви и теперь еще существуютъ во многихъ городахъ.

Чего не могла произвесть ревность, то отчасти совершило суевѣріе и всеобщее невѣжество. Татарскіе обычаи столь сильно вкрались въ понятія, что уже не считали за грѣхъ являться въ церкви съ покрытою головою. Чтобы очистить Христіанство отъ Магометанскихъ обычаевъ, были созываемы соборы; иногда пастыри церкви увѣщевали Христіанъ обратиться къ истиннымъ догматамъ Религіи. Митрополитъ Филиппъ, презирая гнѣвъ самаго Грознаго, сказалъ ему, когда онъ вошелъ въ церковь съ своею дружиною (1568 года) въ черныхъ ризахъ и въ высокихъ шлыкахъ: въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю Царя Православнаго (*).

(*) Исторія Карамзина Ч, 9, стран. 103.

Завоеванія Татаръ были пагубны какъ для человѣчества, такъ и для просвѣщенія; одно издыхало подъ жестокимъ рабствомъ, другое вмѣстѣ съ великолѣпными городами погребено было подъ развалинами. Но когда съ пріятіемъ Магометанской вѣры и въ особенности отъ сообщенія съ побѣжденными они перемѣнили свой образъ жизни, то начали знакомиться съ просвѣщеніемъ. Ханскіе дворцы стали вскорѣ блистать Азіатскою роскошью, которая отъ нихъ, какъ сказано уже выше, перешла и въ Россію. Тогда узнали мы цѣну многимъ драгоцѣннымъ каменьямъ. Названія ихъ, заимствованныя непосредственно изъ Восточныхъ языковъ, преимущественно изъ Персидскаго (*), подтверждаютъ сію догадку. Вкусъ Татарскій столь тогда вкоренился въ Россіи, что даже скорописной нашъ почеркъ тогдашнихъ времянъ сходствовалъ съ Татарскимъ; даже самыя украшенія на книгахъ были подобны тѣмъ, кои и нынѣ употребляютъ всѣ Магометане. Въ подтвержденіе сего

(*) Сынъ Отечества 1820 № 3 стр. 141.

мнѣнія объ украшеніяхъ или арабескахъ можетъ служить хранящееся въ Императорской Библіотекѣ Евангеліе, писанное въ 1352 году.

Отъ Татаръ вошли также во всеобщее употребленіе счеты. Съ достовѣрностію нельзя опредѣлить времяни, когда они введены въ Россію; одинъ Голландскій писатель (*) говоритъ, что счеты вывезены въ наше отечество Сибирскимъ купцомъ Аникою Строгановымъ (умершимъ въ 1570 году). Татары заимствовали ихъ отъ Китайцовъ, а Европейцы отъ Рускихъ.

Въ правленіе Димитрія Донскаго мордки или куны, древнія наши ассигнаціи (**), замѣнены Татарскою мѣлкою серебряною монетою, которая у нихъ называлась тангою, мѣдная же пулою. Россіяне симъ имянемъ называли и свою: серебряную деньгами, мѣдную полушками.

Познанія Татаръ ограничивались не большими свѣденіями; они вообще пре-

---

(*) Витзенъ, Амстердамскій Бургомистръ, въ книгѣ своей: Noorden — Ost Tartarey, напечат: въ Амстердамѣ 1692 и 1705 года.
(**) Исторія Карамзина Ч: 5, стр. 386.

небрегали науками, или считали ихъ ненужными, и въ семъ случаѣ ни Россіяне для Татаръ, ни Татары для Россіянъ не могли быть полезны. Однакожъ отъ Татаръ предки наши прежде всѣхъ Европейскихъ ученыхъ получили свѣденія о Китаѣ и Сѣверной Азіи. Китай и теперь еще сохранилъ у насъ названіе, данное ему Монголами (*).

Татары имѣли хотя и небольшое вліяніе на языкъ и словесность нашу, однакожъ первый сохранилъ множество Татарскихъ словъ, кои указываютъ на тѣ предметы которые перешли къ намъ изъ Азіи. Приведемъ нѣсколько сихъ словъ; каждое изъ оныхъ напоминаетъ народъ сей и изображаетъ, какимъ онъ былъ и теперь еще есть въ общественной и гражданской своей жизни: армякъ, балахонъ, халатъ, кафтанъ, епанча, кушакъ, шляпа, колпакъ, сапоги, башмакъ, кокошникъ, аршинъ, багоръ, балаганъ, кабакъ, базаръ, кибитка, сарай, орда, юрта, шатеръ, улусъ, табунъ, че-

(*) Описаніе Китайской Имперіи Орловымъ. Москва 1820 Ч. I. стр. 14.

модань, ерлыкъ, артель, балалайка, бурда, ватага, бирючь, булатъ, ертарль, карауль, кощи, кремль, маякъ, орканъ, сайдакъ, шишакъ, аманатъ, атаманъ, башня, гетманъ, ура и проч:

Угнѣтенные Россіяне, измѣнившись въ духѣ, не могли и въ словесности сравниться съ своими предками. Въ Лѣтописяхъ тогдашнихъ времянъ нѣтъ простоты Несторовой, нѣтъ тѣхъ кроткихъ, Христіанскихъ чувствъ, которыми дышетъ поученіе Мономаха, ни тѣхъ сильныхъ выраженій, коимъ преисполнена пѣснь Игоря; вездѣ царствуетъ грубое невѣжество, суевѣріе и закоснѣлое презрѣніе къ иноземцамъ. Словесность сего времяни заключалась, можетъ быть, въ однѣхъ только повѣстяхъ или сказкахъ, которыхъ большая часть и теперь еще носитъ всѣ признаки пылкаго восточнаго воображенія. Наполненные роскошными описаніями, превращеніями, иносказаніемъ и Татарскими или Монгольскими имянами, онѣ донынѣ суть любимое занятіе простаго народа.

Наконецъ господство Татаръ переродило Россіянъ въ народъ Азіатской; взявъ во всемъ за образецъ своихъ притѣснителей, они хотя не навидѣли ихъ, однакожъ вступали съ ними въ связи, принимали всѣхъ Татаръ, которые бѣжали изъ Азіи и у Великихъ Князей и Царей искали покровительства. Отъ сего произходитъ, что и теперь очень часто встрѣчаются между Россіянами Татарскія физіономіи. Многія фамиліи, особенно въ высшемъ классѣ, ведутъ свое родословіе отъ Казанскихъ Татаръ или Золотой Орды (*).

Вотъ нѣкоторыя извѣстія, кои можно было извлечь изъ періода Татарскаго надъ Россіею владычества; они маловажны, но кого привлекаютъ памятники древности, кто любитъ отыскивать слѣды своихъ праотцевъ, и на разрушенныхъ гробахъ бесѣдовать съ ихъ тѣнями, тотъ пусть легкія сіи черты дополнитъ воображеніемъ.

А. Р.

(*) Смотри: Общій Гербовникъ Дворянскихъ родовъ Всероссійской Имперіи 4 части съ фигурами С. П. бургъ 1797.

КРИТИКА.

ЛОМОНОСОВЪ.

Золотой вѣкъ Россіи начинается со временъ Петра I. Сей Монархъ былъ первенцемъ славы Россійской Имперіи. Родясь для счастія своего народа и урока вѣнценосцамъ, Петръ далъ новую жизнь своему отечеству, и рядъ великихъ людей послѣдовалъ за великимъ Государемъ. Благотворной свѣтъ наукъ озарилъ возбужденную отъ усыпленія Россію. Она воспрянула и, удивленная далекимъ разстояніемъ своимъ отъ прочихъ державъ просвѣщенной Европы, обратила всѣ усилія, чтобы сравниться съ ними.

Не громкою славою побѣдъ могла Россія достигнуть своей цѣли; но скромнымъ и разборчивымъ подражаніемъ чужеземцамъ въ высокихъ произведеніяхъ ума человѣческаго, введеніемъ у себя полезныхъ знаній и обычаевъ. Безсмертной Петръ, это было дѣломъ мудраго твоего промысла! — Но, что бы исполнить сіе великое предначертаніе, надлежало Россіи сдѣлать еще новое усиліе — надлежало сотворить языкъ. Безъ него народная образованность не можетъ усовершенствоваться; безъ него голосъ наукъ не вразумителенъ. Языкъ, первой ключь къ познаніямъ, первое орудіе ума, первая потребность ученаго, былъ у насъ въ началѣ протекшаго столѣтія въ томъ состояніи, въ какомъ видимъ мы обыкновенно всѣ языки народовъ полупросвѣщенныхъ т: е: почти въ младенчествѣ. Что бы возвести его на степень силы и зрѣлости, надлежало явиться человѣку, которой разрушилъ бы всѣ преграды, препятствовавшія развитію языка; которой бы извлекъ изъ него точныя и положительныя правила и далъ о-

нему прямое и съ духомъ его сообразное направленіе.

Въ странѣ, гдѣ представляются глазамъ однѣ только грозныя, дикія картины природы; гдѣ трепетной взоръ обнимаетъ съ ужасомъ вѣчныя громады льдовъ, носящіяся съ шумомъ по волнамъ моря и гдѣ солнце прощается на полгода съ землею, въ бѣдной рыбачей хижинѣ родился творецъ языка Рускаго, Ломоносовъ. Непостижимые пути опредѣленія! Сыну простаго рыбака предоставлено было сдѣлаться образователемъ отечественной словесности! Такъ, къ счастію человѣческаго рода, талантамъ равно открыты и бѣдныя хижины, и великолѣпные чертоги.

Природа надѣлила Ломоносова пламеннымъ воображеніемъ, свойственнымъ счастливымъ обитателямъ полуденнаго климата. Въ юныхъ лѣтахъ онъ показалъ уже въ себѣ рѣдкія способности. Одаренный душою возвышенною и блистательными качествами Генія, онъ скоро почувствовалъ нужду въ пріобрѣтеніи знаній. Но кому было направить

въ немъ сіе полезное стремленіе? Страна, въ которой онъ родился, не представляла къ образованію его другихъ способовъ, кромѣ начальнаго и неосновательнаго изученія языка своего. Чтеніемъ и письмомъ ограничивались всѣ познанія, кои могъ получить Ломоносовъ. Но сіи преграды не въ состояніи были остановить души, жаждущей просвѣщенія. Что казалось тогда достаточнымъ для другихъ, то слишкомъ мало было для человѣка съ Геніемъ. Увидя наконецъ, что низкая доля, къ которой онъ обрѣченъ былъ отъ рожденія, удаляла отъ него всѣ средства къ ученію; что рыбной промыслъ долженствовалъ составить единственное и всегдашнее занятіе въ безызвѣстной его жизни, Ломоносовъ получилъ вдругъ мысль оставить тайно домъ родительской, и скрылся. Поступокъ, достойной презрѣнія въ людяхъ, покушающихся на сіе для удовлетворенія низкимъ страстямъ своимъ, достойный уваженія — въ человѣкѣ, имѣющемъ въ предметѣ цѣль благородную! Молодой Ломоносовъ призвалъ Небо въ

свидѣтели чистоты своихъ намѣреній, и оно благословило пути его. Сама судьба пеклась о неопытномъ юношѣ. Странами, новыми для глазъ его, онъ достигнулъ древней столицы Рускаго царства, и вмѣстѣ ожиданнаго исполненія своихъ желаній.

Въ Москвѣ Ломоносовъ вступилъ въ Заиконоспаское училище: сему заведенію предоставлена была честь начальнаго его образованія. Скоро обнаружились счастливыя разположенія юноши. Почерпнувъ въ короткое время основательныя свѣденія въ различныхъ предметахъ учености, онъ перешелъ въ С. Петербургскую Академію Наукъ. Тамъ поле познаній его разширилось; разумъ его обогатился новыми свѣденіями: но человѣкъ, стремящійся къ знаменитости, не ограничивается обыкновенными успѣхами — онъ ищетъ совершенства. Ломоносовъ отправился для довершенія своихъ знаній въ отечество просвѣщенія — въ Германію. Здѣсь то начинается поприще славной его жизни; здѣсь пожинаетъ онъ плоды своего образованія.

Онъ имѣлъ рѣдкое преимущество соединить въ себѣ высокой даръ пѣснопѣвца съ глубокими свѣденіями ученаго мужа. Мы начнемъ съ перваго; исчислимъ незабвенныя заслуги, оказанныя имъ отечественной словесности и перейдемъ потомъ къ обозрѣнію блистательныхъ успѣховъ его въ наукахъ.

Ломоносовъ питалъ съ юныхъ лѣтъ въ душѣ своей врожденную склонность къ Поэзіи; но чувствовалъ, что надлежало прежде приготовить къ тому языкъ свой, сдѣлать его способнымъ къ принятію красотъ ея. Онъ нашелъ, что Нѣмецкое стопосложеніе ближе прочихъ согласовалось съ свойствами языка Русскаго и ввелъ правильной размѣръ стиховъ въ употребленіе. Первымъ опытомъ его въ семъ родѣ была ода на побѣду Россіянъ надъ Турками (въ 1739 году). Сіе твореніе провозвѣстило будущую славу пѣснопѣвца. Обильное прелестями поэзіи, дышущее піитическимъ вдохновеніемъ и силою воображенія, оно очаровало Россіянъ пріятною и новою для слуха ихъ гармоніею стиховъ. Бо-

гатства языка Рускаго отверзлись предъ творческимъ геніемъ Ломоносова. Высокія мысли раждаютъ высокія выраженія: кто сильно чувствуетъ, тотъ умѣетъ находить слова, достойныя предмета. Слова суть слѣдствія понятій; языкъ — орудіе, которое дѣйствуетъ тогда только, когда знаютъ способъ употреблять его. Новой поэтъ вступилъ на поприще словесности съ тою же увѣренностію въ успѣхѣ, съ какою Атлетъ, извѣдавъ крѣпость мышцъ своихъ, устремляется на подвигъ. Ломоносовъ написалъ осмнадцать торжественныхъ одъ на разные случаи, изъ коихъ одна переведена была имъ съ Нѣмецкаго языка.

Пылая горячею любовію къ отечеству, онъ вездѣ воспѣвалъ благоденствіе России и славу ея Монарховъ, былъ пѣвцомъ блестящаго двора Елисаветы. Сильная и величественная поэзія, возвышенныя чувствованія, живыя краски и пышность описаній составляли отличительное качество произведеній нашего Лирика. Чудесная игра воображенія, дѣйствіе піитическаго восторга, изливало

на всѣ его стихотворенія неизъяснимую прелесть. Онъ пріобыкъ съ младенчества питать духъ свой чтеніемъ книгъ св. писанія. Въ нихъ, какъ въ нѣкоемъ неприкосновенномъ времяни и разрушенію ковчегѣ, сохранялись древнія красоты языка Славянскаго, оставшагося собственностію церкви. Восхищенной краснорѣчіемъ своихъ праотцевъ Ломоносовъ, открылъ у нихъ истинные источники поэзіи, переложилъ въ стихи нѣкоторые изъ псалмовъ вѣнценоснаго Пророка и передалъ Рускому языку силу и величіе Славянскаго. Упражняясь съ равнымъ успѣхомъ во всѣхъ родахъ Лирическаго стихотворства, онъ написалъ нѣсколько одъ въ анакреонтическомъ вкусѣ, и перевелъ извѣстную оду Руссо на счастіе, удержавъ за собою въ переводѣ сего сочиненія пальму превосходства предъ Сумароковымъ. Въ родѣ Дидактическихъ посланій сочинилъ письмо къ Шувалову о пользѣ стекла, гдѣ умъ егопоказалъ отличныя способности; разсуждая о предметахъ ученыхъ, казавшихся въ самой вещи сухими, онъ умѣлъ придать перу

своему особливую пріятность и разсыпать повсюду цвѣты живой своей поэзіи.

Но отецъ нашего Парнасса не хотѣлъ заключить себя въ предѣлахъ только Лирическаго пѣснопѣнія. Онъ желалъ оставить соотечественникамъ своимъ образцы во всѣхъ родахъ стихотвореній и приступилъ къ сочиненію поэмы *Петръ Великій*. Къ сожалѣнію Рускихъ знаменитой трудъ сей остался недоконченнымъ; смерть застигла поэта при начатіи сего достойнаго Музы его подвига; онъ успѣлъ написать двѣ пѣсни, которыя доставили ему славу быть первымъ Эпическимъ стихотворцемъ въ Россіи. Сія поэма изобилуетъ истинно піитическими красотами и Геній Петра представленъ здѣсь во всемъ его величіи.

Наконецъ Ломоносову оставалось только пріобрѣсть имя Драмматическаго стихотворца. Онъ возхотѣлъ испытать свой геній и на семъ поприщѣ словесности: написалъ двѣ трагедіи — *Тамира и Селимъ* и *Демофонтъ*; но, не смотря на

многіе сильные стихи и счастливыя мысли, сіи творенія не имѣли желаемаго успѣха, отъ того ли, что талантъ поэзіи, какъ бы онъ ни былъ обширенъ, не можетъ достаточествовать съ равнымъ совершенствомъ для успѣховъ во всѣхъ произведеніяхъ оной, разнящихся въ существѣ своемъ одинъ отъ другаго, или потому, что въ трагедіи не столько требуется піитическаго восторга, сколько наблюденія правилъ театра, изученія сокровенныхъ изгибовъ человѣческаго сердца, знанія свѣта и условій общественныхъ, болѣе обдуманной тонкости и остроты мыслей, нежели игривости воображенія. Трагедія славилась тогда только въ одной Франціи; Нѣмецкая словесность, которою преимущественно руководствовался Ломоносовъ, не имѣла въ то время изящныхъ произведеній въ семъ родѣ поэзіи.

Вникнувъ въ существо науки стихотворства, мы увидимъ, что поэзію можно было бы раздѣлить на случайную и приготовленную: первую составляютъ исключительно лирическія стихотворе-

нія, какъ непосредственныя произведенія Генія, дѣйствующаго по волѣ чувства, по внушенію своего предмета; ко второй относятся трагедіи, поэмы и всѣ другіе роды поэзіи повѣствовательной, подведенной подъ непремѣнныя начала. Для первой едвали существуютъ правила; ей не полагается предѣловъ такъ точно, какъ не поставляется преградъ воображенію поэта: Геній стихотворца служитъ ей закономъ. Вторая подвержена ограниченіямъ, подчинена правиламъ, основаннымъ на принятыхъ законахъ вкуса и зависящимъ отъ свойства стихотвореній. Всѣ народы начинали литературное поприще съ первой, то есть, лирической поэзіи; образовавъ языкъ, она пріуготовляетъ умы къ прочимъ произведеніямъ словесности. Вторая есть уже слѣдствіе ея успѣховъ. Въ первой Ломоносовъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу; въ послѣдней онъ оказалъ также нѣкоторую услугу, — проложилъ путь послѣдующимъ стихотворцамъ.

Тотъ же подвигъ предстоялъ Ломоносову въ искуствѣ краснорѣчія. Онъ

соединилъ языкъ боговъ съ языкомъ Демосөена и витійствомъ Цицерона, и перомъ, достойнымъ ораторовъ древности, изобразилъ въ похвальныхъ словахъ Петру I-му и Елисаветѣ громкія дѣла мудраго преобразователя Россіи, счастливое правленіе кроткой Его Дщери. Съ появленіемъ сихъ сочиненій занялась заря Россійскаго краснорѣчія: они были началомъ правильной прозы въ нашемъ отечествѣ. Ломоносовъ снялъ оболочку, подъ которой сокрывались богатства и красоты Рускаго слова, показалъ силу и способы языка, очистилъ оной отъ загрубѣлости времянъ невѣжества, отъ смѣшенія съ языками сосѣдственныхъ народовъ, далъ ему свойственную характеру его выразительность и повелъ оной быстрыми шагами къ усовершенствованію. Трудъ безсмертный, достойный вѣчной благодарности!

Каждой писатель на языкѣ новомъ, еще не имѣющемъ произведеній образцовыхъ, если желаетъ полнаго въ твореніяхъ своихъ успѣха, долженъ быть сначала подражателемъ, долженъ заимство-

ваться примѣрами отъ иноземцевъ. Подражаніемъ изящному въ словесности другихъ народовъ достигаемъ совершенства въ собственной. Ломоносовъ любилъ языкъ и словесность Римлянъ. Онъ плѣнялся произведеніями ихъ писателей: отсюда родилось въ немъ благородное желаніе искать въ чужихъ языкахъ красотъ, невѣдомыхъ Рускому; но, принимая отъ иноземцевъ то, что согласовалось съ духомъ послѣдняго, онъ не переступалъ никогда за черту сравненія, и если введенъ былъ имъ тогда въ нашу прозу сходствующій нѣсколько съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ порядокъ словосочиненія, то сіе не составляло еще ошибки противъ языка, но было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подражанія. Языкъ всегда будетъ подверженъ измѣненіямъ, доколѣ не получитъ надлежащаго образованія; нельзя вдругъ сотворить того, что дѣлается временемъ. Съ языками, сказалъ Томасъ, происходитъ тоже самое, что съ песками рѣчными, кои округляются отъ тренія и получаютъ наконецъ правильной видъ. Сіи переходы языка наи-

болѣе замѣтны въ прозѣ. Проза есть зеркало, въ которомъ изображается состояніе народной словесности въ истинномъ видѣ. Во время Ломоносова она не могла еще пріобрѣсть собственнаго своего характера; искуство краснорѣчія было еще вновѣ; оно еще возникало какъ юное растеніе, и потому не удивительно, что прозаическія сочиненія Ломоносова не производятъ уже надъ нами таковаго впечатлѣнія, какъ его стихотворенія. Одни остались памятниками незабвенныхъ трудовъ, подъятыхъ имъ для исправленія Рускаго слова; другія дали ему безсмертіе, сдѣлали имя его столь же знаменитымъ, какъ и имяна великихъ поэтовъ древности.

Теперь открывается предъ Ломоносовымъ другое поле славы — поле наукъ. Люди, пріобрѣтшіе извѣстность въ ученомъ мірѣ, обыкновенно избирали для себя одну какую либо науку, для которой трудились и въ которой достигали совершенства. Ограниченность человѣческой природы не дозволяла имъ рѣшиться вдругъ на многія превывающія силы

ихъ предпріятія. Ломоносовъ, рѣдкое совокупленіе дарованій, показалъ себя отличнымъ отъ прочихъ человѣкомъ; онъ устремилъ мысль свою на разные предметы учености; казалось, что всѣ науки были для него созданы, что многіе умы собраны были вмѣстѣ для составленія ума Ломоносова!

Познакомивъ Россіянъ съ собственнымъ языкомъ ихъ, онъ приступилъ къ новому труду, которой уже ни время, ни люди разрушить не могутъ — къ составленію Россійской Грамматики: сдѣлался законодателемъ языка своего, и на незыблемомъ и прочномъ основаніи утвердилъ начертанныя имъ для него правила. Въ слѣдъ за симъ великимъ твореніемъ появилось другое — его Реторика. Онъ разположилъ оную по принятой у всѣхъ народовъ теоріи науки краснорѣчія и обогатилъ примѣрами, взятыми имъ изъ лучшихъ писателей древности. Сіи двѣ безсмертныя книги увѣковѣчили имя сочинителя: ему нужна была еще другая слава. Отъ пышныхъ предметовъ словесности онъ перешелъ вдругъ къ

скромному изслѣдованію преданій историческихъ; обратился къ изысканіямъ о произхожденіи Рускагэ народа, и оставилъ потомству описаніе любопытныхъ произшествій первыхъ времянъ Россіи до кончины Ярослава I. — Но куда еще устремляется Геній Ломоносова? Какіе новые предметы призываютъ на себя его вниманіе? Какихъ лавровъ остается еще желать ему? — Онъ углубился въ изученіе естества, въ испытаніе сокровенныхъ силъ природы, и, съ помощію сего свѣтильника, пролагалъ себѣ путь въ нѣдра земли и въ дальніе предѣлы неба. Онъ написалъ нѣсколько разсужденій о физическихъ и химическихъ предметахъ; издалъ нѣкоторыя астрономическія наблюденія, и наконецъ тотъ, которой въ стройныхъ и великолѣпныхъ стихахъ славословилъ величіе Божіе, воспѣлъ Петра и вѣщалъ о Елисаветѣ, тотъ начерталъ намъ начальныя основанія Металлургіи. Всеобъемлющій геній его, обращаясь въ кругу полезныхъ знаній, удѣлилъ свое вниманіе и на художества: Ломоносовъ составилъ единственную въ свѣтѣ по

величинѣ своей мозаическую картину, представляющую подвиги Петра I.

Удивительное соединеніе въ одномъ человѣкѣ разнообразныхъ и противоположныхъ свѣденій! Быть поэтомъ и въ тоже время употребить себя на истолкованіе законовъ природы, витійствовать на каѳедрѣ краснорѣчія и объяснять системы горнаго искусства, опредѣлять правила языку и трудиться надъ сочиненіемъ исторіи своего отечества — не есть ли дѣло ума высокаго, оживляемаго горячимъ желаніемъ славы? — Обладая необыкновенною силою духа, источникомъ всѣхъ великихъ дѣяній человѣческихъ, Ломоносовъ показалъ, что глубокая ученость не только не подавляетъ генія, но способствуетъ, напротивъ, его развитію, даетъ ему направленіе вѣрное и точное, и дѣлаетъ полетъ его обширнѣйшимъ.

Чѣмъ болѣе углубляюсь я въ разсматриваніе сего единственнаго человѣка, тѣмъ болѣе утверждаюсь въ мысли, что онъ есть тотъ избранный смертный, которому надлежало родиться для пользы

Россіянъ. Иностранные писатели, я пробѣгаю рядъ славныхъ имянъ вашихъ. Вы оставили послѣ себя безсмертныя творенія; пріобрѣли себѣ право на вѣчность; вы излили новой свѣтъ на науки; вы принесли языку своему великія услуги: но кто изъ васъ сдѣлалъ то, что Ломоносовъ? Кто изъ васъ можетъ сравниться *съ сыномъ рыбака Холмогорскаго?* . . .

Теперь что остается мнѣ сказать о Ломоносовѣ? — Мы видѣли въ немъ знаменитаго писателя, ученаго человѣка; но я не сказалъ еще ничего о самомъ важномъ его достоинствѣ, не говорилъ о доброй душѣ его. Съ высокимъ умомъ онъ пріялъ себѣ въ даръ отъ неба нѣжное и сострадательное сердце; съ благородствомъ мыслей онъ соединялъ благородство въ поступкахъ: имѣлъ завистниковъ, но не обращалъ на нихъ вниманія; имѣлъ враговъ, но не мстилъ имъ. Съ какимъ добродушіемъ испрашиваетъ онъ у своего Мецената (Шуваловъ будетъ жить въ потомствѣ съ Ломоносовымъ), покровительства семейству убитаго громомъ Профессора Рихмана! Съ какимъ безпри-

страстнымъ усердіемъ ученой ходатайствуетъ за ученаго!...

Великой Ломоносовъ, ты никогда не будешь позабытъ твоимъ отечествомъ! Воспоминаніе о тебѣ будетъ переходить изъ рода въ родъ, доколѣ Россія станетъ называться Россіею и языкъ Руской будетъ языкомъ славнаго ея народа!...

И. Аничковъ.

ЛИТЕРАТУРА.

А.

ПРОЗА.

ПАРИЗИНА,

Историческое произшествіе.

(Изъ Лорда Байрона).

I.

Наступилъ часъ, въ который соловей начинаетъ оглашать рощи пѣснями; любовники тихо шепчутъ нѣжные обѣты. Дыханіе зефира, журчаніе водъ погружаютъ въ сладкія думы уединеннаго мечтателя; цвѣтки напаяются легкими каплями росы; зажигаются звѣзды на тверди, отражающей лазурь свою въ источкѣ. Цвѣтъ листьевъ древесныхъ тем-

нѣетъ; небеса представляютъ смѣщеніе свѣта и тьмы — пріятный сумракъ, сопутствующій склоненію дня и предшествующій первымъ лучамъ солнца.

II.

Не слушать ли шума водопадовъ выходитъ Паризина изъ палатъ князей Эста? Или спѣшитъ любоваться яснымъ небомъ посреди мраковъ? Нѣтъ, она не внимаетъ соловью, хотя слухъ ея устремленъ къ звукамъ столь же пріятнымъ. Кто то пробирается сквозь густоту листьевъ: она блѣднѣетъ; сердце бьется скорѣе; тихій голосъ ея призываетъ; румянецъ выступаетъ снова; сердце замираетъ. Еще минута — и они вмѣстѣ; еще мгновеніе — и любовникъ у ногъ ея.

III.

Какая нужда имъ до свѣта и до перемѣнъ непостояннаго времяни? Равнодушны, какъ умершіе, ко всему, что ихъ окружаетъ, что подъ ногами и надъ головою, они дышатъ только другъ для друга:

Самые вздохи исполнены сладости. Упоеніе столь велико, что если бы пламень, ихъ оживляющій не истощался, то истребилъ бы сердца, въ которыхъ пылаетъ.

IV.

Съ томностію во взорахъ удаляются они отъ благотворной сѣни, въ надеждѣ новаго свиданія; клянутся, грустятъ, какъ бы разставались навѣки. Луна освѣщаетъ лице Паризины: тяжелые вздохи, продолжительныя объятія, уста соединенныя, все удерживаетъ любовниковъ на мѣстѣ свиданія. Но должно разлучиться. Сердца ихъ замираютъ, хладный трепетъ разливается по членамъ.

V.

Гугесъ бросается на уединенное ложе, куда пламенныя желанія еще призываютъ супругу другаго. На груди довѣрчиваго Азо покоится Паризина; но лихорадочное содраганіе возмущаетъ сонъ ея. Мечты, волнующія душу, разливаютъ въ щекахъ яркой румянецъ; она повторяетъ

имя, котораго днемъ произнести не смѣетъ, и прижимаетъ супруга къ сердцу, бьющемуся для другаго: онъ пробуждается при нѣжныхъ ласкахъ, воображая себя счастливымъ; думаетъ, что можетъ еще внушить нѣжность и вздохи; въ заблужденіи своемъ готовъ плакать отъ любви надъ тою, которая, кажется, и во снѣ его обожаетъ.

VI.

Онъ цѣлуетъ Паризину и внимаетъ ея прерывныя рѣчи: онъ слышитъ . . . . смертный ужасъ объемлетъ князя Азо: не столько страшенъ звукъ трубы, долженствующей потрясти гробницу его и призвать предъ судъ Вышняго, сколь ужасенъ голосъ супруги въ сіи минуты. Конецъ земному его счастію! Имя, повторенное Паризиною, возвѣщаетъ ея преступленіе и стыдъ Азо. Чье же имя слышится на ложѣ его, поражаетъ душу подобно ревущей волнѣ, бросающей на берегъ утлый челнокъ и разбивающей о камень несчастнаго пловца? Чье имя? . . . Гугеса, его сына; сына той, которую

любилъ онъ въ юности — легковѣрной Біанки, предавшейся обольщеніямъ князя, который не могъ быть ея супругомъ.

VII.

Азо хватаетъ кинжалъ — и снова опускаетъ его въ ножны. Она не достойна жить: но можетъ ли онъ убить женщину прелестную, которая во снѣ улыбается? Онъ не хочетъ даже разбудить ее, но такъ смотритъ, что взоры его поразили бы Паризину ужасомъ, еслибъ, проснувшись, увидѣла при свѣтѣ лампады чело, орошенное потомъ ярости. Паризина умолкла, однакожъ спитъ еще и не знаетъ, что дни ея сочтены, и конецъ ихъ близокъ.

VIII.

Съ возвращеніемъ утра Азо вопрошаетъ всѣхъ живущихъ въ замкѣ — и доказательства, слишкомъ явныя, открываютъ ему то, чего онъ узнать боится. Все возвѣщаетъ слабость Паризины и собственный его позоръ. Невольницы

княгини, долгое время способствовавшія ея невѣрности, избѣгають заслуженнаго наказанія, слагая на госпожу все преступленіе; и когда оно перестало быть тайною, не забывають ни одного обстоятельства, могущаго утвердить справедливость ихъ показаній. Сердцу Азо не въ чемъ болѣе сомнѣваться.

IX.

Онъ не любитъ медленія. Потомокъ древнихъ князей дома Эстовъ, на тронѣ въ палатѣ совѣта, окруженный придворными и стражею, велитъ привести предъ себя преступниковъ. Оба они въ цвѣтѣ лѣтъ; никто не можетъ равняться съ ними красотою. О Боже, должно ли, чтобъ сынъ являлся предъ отцемъ обезоруженъ и окованъ? Въ такомъ видѣ Гугесъ приведенъ предъ гнѣвнаго Азо выслушать приговоръ смерти. Видъ его не показываетъ робости, хотя уста хранятъ молчанье.

X.

Безгласна какъ и онъ, блѣдная Паризина спокойно ожидаетъ своего осужде-

нія. Какъ перемѣнилась та, чьи выразительные взоры разливали веселіе въ чертогахъ, которой вельможи съ такою ревностію старались прислуживать, красавицы подражать голосу, поступкамъ и прелестямъ своей повелительницы! Ахъ, еслибъ въ то время глаза сіи прослезились, тысячи бы мечей возблистали, тысячи воиновъ явились; каждый спорилъ бы о чести быть мстителемъ ея обиды! Какая перемѣна! Можетъ ли она повелѣвать? И станутъ ли ей повиноваться? Всѣ наблюдаютъ глубокое молчаніе: глаза опущены; сдвинуты брови; сложены на груди руки; уста едва удерживаются отъ негодованія: позорище ужасное представляютъ рыцари, женщины, всѣ придворные. Юный герой, избранный Паризиною, носившій нѣкогда преклоненное копье предъ нею, и который, не скованный, освободилъ бы ее не щадя жизни, обожаемой любовникъ княгини, подлѣ нея, обремененъ цѣпями. Онъ не можетъ видѣть глазъ прелестныхъ, проливающихъ слезы, не о своемъ, но о его несчастьи.

XI.

Гугесъ плакалъ бы съ нею: но на него обращены взоры присутствующихъ. Печаль его безмолвна; лице мрачно и горделиво. Онъ стыдится мысли показаться слабымъ предъ толпою и не смѣетъ воззрѣть на Паризину. Воспоминаніе дней протекшихъ, любовь, настоящее несчастіе, гнѣвъ отеческій, презрѣніе людей добродѣтельныхъ, участь его на землѣ и на небѣ, но наиболѣе участь предмета любви незаконной занимаютъ его душу. Осмѣлится ли обратить взоры на чело, печатію смерти обезображенное? — Нѣтъ; ибо иначе не скрылъ бы жалости и угрызеній раскаянія.

XII.

Азо начинаетъ: „еще вчера, говоритъ онъ, гордился я супругою и сыномъ. Сновидѣніе изчезло сего утра — и прежде, нежели изчезнетъ день, у меня не будетъ ни жены, ни сына. Я осужденъ къ жизни одинокой и злополучной. И такъ пусть жребій мой исполнится: не я разрываю

узелъ, насъ связующій. Но приговоръ произнесенъ; казнь пріуготовляется. Гугесъ, служитель вѣры тебя ожидаетъ; ты получишь награду за твои преступленія. Прощай, обратись къ небу, еще имѣешь время для примиренія съ Богомъ. Его только милосердію возможно твое помилованіе; на землѣ же нѣтъ мѣста, на коемъ бы могли мы дышать однимъ воздухомъ. Я не увижу твоей смерти, но ты, невѣрная супруга, будешь свидѣтельницею казни. Прости, вѣроломная! Не я — ты проливаешь кровь Гугесову; переживи, если можешь, позорище казни! Наслаждайся жизнію, которую тебѣ оставляю!"

XIII.

При сихъ словахъ лице Азо помрачается. Напряженныя на челѣ жилы бьются сильно. Онъ опускаетъ голову, трепещущею рукою закрываетъ глаза, чтобы не обнаружить слабости. Гугесъ подьемлетъ къ нему окованныя руки и проситъ позволенія отвѣчать: Князь молчитъ; но не прерываетъ словъ его.

„Не боюсь смерти, вѣщаетъ юноша;

ты видѣлъ, какъ я сражался подлѣ тебя; не тщетно вращалось въ рукѣ моей убійственное желѣзо, отнятое твоею стражею; оно пролило за тебя болѣе крови, нежели прольется на моемъ эшафотѣ. Ты далъ мнѣ жизнь и можешь отнять ее: не благодарю за сей подарокъ. Я не забылъ еще несчастій моей матери, ея любви, презрѣнной тобою, безчестья и стыда, оставленнаго мнѣ въ наслѣдство. Она сошла во гробъ, куда сынъ твой и соперникъ идетъ съ нею соединиться. Сердце ея, растерзанное тобою, моя голова, отсѣченная твоими палачами, будутъ свидѣтельствовать въ царствѣ мертвыхъ нѣжную вѣрность первой твоей любви и горячность родительскую. Правда, я оскорбилъ тебя; но это была обида за обиду. Новая твоя супруга, вторая жертва твоей гордости, была мнѣ назначена. Ты увидѣлъ ее, плѣнился красотою и, ругаясь рожденіемъ моимъ, коего вина лежитъ на тебѣ совершенно, не почелъ меня достойнымъ получить руку Паризины. Въ самомъ дѣлѣ, я не могъ наслѣдовать твоего имяни, не могъ

взойти на престолъ князей твоего поколѣнія; но еслибъ оставили мнѣ еще нѣсколько лѣтъ жизни, я сдѣлалъ бы имя свое славнѣе имяни Эстовъ, пріобрѣлъ бы почести самимъ собою. У меня былъ мечь . . . и сердце; ими бы я заслужилъ шлемъ, столь же почетный, какъ и шлемы, украшавшіе князей твоего рода. Не всегда благорожденные заслуживаютъ блестящія шпоры: мои же часто понуждали коня опережать князей самаго высокаго произхожденія, когда я кидался на непріятеля, провозглашая Эста и побѣду."

„Не хочу оправдываться; не хочу выпрашивать отсрочки на нѣсколько дней, даже на нѣсколько часовъ, тогда, какъ цѣлая вѣчность должна возлечь надъ моимъ прахомъ."

„Протекшіе дни моей жизни, дни несчастія, не могли быть продолжительны. Имя и рожденіе мое позорны и гордость твоя отвергаетъ меня. Однако въ моихъ чертахъ познаютъ твои; твоя кровь въ моихъ жилахъ; у меня твой нравъ кипящій. Для чего ты трепещешь?

Такъ, отъ тебя получилъ я крѣпость руки и пылкость сердца. Не жизнь одну ты далъ мнѣ — все, что велитъ мнѣ называть тебя отцомъ своимъ. Вотъ, что произвела твоя преступная любовь: небо послало тебѣ сына, слишкомъ отцу подобнаго. Что же до жизни, тобою мнѣ данной и тобою отъемлемой, я дорожилъ ею столькоже какъ и ты, когда, надвинувъ шлемы свои, мы бросались въ ряды непріятелей. Прошедшее изчезло, будущее сольется съ прошедшимъ. Для чего небу не угодно было тогда окончить дней моихъ! Ты причинилъ несчастіе моей матери, похитилъ супругу, мнѣ назначенную, ты мой отецъ; но приговоръ твой справедливъ, сколь ни ужасенъ. Я сынъ преступленія, умираю со стыдомъ; конецъ моей жузни таковъ же, какъ и начало. Проступокъ сына происходитъ отъ проступка отца: ты наказываешь оба во мнѣ одномъ. Предъ людьми я кажусь совершенно виновнымъ; но одинъ только Богъ можетъ справедливо судить насъ.“

XIV.

Сказалъ, и тяжкія цѣпи загремѣли на рукахъ его; звуки сіи печально отозвались въ сердцахъ собранныхъ вассаловъ. Но прелести Паризины обращаютъ на нее общее вниманіе. Могла ль она равнодушно выслушать приговоръ надъ любезнымъ? Неподвижны взоры ея; прекрасные глаза незакрыты, но тусклы и мертвенны; по времянамъ только катятся крупныя слезы. —

Она хочетъ говорить и звуки голоса, замирая на устахъ, издаютъ вздохъ, подобный вздоху смертному; еще силится выговорить нѣсколько словъ: произноситъ тяжкой стонъ — и падаетъ, какъ изваяніе, опроверженное съ подножія; она подобится болѣе тѣлу, не имѣвшему никогда жизни, мрамору, представляющему супругу Азо, нежели прекрасной преступницѣ, сердце которой отдалось страсти виновной, но не могло перенести стыда и отчаянія. — Она еще дышетъ: жестокія старанія извлекаютъ ее изъ сей кратковремянной смерти; но

разсудокъ ея помрачился. — Чувства умерли отъ сильныхъ движеній горести; въ душѣ ея раждаются только мысли ничтожныя, смѣшенныя, подобно тетивѣ лука, ослабленной дождемъ и посылающей невѣрныя стрѣлы. Память прошедшаго для нея изчезла, будущее закрыто мракомъ, повремянамъ проясняющимся для того только, чтобъ видѣть весь ужасъ положенія. Такъ точно въ бурную ночь молніи освѣщаютъ пустыню заблудившемуся страннику.

Съ тайнымъ ужасомъ чувствуетъ она тяжкое бремя на сердцѣ, охладѣвшемъ и растерзанномъ; понимаетъ, что смерть должна поразить кого-то, но кого... забыла. Она не живетъ; не чувствуетъ ни земли подъ ногами, ни неба надъ собою; не знаетъ, окружаютъ ли ее люди, или адскіе духи грозятъ своими взглядами той, для которой улыбка разцвѣтала на всѣхъ лицахъ? Все темно и неизъяснимо для ея души заблужденной; все кажется ей смѣшеніемъ надежды и страха; смѣясь и плача поперемѣнно, она подобится человѣку, погруженному

въ судорожной сонъ. Пусть же продлится время его до пробужденія!

XV.

Колеблются колокола отъ повторяемыхъ ударовъ на сѣроватыхъ монастырскихъ башняхъ; гудитъ мѣдь звономъ протяжнымъ, потрясающимъ сердце; слышна пѣснь отходная. — Для Гугеса поютъ, для него раздается звонъ погребальный. Близь вѣчной своей темницы — могилы онъ преклоняетъ колѣни на землѣ голой и холодной. Эшафотъ предъ нимъ; стража вокругъ, и палачь съ обнаженными руками, готовясь поразить вѣрнымъ ударомъ, пробуетъ остріе топора. Толпы увеличиваются; народъ стекается въ мрачномъ уныніи видѣть сына, получающаго смертный ударъ по повелѣнію отца.

XVI.

Прекрасный лѣтній вечеръ склоняется къ тому времяни, въ которое заходитъ солнце; ему не надлежало бы освѣщать дня, столь печальнаго. Послѣдніе

лучи падаютъ на голову Гугеса при окончаніи молитвы, когда онъ, оплакивая въ раскаяніи судьбу свою, преклонился для услышанія изъ устъ человѣка Божія словъ священныхъ, могущихъ омыть нечистоту грѣховную; въ сію минуту солнце освѣщаетъ русые его волосы, но болѣе блеститъ на смертоносной сѣкирѣ и отражается подобно грозящей молніи.

Сколь горестны сіи послѣднія минуты! Зрители ледепѣютъ отъ ужаса. Велико преступленіе, справедливъ законъ, но всѣ трепещутъ.

XVII.

Кончились молитвы сына вѣроломнаго, любовника отважнаго. Чотки пересчитаны; грѣхи исповѣданы. Послѣдній часъ Гугеса ударилъ; срываютъ съ него одежду; русые кудри падаютъ подъ остріемъ ножницъ. Перевязь, никогда его не оставлявшая, подарокъ Паризины, отнята у него; готовятся закрыть повязкою глаза; но нѣтъ, обида сія не нанесется челу горделивому. Чувствованія, оживлявшія прежде покорившееся серд-

це, пробуждаются въ выраженіи глубокаго презрѣнія, когда рука палача приближается съ повязкою къ глазамъ, будтобъ они не смѣли взирать на смерть; онъ отвергаетъ унизительную повязку: „ нѣтъ, говоритъ онъ, безстрашно разстанусь съ жизнію; мои руки связаны — по крайней мѣрѣ умру съ свободными глазами — руби!" . . . съ сими словами кладетъ голову на плаху: „ руби " повторяетъ онъ — и роковой топоръ упадаетъ. Голова катится на землю; окровавленное туловище отвалилось назадъ; кровь брызжетъ изо всѣхъ жилъ; глаза и губы еще движутся; но и сіе движеніе вскорѣ утихаетъ.

Умеръ безъ ожесточенія; преклонялъ колѣни и молился, не отвергая помощи, не отчаяваясь въ милосердіи Бога. Сердце его было чуждо всякой земной мысли, когда онъ обращался къ небу; отецъ раздраженный, подруга несчастія — для него уже тогда не существовали. Не было жалобъ; не было отчаянія; душа наполнялось благочестіемъ — уста произносили однѣ молитвы. Только предъ смертнымъ

ударомъ вырвалось желаніе умереть съ незавязанными глазами, и слова сіи были послѣднимъ прощаніемъ къ свидѣтелямъ казни.

XVIII.

Онѣмѣвъ, какъ тотъ, чьи уста запечатлѣлись смертію, зрители едва дышали; но отъ одного къ другому сообщилось быстрое потрясеніе, когда упалъ топоръ на главу того, чья жизнь и любовь кончились такъ плачевно. Мгновенное содроганіе остановило внутри сердецъ восклицанія скорби, готовыя исторгнуться. Ничто не нарушило мертвенной тишины, кромѣ удара сѣкиры. Вдругъ вопль отчаянія и ужаса раздираетъ воздухъ, вопль, подобный голосу отчаянной матери, лишенной сына неожиданнымъ пораженіемъ. Страшныя стенанія несутся на небо, какъ выраженія души, осужденной на вѣчныя страданія. Изъ палатъ Азо вырываются вопли: обращаются туда взоры; но ничего не видно; ничего не слышно болѣе. Это былъ голосъ женщины -- и отчаяніе не выража-

лось ужаснѣе. Да возможетъ оно умертвить несчастную: думаетъ каждый изъ сострадательныхъ зрителей.

XIX,

Погибъ Гугесъ, и съ той поры нигдѣ не видно Паризины, будто не существовала. Никто не произноситъ ея имяни, какъ слова, производящаго ужасъ и смятеніе. Азо не упоминаетъ ни о супругѣ, ни о сынѣ. Прахъ ихъ считается презрѣннымъ, по крайней мѣрѣ прахъ рыцаря, сраженнаго сѣкирой. Но участь Парицы безвѣстна, равно какъ и могила, въ которой тлѣютъ ея останки.

Искала ли она убѣжища въ монастырѣ для примиренія съ небомъ, провождая дни въ слезахъ и раскаяніи—кинжалъ, или ядъ наказали заблужденія — или милосердію небесъ угодно было, чтобъ она кончила дни, пораженная зрѣлищемъ смерти любезнаго — не извѣстно, и останется тайной; но какова бы ни была участь ея въ мірѣ — жизнь ея началась и окончилась скорбію. —

XX.

Азо взялъ въ супруги другую и подъ старость взрастилъ сыновъ добродѣтельныхъ; но никто изъ нихъ не былъ мужественъ, какъ опочившій во мракѣ гробницы; по крайней мѣрѣ отецъ взиралъ на дѣтей окомъ равнодушнымъ, испуская по временамъ тяжелые вздохи; но никогда улыбка не проясняла чела, на коемъ дума провела ранніе морщины — слѣды печали глубокой, знаки ранъ душевныхъ. Не было для него ни другихъ радостей, ни другихъ скорбей. Ночью сонъ бѣжалъ его, грусть помрачала дни. Нечувствительный къ нориданію и похвалѣ чуждался собственнаго сердца; но горести его не оставляли; и въ то время, когда казался онъ спокойнымъ отъ мученія воспоминаній, онѣ сильнѣе его преслѣдовали. Жесточайшій мразъ покрываетъ льдомъ только поверхность рѣки: текучая вода журчитъ и не перестаетъ журчать подъ корою. Душа Азо не можетъ изгнать мрачныхъ мыслей: природа глубоко ихъ укоренила. Напрасно мы будемъ

удерживать слезы; напрасно затворимъ путь ихъ теченію: не пролитыя возвратятся къ своему источнику, остановятся тамъ, и тѣмъ горестнѣе, тѣмъ непримѣтнѣй.

Азо часто укорялъ себя въ невольной жалости къ тѣмъ, которыхъ поспѣшность его осудила. Не возможно было наполнить пустоты сердечной; не было надежды встрѣтиться когда либо съ предметами его скорби, даже тамъ, гдѣ души праведныхъ соединяются. Со всѣмъ убѣжденіемъ вины ихъ и собственнаго правосудія несчастіе преслѣдовало его до гроба.

Когда осторожная рука отсѣкаетъ поврежденныя отрасли дерева, оно густѣетъ и украшается новою зеленью; но если гроза въ ярости своей пожигаетъ трепещущія вѣтви, тогда стволъ изсыхаетъ и не производитъ болѣе листьевъ.

Николай Бестужевъ.

О РАЗГОВОРѢ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Сообщеніе мыслей во взаимномъ разговорѣ есть безъ сомнѣнія самое лучшее, самое невиннѣйшее и самое пріятнѣйшее изъ всѣхъ препровожденій времяни въ обществѣ. Оно соединяетъ между собою всѣ возрасты и доставляетъ удовольствіе каждому изъ нихъ.

Пренебрегая оное, мы должны бываемъ прибѣгать къ шумнымъ забавамъ: пиры и блистательныя празднества суть дѣти пышности; привязанность къ нимъ дѣлается мало по малу врагомъ общественной жизни, разрушаетъ наконецъ правила и подавляетъ чувствованія наши, между тѣмъ, какъ взаимной обмѣнъ мыслей питаетъ и возвышаетъ

духъ нашъ — и тѣмъ, что передаютъ намъ другіе — и тѣмъ, что сообщаемъ мы имъ изъ сокровищницы нашей опытности. Эта мѣна есть самая лучшая школа для ума. Она производитъ полноту мыслей, которой нельзя пріобрѣсть уединенными занятіями и частными собственными размышленіями; она образуетъ мнѣнія и очищаетъ понятія. Вообще гораздо чаще учатся судить о вещахъ изъ разговоровъ, нежели изъ книгъ, потому что односторонность послѣднихъ служитъ намъ худою порукою въ ихъ безпристрастіи; въ разговоръ же входитъ все, что можно сказать въ подкрѣпленіе мнѣнія и противъ него. Опытъ научаетъ насъ, что люди, способствовавшіе къ распространенію наукъ и усовершенствованію образованія, большую часть своихъ свѣденій почерпали изъ разговоровъ.

Въ нашъ вѣкъ, кажется, часъ отъ часу менѣе отдаютъ справедливости этому услажденію жизни и не хотятъ считать разговоръ между настоящими удовольствіями общества; хотя не только

не должно пренебрегать предметъ, доставляющій столь явную пользу и пріятность, но и надобно ввести его въ системы нашего воспитанія и возвысить цѣну его въ обыкновенной жизни, тѣмъ болѣе, что сіе препровожденіе времяни не требуетъ ни особыхъ приготовленій, ни издержекъ. Хорошо разположенный разговоръ можетъ и долженъ возвышать духъ нашъ и облагороживать сердце. Доброе и прекрасное такъ легко оживотворяетъ благородную душу и кто говоритъ за добродѣтель, имѣетъ уже много преимуществъ предъ самою лучшею книгою, потому что въ разговорѣ такъ много силы придаютъ голосъ, выраженіе, жесты, самое положеніе тѣла. Монтань говоритъ: „чтеніе самой лучшей книги никогда не можетъ такъ тронуть душу, какъ разговоръ. Чистая мѣна нашихъ мыслей похожа на единоборство, въ которомъ слова служатъ намъ оружіемъ. Воображеніе и суетность часто бываютъ въ спорѣ съ настоящимъ убѣжденіемъ; жаръ сраженія оглушаетъ нашъ разумъ; но память наша удерживаетъ сказанное и па-

кіе споры рѣдко остаются безъ пользы, ибо даютъ нашему уму болѣе дѣятельности, нашимъ сужденіямъ болѣе проницательности, нашей памяти болѣе упражненія.“

Общества, въ которыхъ мужчины и женщины свободно изъясняютъ другъ другу свои мысли, суть самыя полезнѣйшія для ихъ взаимнаго образованія. Если мужчины украшаютъ разговоръ чистотою языка и даютъ строгій правильный ходъ мыслямъ, то женщины обогащаютъ оный тою нѣжностію, тою полнотою чувствованій, которыми такъ щедро надѣлила ихъ природа. Желаніе нравиться женщинамъ заставляетъ смягчать выраженія, одушевляетъ воображеніе; мужчины пріучаются къ этой нѣжности, пріятности въ разговорѣ, которая мало по малу превращается для нихъ въ настоящую привычку. Общество получаетъ чрезъ то особенную прелесть, которой никогда не найдемъ мы и въ самыхъ блистательнѣйшихъ пирахъ.

Многіе заблуждаются, думая, что нужно имѣть особенныя дарованія, позна-

нія и пріятность для того, что бы у-мѣть хорошо и правильно изъясняться въ обществѣ. Только вѣсъ, который мы всегда хотимъ придать нашимъ дѣяніямъ и словамъ, бываетъ причиною нашихъ въ семъ случаѣ недостатковъ; природа надѣлила каждаго человѣка даромъ играть въ обществѣ свойственную ему ролю, хотя и не всякій особенно блистаетъ на семъ театрѣ. Правильно чувствовать и правильно мыслить суть первыя и важнѣйшія потребности для того, чтобы хорошо говорить — и тотъ, кто просто и ясно излагаетъ свое мнѣніе, имѣетъ уже большое преимущество предъ тѣмъ, кто старается защищать парадоксы. Въ особенности надобно обращать вниманіе на погрѣшности, которыя мало по малу вкрадываются въ разговоръ. Подробное обсуживаніе и споръ о какомъ нибудь предметѣ составляютъ самую занимательнѣйшую отрасль общественнаго удовольствія; но кто нарочно изыскиваетъ такіе споры, тотъ впадаетъ уже въ погрѣшность — желаніе блистать; кто же не избѣгаетъ оныхъ и обсужива-

ешъ предметъ правильно, тотъ защищеніемъ справедливаго дѣла пріобрѣтаетъ пріятнѣйшую награду.

Главнѣйшая погрѣшность въ разговорѣ есть невнимательность. Даръ хорошо *выслушивать* должно бы вводить въ систему перваго воспитанія и поставить его однимъ изъ строжайшихъ законовъ учтивости. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе невнимательности и не смотря на то мы всего легче впадаемъ въ этотъ порокъ. Умъ можетъ быть образованъ только прилѣжнымъ вниманіемъ. Есть люди, которые вмѣсто того, чтобы слушать, въ продолженіе рѣчей другаго такъ тщательно приготовляются къ своему возраженію, что эта работа ихъ воображенія овладѣваетъ совершенно всѣми умственными ихъ способностями. Эти люди заняты болѣе мыслью о ихъ собственномъ краснорѣчіи, нежели о предметѣ настоящаго разговора; но имянно отъ того, что они невнимательно слушали своего противника, теряютъ они большую часть матеріаловъ къ возраженію и должны замолчать, какъ скоро

выскажутъ хорошо обдуманную рѣчь свою.

Конечно нужно имѣть особенный даръ и большую терпѣливость, чтобы внимательно слушать людей несвѣдущихъ и привыкшихъ смотрѣть и судить о вещахъ съ одной только стороны; но самымъ лучшимъ доказательствомъ правильнаго и образованнаго ума и даже большаго искуства говорить можетъ служить то, когда мы съ пользою вовлекаемъ въ разговоры слабѣйшихъ насъ. Есть люди, которые отличаются свѣденіями своими въ какой нибудь особенной части; другіе, которыхъ удерживаютъ природная застѣнчивость и робость. Весьма большое достоинство состоитъ въ томъ, чтобы, такъ сказать, снизойти къ ихъ ограниченности, и тотъ считается обыкновенно самымъ пріятнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ, кто имѣетъ эту снисходительность и терпѣливость. Для женщинъ добродѣтель сія служитъ особеннымъ украшеніемъ.

Не считаемъ нужнымъ особенно упоминать о погрѣшности прерывать раз-

говоръ другихъ, ибо она уже показываетъ слишкомъ большой недостатокъ воспитанія и не соблюденіе благопристойности, хотя не смотря на то есть довольно людей, которые рѣдко дадутъ окончить рѣчь, не сдѣлавъ какаго либо возраженія. Для безмолвнаго слушателя нѣтъ ничего досаднѣе этой разстановки и перерыва идей; часто нѣсколько такихъ лыдей говорятъ вдругъ и конечно подобное злоупотребленіе лишаетъ разговоръ весьма большой пріятности. Но есть еще гораздо важнѣйшая погрѣшность — желаніе выказывать свой умъ или краснорѣчіе.

Свифтъ говоритъ о семъ весьма справедливо: „ничто не вредитъ такъ разговору въ обществѣ, какъ страсть блистать. Этой погрѣшности подвержены даже самые умные люди. Они считаютъ потерянными всѣ слова свои, если не сказали въ нихъ чего нибудь отличнаго; полагаютъ себя обязанными себѣ и своей славѣ не говорить ничего обыкновеннаго, дабы слушатели не смѣшали ихъ съ толпою.“ И хотя такихъ чудаковъ

въ разговорѣ находятъ всегда болѣе смѣшными, нежели пріятными, молодые люди, столь склонные къ подражанію; охотно слѣдуютъ ихъ примѣру и дѣлаются чрезъ то или слишкомъ болтливыми, или слишкомъ застѣнчивыми и робкими, боясь не сказать ничего отличнаго. При излишней заботѣ о расположеніи того, что хочешь сказать, обыкновенно теряешь изъ виду настоящую цѣль: привлечь вниманіе — и разговоръ дѣлается скученъ, такъ точно, какъ принужденное, изысканное положеніе никогда не имѣетъ пріятности. Предаться совершенно естественному ходу своихъ мыслей есть самый вѣрнѣйшій способъ понравиться. Такъ молодыя женщины говорятъ почти всегда хорошо, потому что слѣдуютъ своему воображенію, не считая за необходимое, для простаго разговора, имѣть обширныя познанія и особенный даръ краснорѣчія. Люди, обдумавшіе какой нибудь предметъ со всѣхъ сторонъ и выступающіе на сцену съ своими неоспоримыми мнѣніями, не могутъ быть пріятны въ обществѣ; своею неуклончивостію хо-

тятъ они показать, что всякій предметъ ими уже совершенно изслѣдованъ, а каково было бы въ обществѣ, если бы только такіе люди говорили въ немъ — не упоминая уже о томъ, что сіи глубокіе изслѣдователи должны лучше всего знать, какъ много еще остается изслѣдовать человѣческому уму!

Каждый народъ имѣетъ особенный, свойственный ему образъ выражаться и внимательный наблюдатель скоро замѣтитъ къ какой націи принадлежитъ говорящій въ обществѣ. Французъ будетъ разсуждать съ вами о каждой наукѣ, какъ совершенный знатокъ и рѣдко покажетъ вамъ, что онъ самъ учится изъ разговора. Англичанинъ на всякой вопросъ отвѣчаетъ сухое: не знаю, хотя предметъ опаго ему и знакомъ: онъ не любитъ говорить. Нѣмецъ молчитъ, частію отъ робости, частію отъ педанства, потому что, по его мнѣнію, всякій предметъ надобно изслѣдовать съ основательностію и глубокимъ знаніемъ дѣла, при томъ же онъ не привыкъ къ изъясненіямъ изустнымъ. Этотъ недо-

статокъ бываетъ замѣтнѣе, когда публичность дѣла придаетъ особенную цѣну риторскимъ дарованіямъ. Для сего не должно пренебрегать школою общественнаго разговора; она можетъ служить прекраснымъ приготовленіемъ къ образованію адвокатовъ и ораторовъ.

Веселость есть самое лучшее украшеніе общественной жизни. Шумныя радости имѣютъ также свои минуты; но они весьма скоро пролетаютъ и за ними слѣдуетъ обыкновенно безмолвіе, потому что радость не въ состояніи проникнуть въ холодное сердце или разстроенную душу; веселость же легко привлекаетъ къ себѣ всѣхъ и тихо вкрадывается въ каждаго человѣка, въ особенности, если она непринужденна.

Даръ разсказывать есть прекраснѣйшее и пріятнѣйшее явленіе въ обществѣ: не всякій имѣетъ его въ равномъ совершенствѣ. Одинъ разсказываетъ въ короткихъ словахъ и придаетъ своимъ описаніямъ живыя и яркія краски; другой распространяетъ разсказъ свой, не наводя однакожъ тѣмъ скуки на слушателей,

потому что полнота его воображенія представляетъ ему тысячи пріятныхъ эпизодовъ. Есть холодные повѣствователи, которые, такъ сказать, пишутъ ихъ картины не темномъ грунтѣ, и тѣмъ болѣе возвышаютъ ихъ краски. Нѣкоторые смѣются прежде всѣхъ надъ тѣмъ, что они скажутъ или даже хотятъ еще сказать смѣшнаго и этимъ самымъ уменьшаютъ веселость ихъ слушателей; многіе разсказываютъ съ жестами и пантоминами; другіе говорятъ сухо и просто.

Каждый долженъ разсказывать такъ, какъ того требуетъ свойство его характера, наклонность его духа и живость его воображенія. Подражаніе, желаніе блеснуть краснорѣчіемъ, запутанность мыслей дѣлаютъ разсказъ непріятнымъ. И здѣсь равнымъ образомъ надобно обратиться къ природѣ: кто просто разсказываетъ то, что онъ просто понялъ, тотъ всегда будетъ говорить пристойно. Кто часто слышитъ людей, хорошо говорящихъ, тому можно заимствовать

то, что возвышаетъ достоинство его разсказа.

Разговоръ получаетъ всего болѣе живости и истины отъ связи понятій, ибо чѣмъ лучше въ рѣчи соединены между собою мысли и мнѣнія, тѣмъ привлекательнѣе она для слушателей. Но недостатокъ въ связи понятій есть главная погрѣшность общественнаго разговора; часто приступаютъ къ заключенію, не объясня еще и не доказавъ истины предложенія. Эти скачки мыслей оставляютъ въ душѣ большую пустоту; когда менѣе обращаютъ вниманія на связь словъ, но тѣмъ болѣе на связь самыхъ мыслей, то рѣчь получаетъ особенную прелесть. Можно непримѣтно пріучить себя къ нѣкоторому роду логики, которая сильно дѣйствуетъ на слушателей, въ особенности, если разсказъ не лишенъ пріятности; а онъ всегда будетъ имѣть ее, когда только будетъ показывать умъ безъ педанства, веселость безъ излишества. Подобія даютъ поводъ къ непринужденнымъ, непримѣтнымъ переходамъ отъ одного предмета къ другому. За од-

нимъ пріятнымъ разсказомъ по легкому сходству слѣдуетъ другое, и такимъ образомъ разговоръ, постепенно обращаясь то на тѣ, то на другіе предметы, объемлетъ вещи, совершенно между собою несходныя. Прямой же перерывъ и переходъ къ другому предмету непріятенъ по тому, что служитъ признакомъ безпорядка мыслей.

Есть люди, которые любятъ всегда разговаривать съ другими особо отъ цѣлаго общества: они удаляются обыкновенно въ уголъ и разсуждаютъ тамъ о чемъ нибудь, лишая чрезъ то общества участія въ ихъ разговорѣ. Если составится нѣсколько такихъ группъ, то главное мѣсто собранія остается пусто и разговоръ вялъ и прерывчивъ. Такія устраненія отъ общества могутъ быть извинительны только тогда, когда необходимость требуетъ говорить о какихъ либо частныхъ дѣлахъ; но иногда, и довольно нерѣдко, произходятъ они отъ эгоизма и въ такомъ случаѣ ихъ должно тщательно избѣгать; они показываютъ недостатокъ воспитанія, ибо даютъ по-

водъ заключать, что такіе люди мало обращаютъ вниманія или даже пренебрегаютъ тѣмъ, что говорится въ кругу общества.

Считаю за ненужное упоминать здѣсь о насмѣшкахъ, колкостяхъ, сатирическихъ замѣчаніяхъ; они не могутъ быть терпимы въ хорошемъ обществѣ, тѣмъ менѣе въ кругу людей образованныхъ. Только изрѣдка бываютъ они позволительны и даже пріятны въ устахъ нѣкоторыхъ людей, въ особенности когда дѣло идетъ о чемъ нибудь, общее посмѣяніе заслуживающемъ; однакожь никогда не должны они быть главнымъ предметомъ разговора, а служить только эпизодами онаго.

Разговоры мужчинъ часто обращаются на политическіе и ученые предметы и бываютъ слишкомъ живы, или слишкомъ сухи. Гдѣ больше женщинъ, нежели мужчинъ, тамъ общій разговоръ легко раздѣляется на частные. Общества, состоящія изъ нѣсколько милыхъ и умныхъ женщинъ съ большимъ числомъ мущинъ, бываютъ самыя пріятныя, въ особеннос-

ти, когда образованность соединяется въ нихъ съ непринужденностію. Такія-то общества должны служить нашему юношеству школою для сердца и ума — и взрослые часто бы оставляли карты и другія увеселенія, если бы знали настоящую цѣну разговора, сего невиннаго, пріятнаго и полезнаго препровожденія времяни.

Съ Нѣм. А. К.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ БОГУ ПРАВДЫ.

(Свободное преложеніе Псалма 93).

„Доколѣ грѣшницы, Господи, доколѣ грѣшницы возвеселятся?“

Возстань, Господь! — Гдѣ судъ Твой правый? —
Почто молчитъ Твой страшный громъ? —
Доколѣ, Господи, доколѣ
Симъ нечестивцамъ пировать
За сладкою трапезой жизни,
Ругаясь благостью Твоей? —
Доколь имъ грѣшникамъ хвалиться
И говорить: „*далеко Богъ!*“
Неправда разлилась, какъ море —
И тонетъ въ ней Твоя земля! —
Они какъ трости изломали
Законы дивные Твои,
И, въ дикой радости, какъ звѣри,
Толпой неистовой бѣгутъ
На шумный праздникъ беззаконья . . .
А стоны вдовъ и сироты,

Твоихъ людей забытыхъ *слёзы* —
Сія сердечная роса —
Возходятъ, съ воплемъ, въ небеса! —
Въ устахъ злодѣевъ громкій хохотъ! —
Они убили *сироту*
И со *вдовицы* ветхи ризы
Сдираетъ жадная рука;
И говорятъ, смѣясь, безумцы:
„Гдѣ Богу, съ неба, видѣть насъ?" —
О заблужденье! Какъ же мыслить,
Чтобъ Тотъ, Кто *слухъ* и *око* далъ,
Не видѣлъ слезъ, не слышалъ, внятно,
Что сердце въ грусти говоритъ? —
Надъ чьей главой благословенье
Свѣтлѣетъ тихою зарей;
Надъ кѣмъ проклятія и вздохи
Станицей черною кипятъ;
Въ чье сердце алчные *пороки*,
Какъ змѣи жадные, впились,
И кто, кичливый, мчится вихремъ
Земныхъ мечтаній и суетъ? —
Блаженъ живущій въ кровѣ Бога!
Не для него шумитъ гроза!
Не для него *ловецъ-погибели*
Хоронитъ подъ цвѣтами сѣть! —
Онъ смѣлою стопою ходитъ
По скользкой жизни... О Творецъ,
Ты Самъ и небеса съ Тобою
Низходятъ къ чистому душой; —
И зритъ онъ, въ духѣ, славу Бога!...

И въ оный часъ, какъ ось земли
Подломится съ гремящимъ трескомъ
И понесется легкій шаръ
Какъ вихремъ листъ въ поляхъ пустынныхъ,
Онъ, невредимый, въ оный часъ,
Прейдетъ въ святое лоно Бога,
Который жилъ въ его душѣ!

Ѳ. Глинка.

~~~~~~

БОЯНЪ. (*)

~~~~~~

ДУМА.

~~~~~~

На брегъ Днѣпра, разбивъ Болгаръ,
Владиміръ — солнце возвратился,
И въ свѣтлой Гридницѣ, въ кругу Князей, Бояръ,
На шумномъ пиршествѣ съ друзьями веселился...

———

Медъ, въ старикахъ воспламенивши кровь,
Протекшую напомнилъ младость,
Побѣды славныя, волшебницу - любовь
И лѣтъ утраченныхъ былую радость!

———

(*) Намъ не извѣстно время, въ которое жилъ Боянъ. Знаемъ только изъ *Слова о полку Игоря*, что Пѣснопѣвецъ сей имѣлъ отличный даръ... Н. М. Карамзинъ, въ своемъ Пантеонѣ Россійскихъ Авторовъ, такъ говоритъ о немъ: „Можетъ быть,
~~~~~~

Безпечнѣе веселый кругъ шумѣлъ;
Звучнѣе гусли раздавались!
Одинъ задумчиво Боянъ сидѣлъ;
Въ немъ думы думами смѣнялись...

жилъ Боянъ во времяна Героя Олега; можетъ быть, пѣлъ онъ славный походъ сего Аргонавта къ Царю—граду, или несчастную смерть храбраго Святослава, который съ горстію своихъ погибъ среди безчисленныхъ Печенѣговъ, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, Ея невинность въ сельскомъ уединеніи, Ея славу на Тронѣ." — Но мнѣ *показалось* правдоподобнѣе представить Бояна пѣвцомъ подвиговъ великаго Владиміра и знаменитыхъ сподвижниковъ его! Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно навѣрно предполагать, что при блистательномъ Дворѣ Сѣвернаго Карломана находились и пѣснопѣвцы: великолѣпныя пиршества, Богатырскія потѣхи и привѣтливость добраго Князя могли привлечь ихъ, а славныя побѣды надъ Греками, Ляхами, Печенѣгами, Ятвягами, Болгарами и другими народами долженствовали воспламенить духъ Піитизма и въ дикихъ чадахъ Сѣвера; которыя впрочемъ, какъ напримѣръ Норманы, за долго до того любили склонять слухъ свой отъ звука оружій и рева бурныхъ морей къ сладостнымъ пѣснямъ своихъ Скальдовъ.

Сочинитель упомянутаго Слова называетъ Бояна *соловіемъ стараго времяни.* Время Владимірово (980-1015) въ отношеніи ко времяни неизвѣстнаго Сочинителя Слова о полку Игоря (1187) можетъ почитаться *старымъ.* Р.

„Какое зрѣлище мой видитъ взоръ —
Мечталъ пѣвецъ унылый:
Бояръ, Князей и Витязей соборъ
И Государь народу милый!

Дивятся ихъ безчислію побѣдъ
Иноплеменныя Державы,
И служитъ, трепеща, завистливый сосѣдъ
Для нихъ невольнымъ отголоскомъ славы.

Ихъ имянами всѣ мѣста
Исполнены на Сѣверѣ угрюмомъ,
И каждый день изъ устъ въ уста
Перелетаютъ съ шумомъ . . .

И я, дивяся ихъ дѣламъ,
Пѣлъ Витязей — и сонмы умолкали,
И персты вѣщіе, по золотымъ струнамъ
Летая, славу рокотали!

Но, можетъ быть, времянъ губительныхъ полетъ
Всесокрушающею силой
Дѣянья славныя погубитъ въ безднѣ лѣтъ,
И будетъ Русь пространною могилой! . . .

И пѣсни звучныя Бояна - соловья
На пиршествахъ не станутъ раздаваться;

Забудутъ Витязей, которыхъ славилъ я,
И память ихъ хвалой не будетъ оживляться!

Ахъ, такъ — предчувствую: Бояна вѣщій гласъ
Вѣковъ въ пучинѣ необъятной,
Какъ эхо дальное въ безмолвной ночи часъ
Межъ горъ умолкнетъ невозвратно...

По чувствамъ пламеннымъ не оцѣнитъ
Пѣвца потомокъ юный;
Въ мракъ неизвѣстности всѣ пѣсни рокъ умчитъ
И звучныя порвутся струны!

Но отлети скорѣй,
Моей души угрюмое мечтанье;
Не погашай послѣдней искры въ ней
Надежды — *жить хоть именемъ въ преданьѣ.*"

К. Рылѣевъ.

РОМАНСЪ.

Простите, милыя мѣста,
Обитель пышная Прелестной,
Гдѣ льстивая любви мечта
Мнѣ жизнью вѣяла небесной!

Я покидаю васъ на вѣкъ:
Бѣгу отсель въ края иные,
За тридевять полей и рѣкъ —
Въ Сидонъ — подъ знамяна святые.

Примите мой невольный вздохъ,
Еще изъ сердца извлеченный,
Разлуки горестной въ залогъ
И вамъ... и Лорѣ посвященный!...

Къ чему, о Лора, былъ сей видъ
Любви столь пламенной, столь явной,
Когда душа твоя хранитъ
Къ другому чувство страсти тайной?

Къ чему похитить мой покой,
Возжечь сей огнь неугасимый,
Когда уже твоей рукой
Почти владѣлъ тобой любимый?

Жестокая!... Но тщетно я
Забыть минувшее стараюсь:
Доколь влачится жизнь моя —
Съ весельемъ вновь не повстрѣчаюсь!

Неси жъ товарищъ — конь скорѣй
Меня къ предѣламъ Палестины
Искать средь вражескихъ мечей
Побѣды, славы и кончины!

Такъ пѣлъ Рогеръ — герой, пѣвецъ —
Во цвѣтѣ лѣтъ добыча страсти,
Рѣшившись свергнуть наконецъ
Яремъ ея волшебной власти. —

Умолкъ. Надвинулъ шлемъ стальной;
Еще на замокъ бросилъ взоры;
Кольнулъ коня — и вороной
Помчалъ его чрезъ долы, горы.

Панаевъ.

ЭЛЕГІЯ.

Какъ странникъ, сбившійся съ пути
И устрашенъ безвѣстной далью,
Глядитъ назадъ съ нѣмой печалью,
Не смѣя далѣе итти;
Такъ я, переступивъ уныло
За половину дней моихъ,
Смотрю и думаю, что въ нихъ
Моей душѣ не измѣнило?

Когда-то счастливъ былъ и я!
Какъ сладкой сонъ я помню время:
Тогда мнѣ жизнь была не бремя
И кто-то звалъ впередъ меня.
Изчезло все, что было прежде!
Обманутъ сердцемъ и умомъ,
Вотще за новымъ рубужёмъ
Я покорился бы надеждѣ...

Пусть пролетают надо мной
Своею очередью годы;
Я устою противъ природы
И не подвигнуся душой:
Мечты и пылкія желанья
Въ мою не протѣснятся грудь —
Я остальной окончу путь
Безъ наслажденья и страданья.

Плетневъ.

ПРИЗНАНІЕ.

Напрасно думаю покинуть милый кровъ,
Гдѣ благо бытія душа моя познала,
Гдѣ обнялъ я друзей и первая любовь
    Въ невинномъ сердцѣ воспылала.

Напрасно мыслію въ безвѣстное несусь,
Мечтая обрѣсти въ чужбинѣ наслажденье;
Здѣсь счастливъ милою, съ ней радостьми дѣлюсь
    И жду судьбы опредѣленье.

Пускай искатели богатства и честей
Въ трудахъ проводятъ вѣкъ, всѣмъ жертвуя забавѣ:
Блаженъ, кто жизнь ведетъ на родинѣ своей
    И дня не удѣляетъ славѣ;

Кто любитъ уголъ свой, младыхъ друзей привѣтъ
И согрѣвается возлюбленной дыханьемъ!
О Лила, я забылъ съ тобою шумный свѣтъ
Со всѣмъ его очарованьемъ —

Въ тебѣ всѣ радости! Чтобъ ни сулилъ мнѣ рокъ,
Я сердца моего послѣдую влеченью,
И, свитый милою, безвремянно, вѣнокъ
Не уступлю никакъ забвенью!

Нѣтъ, другъ мой, не снесу разлуки роковой,
Какимъ бы счастіемъ мечты ни обольщали!
Мнѣ не назначено отрадною судьбой
Влачить остатокъ дней въ печали!

Арапов.

С. Х. Б.

За чѣмъ, за чѣмъ ты мнѣ сказала,
Что ты стихи мои читала?
За чѣмъ въ глаза хвалила ихъ?
Всегда собою недовольный,
Не избалованъ отъ другихъ,
Я далъ себѣ обѣтъ — невольный —
Покинуть Музъ, забыть свирѣль,
Избрать другую жизни цѣль:
Теперь могу ли вновь ручаться,
Что въ силахъ буду воздержаться
Отъ страсти пагубной къ стихамъ?
Ты хвалишь ихъ — чего же болѣ?
Пусть запертъ мнѣ безсмертья храмъ
И тѣсно въ шумномъ славы полѣ —
Я оставляю ихъ другимъ
И буду все писать — доколѣ
Почтенъ вниманіемъ твоимъ.

1821. *В. П.*

СМѢСЬ.

О ЗОЛОТОЙ ГРИВНѢ, НАЙДЕННОЙ БЛИЗЪ ЧЕРНИГОВА.

Желаніе сдѣлать скорѣе извѣстною историческую находку, состоящую въ золотомъ кружкѣ съ изображеніями съ обѣихъ сторонъ и съ надписями одною Рускою и двумя Греческими, побудило меня поспѣшить сообщеніемъ статьи о ней Г. издателю *Отечественныхъ Записокъ*, въ которыхъ она (Ч. IX. Кн. 20, стр. 425 — 442) и напечатана. Сто оттисковъ оной статьи особенно напечатаны съ нѣкоторыми поправками и прибавленіями. При всемъ томъ замѣчанія, а больше догадки мои и сообщенныя мнѣ письменно и изустно о сей находкѣ, какія только можно было сдѣлать по рисунку, по оловянному отливку и по гипсовому слѣпку, пока еще не

былъ сюда доставленъ самый подлинникъ, не только недостаточны, но и ошибочны. Между тѣмъ, какъ занимаются теперь изслѣдованіями сей древности имѣющіе у себя предъ глазами самый подлинникъ, въ трудахъ нашего Общества помѣщены о ней два извѣстія (Соревнов. П. и Б. 1821 г. Кн. XII, стр. 358 и 1822 г. Кн. I, стр. 116). Изъ нихъ въ послѣднемъ, съ мнѣніемъ Г. Члена-Корреспондента Максима Ѳедоровича Берлинскаго (не объявившаго, имѣлъ ли онъ у себя подлинникъ, или только слѣпокъ (*), всѣ три надписи списаны не сходно съ начертаніемъ ихъ на гривнѣ. Для удобнѣйшаго сличенія ихъ съ гипсовымъ, по крайней мѣрѣ, слѣпкомъ, пока

(*) Г. Берлинскій, учитель и смотритель Кіевской Гимназіи, кажется, могъ видѣть и самый подлинникъ; ибо Г. Малороссійскій Военный Генералъ Губернаторъ Князь Н. Г. Рѣпнинъ, вскорѣ послѣ обрѣтенія сей гривны, прошлаго лѣта (1821 г.) въ бытность свою въ Кіевѣ, увидясь тамъ съ Г. Госуд. Канцлеромъ Гр. Н. П. Румянцовымъ, показывалъ оную сему ревностному любителю отечественной Исторіи. Можно себѣ представить, сколько оная находка обрадовала нашего *Мецената сѣвернаго* (см. Вѣс. Евр. 1821. Кн. 24 стр. 316), доставивъ ему пріятный случай сообщить нѣкоторымъ ученымъ оловянные отливки, изъ коихъ полученіемъ одного съ удовольствіемъ хвалится мнѣ знаменитый Славенскій Любословъ Г. Линде, въ письмѣ изъ Варшавы 10 Генваря н. ст. сего года.

издань будешь точнѣйшій рисунокъ съ подлинника, прилагаю при семъ мой, посредствомъ натиска мокрой бумаги на оный слѣпокъ, снятый и чернилами наведенный, который, надѣюсь, доставитъ читателямъ нашимъ нѣсколько лучшее понятіе, нежели самое подробное, безъ таковаго изображенія, описаніе. Для читателей же нашихъ (Соревнователя П. и Б.), коимъ неизвѣстна моя статья о гривнѣ *въ Отечественныхъ Запискахъ* и особо напечатанныя, считаю нужнымъ изложить здѣсь кратное содержаніе оной съ помѣщенными двумя статьями въ нашемъ изданія. Отнюдь не домогаюсь чрезъ то содѣйствовать къ счастливѣйшимъ о семъ предметѣ заключеніямъ. Для меня довольно пріятно исполнить долгъ каждаго любителя истины — исправлять по возможности свои погрѣшности, изъ коихъ нѣкоторыя предоставляю себѣ время исправить также и въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Предполагая, что сей золотой кружокъ по придѣланнымъ къ нему тремъ ушкамъ, или проушинамъ для снурка либо цѣпочки, носимъ былъ на шеѣ, счелъ я приличнѣе назвать оный не медалью, но *гривною*. — Сіе слово издревлѣ извѣстнѣе намъ по нашимъ лѣтописямъ и по Славянскому переводу священнаго писанія, въ которомъ оно многократ-

но встрѣчается, хотя и въ разномъ знаменованіи, т. е. какъ украшеніе частныхъ людей обоего пола, или какъ знакъ отличія и сана, возлагаемый на военныхъ, гражданскихъ и даже духовныхъ чиновниковъ, или особенно предоставляемый имъ верховною властію. Такъ на примѣръ Быт. гл. 38, ст. 18. Ѳамарь, невѣстка Іуды сына Іаковля потребовала въ залогъ исполненія обѣта его „перстень и *гривну* и жезлъ" 2 Кн. Царств. 10; 7. Царь Давидъ, послѣ одержанной побѣды надъ Сиріянами „взя *гривны златы*, яже быша на отроцѣхъ Адраазара царя Сирска." 1 Кн. Маккав. 10; 8. „посла (Александръ) ему (Іоанаѳану) *гривну златую*, якоже обычай есть даяти сродникамъ царевымъ" 11; 57, 58. „Писа Антіохъ юный Іоанаѳану: уставляю тебѣ архіерейство . . . и даде ему власть пити изъ злата, и быти въ порфирѣ и имѣти *гривну злату*" 14; 45 „и нелѣпъ будетъ никому же отъ людей и отъ жрецъ, (кромѣ Симона вождя и Архіерея) облещися въ порфиру и носить *гривну злату* (*) . . . — Іезекія. 16; 11. „рече Господь . . . дщери Іерусалимстѣй . . . возложихъ *гривну* на выю твою" въ перево-

(*) Въ Славенской же Библіи Острогскаго изданія 1581. сіе мѣсто (по переводу съ Латин. Вулгаты) напеч. *оружія* позлащенна; но *fibula* знач. пуговицу, aggraffe.

дахъ св. писанія на другіе языки *гривна* истолкована весьма многоразличными словами, вмѣсто коихъ на другихъ мѣстахъ въ Славенскомъ переводѣ поставлены слова: усерязь, запястье, цѣпь, щитъ и проч. — Въ Несторовой лѣтописи по Кенигсб. списку упоминается о гривнахъ, жалованныхъ Россійскими Князьями своимъ приближеннымъ и боярамъ стр. 94 (1015 год.) „И слугу его (убіеннаго св. Князя Бориса) падша на немъ прободоша съ нимъ. Бѣ отрокъ сей родомъ Угринъ, имянемъ Георгій, его же любяше вельми Борисъ, бѣ бо возложилъ на него *гривну* велику злату, въ ней же предстояше ему." стр. 204. (1147 год.) Михаля же (Боярина Владимірова Ист. Г. Рос. Г. Карамз. II стр. 223 изд. 2) быюче, отторгоша на немъ крестъ и чепи и *гривну* злату. — Впрочемъ мы не имѣемъ точнаго описанія, какова была гривна, о коей здѣсь и во многихъ другихъ мѣстахъ упоминается. Не можемъ также утвердительно сказать, чистое ли это слово Славянское, или Руское. Оно по словарю Рос. Академіи объяснено въ 3 смыслахъ, какъ вѣсъ, какъ знакъ отличія и какъ извѣстное число денегъ, и сіе объясненіе подтверждено показаніемъ мѣстъ изъ св. писанія и Рос. лѣтописей, въ коихъ оно употреблено въ разныхъ значеніяхъ. Въ Церковномъ словарѣ П. Алексѣева почти то-

же повторено подъ словами *гривна и цата.* Оба сіи слова Татищевъ въ лексиконѣ своемъ (стр 90) считаетъ за одно, т. е. за знакъ, который по весьма древнему обычаю давалъ былъ знатнымъ военачальникамъ (см. его жъ Ист. Рос. II прим. 390), особливо у насъ тысяцкимъ при полученіи чина: по тутъ же гривну смѣшиваетъ съ нынѣшними офицерскими знаками (!), а на стр. 89 слово гривну, какъ монету, производитъ отъ гривы конской „сирѣчь достоинство (цѣна) коня, яко и въ законѣ Ярославлѣ положено — княжему коню цѣна гривна (!). Въ лексиконѣ треязычномъ (Поликарпова) Москв. 1704 стр. 79 положено только слово: *гривна пенязей* и переведено по Греч. ἡμνᾶ по Лат. mna, mina. Сочинитель опыта о Новгородскихъ посадникахъ (Моск. 1821 стр. 46), сомнѣваясь, чтобъ, по мнѣнію Татищева и сочинителя Записокъ касательно Рос. Исторіи, гривна была признакомъ званія Тысяцкаго и посадника, называетъ также древнія гривны *нынѣшними* медалями, которыя однако, какъ извѣстно, нынѣ даются почти однимъ именитымъ гражданамъ и купеческаго или мѣщанскаго званія людямъ за ихъ услуги общества, но не имѣютъ преимуществъ присвоенныхъ кавалерскимъ орденамъ; хотя и сіи знаки благородства едвали можно почитать за одно съ пре-

жними гривнами. Онѣ имѣли свое достоинство.

Черниговская гривна, величиною въ поперешникѣ 3 Англ. дюйма, вѣсить, какъ мнѣ сообщено, 48 драхмъ и 54 грана, или 57 червонцовъ. Въ Ариѳметикѣ Леонтія Магницкаго, Москв. 1703 г. въ л. (Опыт. Рос. Библіогр. Соп. N 99) стр. 37 означенъ вѣсъ въ гривнѣ серебра 16 лотовъ, а золота 56 червонцовъ — весьма близко къ вѣсу найденной. — Не извѣстно, почему Г. Берлинскій опредѣляетъ ей вѣсъ 42¾ золотника; что также составляетъ почти 14 лотовъ.

Касательно Руской подписи: *ГИ* (Господи) *помози рабоу* (рабу) *своіему Василигю* (на концѣ юсъ) *аминъ*, весьма достойно замѣчанія правописаніе, находимое только въ древнѣйшихъ Славянскихъ рукописяхъ, а притомъ буква *юсъ*, послѣдняя въ словѣ Василигя, есть отличительный признакъ письма южныхъ Славянъ, употребляемый и нынѣ Молдо-влахами. Буква *г* между *и* и *ю* (юсъ) включена вѣроятно для смягченія выговора послѣдней, которая также произносится нынѣ въ юсовыхъ книгахъ, какъ наше *у*, хотя нѣкоторые думаютъ, что она писалась и вмѣсто прочихъ гласныхъ (опыт. Рос. Библіогр. Ч 1 стр. 86. Истор. Рос. Гос. Карамз. 2 изд. Ч. I стр. 97 прим. 262). Приставка буквы *г* къ предыдущей даже согласной, съ коею она слитно

*

и писалаѣ, встрѣчается въ сборникѣ Святославовѣ 1073 г. лгюди вм. люди, пустынгі вм. пустыни, и въ Евангеліи XII и съ нгіми съ ними. Богемцы и нынѣ пишуть *gich.* вмѣсто *ich,* т. е. *гихъ* вм. *ихъ.* Италіянцы *gna*ипр. *gla;* итр. выговар. ньа, лья. Французы тожъ: *gna,* выг. нья. Должно замѣтить также въ словѣ своіему, сличное, или двоегласное *іе* вмѣсто е; (о коемъ см. Вѣс. Евр. 1818 N 15, 16 и 20 о Мстиславовой грамотѣ). Оно изрѣдка встрѣчается и въ Ипатіевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи. Одно сіе правописаніе показываетъ глубокую древность найденнаго памятника; при всемъ томъ, по неозначенію на немъ ни историческаго, ни хронологическаго вѣрнаго знака, трудно и едвали возможно опредѣлить вѣкъ онаго. Имя *Василія* можетъ относиться къ обоимъ Владимірамъ, просвѣтителю Россіи и Мономаху, получившимъ оное при своемъ Крещеніи. Сего Мономаха, до кончины дяди своего, коему великодушно уступилъ великое Княженіе, оставшагося на Черниговскомъ своемъ престолѣ, нѣкоторые считаютъ нашимъ Манліемъ Торкватомъ; ибо Мономахъ значитъ единоборца. Изображеніе Архангела Михаила также можно почитать изваяннымъ въ честь соименитовъ его: перваго Митрополита Кіевскаго и всея Россіи, коего и каѳедральною церкві

была златоверхо-Михайловская или В. К. Святополка — Михаила (1093 — 1113), который могъ употреблять оное на своей печати, вмѣсто герба своего, своей столицы и всего великаго Княжества (если токмо при немъ имѣли даже понятіе о гербахъ въ Россіи), подобно какъ В. К. Георгій Долгорукій, основавъ новое великое Княженіе въ Суздалѣ и Володимірѣ, избралъ своимъ гербомъ св. побѣдоносца Георгія (или просто всадника, и нынѣшній гербъ Литовскій) а потомъ, вмѣстѣ съ престоломъ, перенесъ его въ Москву: ученый *Бартелеми* въ Dissertation sur les medailles arabes доказалъ, какъ иностранные художники, имѣя предъ собою образцы монетъ Греческихъ и другихъ, дѣлали такія же монеты съ прибавленіемъ только имяни владѣльца. Отъ сего то произошли странныя несообразности надписей съ изображеніями, представляющими пресв. Дѣву и Ноггемъ Эддина, царя Туркоманновъ, Антіоха VII Царя Сирійскаго и Гуссамъ — Медина Тимурпаскаго. Впрочемъ всѣ догадки не стоятъ одной — истины.

В. А.

С. П. бургъ.
23 Генв. 1822.

ИМЯНА МѢСТЪ И ОСОБЪ, ПОДПИСАВШИХСЯ НА ПОЛУЧЕНІЕ СЕГО ЖУРНАЛА 1822 года.

Въ Александровскѣ.

Его Высокоблагородіе Михайло . . . Иваненко.

Въ Астрахани.

Г. Вице-Губернаторъ Петръ Архиповичъ Зотовъ.

Его Сіятельство Князь Сербеджабъ Тюменевичъ Тюменевъ.

Ихъ Благородія:

Иванъ Ивановичъ Нелидовъ.

Павелъ Васильевичъ Фалеевъ.

Петръ Степановичъ Политовъ.

Саратовскій купецъ Григорій Никифоровичъ Голиковъ.

Въ Ачинскѣ.

Купецъ Иванъ Ѳедоровичъ Родіоновъ.

Въ Балтѣ.

Маршалъ Ипполитъ . . . Чарномскій.

Его Сіятельство Князь Георгій . . . Абимелика.

Въ Белебеѣ.

Его Высокоблагородіе Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Въ Бобровѣ.

Его Высокоблагородіе . . . . . . Бобровъ.

Въ Брянскѣ.

Уѣздный Предводитель дворянства . . . . . . Небольсинъ.

Въ Бузулукѣ.

Земскій Исправникъ . . . . . . Лукинъ *на первую половину года.*

Въ Валкахъ.

Его Высокоблагородіе Николай Максимовичь Павловъ.

Въ Верхотурвѣ.

Его Благородіе Петръ Өедоровичь Щепетильниковъ.

Въ Воронежѣ.

Его Высокоблагородіе . . . . . . Темировъ.

Его Благородіе . . . . . . Кавалевъ.

. . . Г. Викулинъ.

Въ Вязьмѣ.

. . . Иванъ Ивановичь Барышниковъ.

Во Гдовѣ.

Его Благородіе Егоръ Михайловичь Овошниковъ.

Въ Гусятинѣ.

Его Благородіе . . . . . . Вишневскій.

Въ Духовщинѣ.

Предводитель дворянства Иванъ Богдановичь Краевскій.

Въ Екатеринбургѣ.

Его Благородіе Тимоѳей Яковлевичь Яковлевъ.

Въ Екатеринодарѣ.

Черноморская Гимназія.

. . . Григорій Кондратьевичь Матвѣевъ.

Въ Екатеринославѣ.

Канцелярія Гражданскаго Губернатора.

Уѣздный Предводитель дворянства Викторъ . . . Папчинской.

Его Высокоблагородіе Осипъ . . . де Далке.

Въ Задонскѣ.

Его Высокоблагородіе . . . . . . Викулинъ.

Его Благородіе . . . . . . Арель.

Въ Зинковѣ.

Бывшій Маршалъ Иванъ Тимоѳеевичь Пащенка.

Въ Ирбити.

Его Благородіе Андрей Александровичь Брюхановъ.

Въ Казани.

Г. Вице-Губернаторъ Александръ Яковлевичь Жмакинъ.

Его Высокоблагородіе Сидоръ Антоновичь Мильчаковъ.

Въ Каинскѣ.

. . . Алексѣй Христофоровичь Поповъ.

Въ Каменецъ-Подольскѣ.

Его Благородіе Лука . . . Бернацкой.

Въ Камышловѣ.

Его Благородіе Ефимъ Ивановичь Бочкаревъ.

Въ Кіевѣ.

Его Благородіе Николай Григорьевичь Киселевской.

Въ Кирсановѣ.

Его Сіятельство Князь Григорій Сергѣевичь Голицынъ.

Въ Козловѣ.

Его Высокоблагородіе . . . . Симоновъ.

Въ Краснослободкѣ.

Купецъ Иванъ , . . Савастьяновъ.

Въ Красноярскѣ.

Его Благородіе Петръ Михайловичь Львовъ.
Купецъ Иванъ Евстратьевичь Новиковъ.

Въ Кронштатѣ.

Баронъ Карлъ Романовичь Унгернштернбергъ.

Въ Кунгурѣ.

Его Благородіе Ѳедоръ Ивановичь Зеленцовъ.

Въ Липецкѣ.

Его Благородіе Григорій Александровичь Чаплыгинъ.

Въ Лугѣ.

Его Высокоблагородіе Петръ Григорьевичь Базанинъ.

На Луганскомъ Литейномъ Заводѣ.

Его Высокоблагородіе Густавъ Густавовичь Гессъ де Кальве.

Въ Минскѣ.

Г. Гражданскій Губернаторъ.

Въ Мологѣ.

. . . Иванъ Тимоѳеевичь Радожицкой.

Въ Москвѣ.

Собраніе Университетскаго Пансіона.

Университетская книжная лавка.

Ея Превосходительство Марья Ивановна Посникова.

Ихъ Высокоблагородія:

Анна Сергѣевна Вельяминова — Зернова.

Варвара Александровна Шетилова.

Ѳедоръ Ѳедоровичь Кокошкинъ.

Николай Лукьяновичь Бобарыкинъ.

Петръ Герасимовичь Воскресенской *на 5 экз.*

Илья Ивановичь Полугарскій - - - — 2 —

. . . . . . Голохвастовъ *на первую половину года.*

Его Благородіе Александръ Петровичь Хрущевъ.

Въ Новохоперскѣ.

Его Благородіе . . . . . . Кунъ.

Въ Новочеркаскѣ.

Войска Донскаго Войсковая Канцелярія *на 10 экз.*

Въ Одессѣ.

Ришельевскій Лицей.

Его Благородіе Петръ Родіоновичь Варенниковъ.

Купецъ Дмитрій . . . Дума.

Въ Ольгополѣ.

Повѣтовый Маршалъ Фабіанъ . . . *Липинской.*

ВъОраніенбаумѣ.

Его Благородіе Яковъ Михайловичь Евреиновъ.

Въ Орлѣ.

Его Превосходительство Николай Ивановичь Шредеръ.

Губернскій Предводитель дворянства . . . . . . Милорадовичь.

Въ Пензѣ.

Ихъ Превосходительства:

Ѳедоръ Петровичь Лубяновскій.

Николай Ѳедоровичь Кишенскій.

Въ Перми.

Губернская Гимназія.

Г. Вице-Губернаторъ . . . . . . Созовъ.

Ихъ Благородія:

Ѳедоръ . . . Пономаревъ.

Иванъ . . . Волеговъ.

Андрей Ивановичь Рышковъ.

Иванъ Ивановичь Анщиновъ.

Во Псковѣ.

Его Благородіе Иванъ Ермолаевичь Великопольскій *на первую половину года.*

Въ Порѣчьѣ.

Его Сіятельство Графъ Евгеній Михайловичь Каховской.

Его Благородіе Петръ Васильевичь Догоновской.

Въ Пошехоніи.

Его Высокоблагородіе Петръ Васильевичь Кашинцовъ.

Въ Путивлѣ.

Его Благородіе Яковъ Яковлевичь Мачехинъ.

Въ Ревели.

Собраніе, называемое Шварценгейптергезельшафтъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Карлъ Ѳедоровичь Стефани, *на 2 экз.*

Густавъ Матвѣевичь Кохъ.

Ихъ Благородія:

Иванъ Ѳомичь Линкенсъ.

Василій Антоновичь Келеръ.

Александръ Андреевичь Альбрехтъ.

Иванъ Даниловичь Бахманъ.

Андрей Ивановичь Крокъ.

Въ Романовѣ.

Его Высокоблагородіе Иванъ Михайловичь Ярославовъ.

Въ Ростовѣ.

Его Благородіе Илья Никитичь Гаряиновъ.

Въ Рыбинскѣ.

Его Благородіе Дмитрій Михайловичь Ащеринъ.

Градской Глава Ѳедоръ ... Тюменевъ.

Въ Ряжскѣ.

Уѣздный Преводитель дворянства Николай ... Сатинъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Петровичь Ляпуновъ.

Ихъ Благородія:

Петръ Ивановичь Ляпуновъ.

Николай Никифоровичь Сазоновъ.

Въ Рязани.

Его Высокопревосходительство Александръ Дмитріевичь Балашовъ.

Ихъ Благородія:

...... Улановъ.

...... Акаемовскій.

...... Ивановъ.

...... Речманъ.

...... Руровскій.

Въ Санктпетербургѣ.

Гвардейскій Штабъ.

1 Департаментъ Правительствующаго Сената.

Монетный Дворъ.

Горный кадетскій корпусъ на 4 *экземпл.*

Его Сіятельство Графъ Алексѣй Андреевичь Аракчеевъ.

Его Превосходительство Викентій Ивановичь Голынскій.

Г. Вице-Губернаторъ Александръ Ивановичь Бороздинъ.

Ихъ Высокобрагородія:

Алексѣй Алексѣевичь Лякинъ.

Иванъ Өедоровичь Галченковъ.

Осипъ Ѳомичь Тихорскій.
Иванъ Лаврентьевичь Качаловъ.
... ... Мечковъ.
ГГ. Совѣтники Губернскаго Правленія:
... ... Никитинъ.
... ... Коленниченка.
... ... Василевскій.
Г. Ассессоръ ... Мейеръ.
Г. Губернскій Прокуроръ ... Семеновъ.
ГГ. Засѣдатели Уголовной Палаты:
Отъ дворянства ... Поспѣловъ.
Отъ купечества ... Пшеницынъ.
Коммерціи Совѣтникъ Градской глава Жербинъ на 2 *экземпл.*
Ихъ Благородія:
Александръ Филиповичь Кормилевъ.
Тимоѳей Гавриловичь Ефремовъ.
Григорій Васильевичь Григорьевъ.
Александръ Андреяновичь Полозовъ.
Александръ Ивановичь Массонъ.
Лука Ивановичь Клишинъ.
Семенъ Кириловичь Нарышкинъ.
Александръ Андрѣевичь Ананьинъ.
Николай Ильичь Томилинъ.
Александръ Павловичь Безсоновъ.
Марья Степановна Мартынова.
Николай Павловичь Парадисовъ.
... ... Мартыновъ.

(Продолженіе впредь).

ОГЛАВЛЕНІЕ
СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

I. НАУКИ.

РОССІЙСКАЯ ИСТОРІЯ.

II. КРИТИКА.

III. ЛИТЕРАТУРА.

А. ПРОЗА.

Б. СТИХОТВОРЕНІЯ.

IV. СМѢСЬ.

Къ №: 3 Соревнов.
Про. и бла.
1822 г.

Золотая Гривна, найденная близь Чер-
нигова въ Маiѣ 1821 года